

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1(99)

Выходит 4 раза в год. Год издания 17-й

Январь—март 2009

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по каталогу
ОАО «Роспечать»
«Газеты. Журналы»
83193

По Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

От редколлегии

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Ричард РОУЗ. Реакция на трансформации: тенденции
в российском общественном мнении 6

Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Хроника экономического кризиса
в оценках масс 29

Сергей МИЦЕК. Россия: вступление в кризис, кризис,
выход из кризиса 39

Георгий САТАРОВ. Динамика оценок судебной власти
гражданами и предпринимателями 47

Лариса КОСОВА. Общество ненакопления 56

Екатерина ЛАПИНА-КРАТАСЮК. Политика и медиареальность:
формирование общественного мнения о последней кавказской
войне 65

ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Галина ЗВЕРЕВА. Как «нас» теперь называть? Формулы
коллективной самоидентификации в современной России 72

Владимир РИМСКИЙ. Воздействие сети Интернет
на социальную активность, формирование и развитие
идентичностей 86

Леонид АШКИНАЗИ, Марина ВЕКШТЕЙН. Национальные
предпочтения при аренде жилплощади в Москве,
или «Кроме ККА и Азии» 97

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ПОЛЕМИКА

Лев ГУДКОВ. Есть ли основания у теоретической социологии
в России? 101

Авторы номера

Юбилей Владимира Александровича Ядова

Ответственный редактор
выпуска В.В. Дубин

Редактор, корректор
О.А. Афанасьева

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1(99)

Quarterly

January–March 2009

Analytic Center
Yury Levada
(Levada-Center)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of
the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

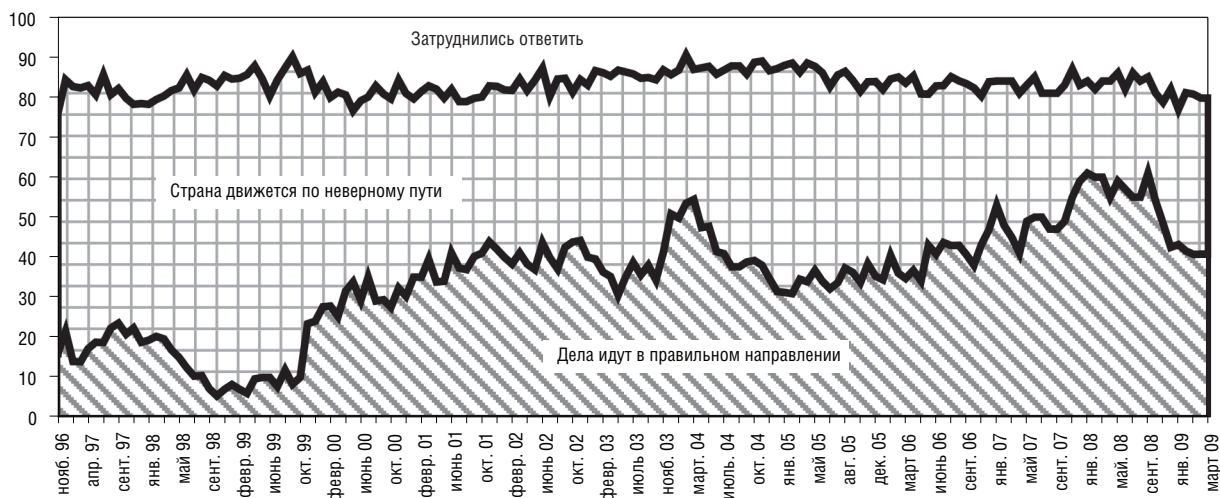
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
From editors	5
RUSSIAN SOCIETY AND ITS CHANGES	
Reaction to Transformation: Trends in Russian Public Opinion (by Richard ROSE)	6
Economic crisis in mass attitudes (by Marina KRASILNIKOVA)	29
Russia: Entering the Crisis, the Crisis, and the Way out of the Crisis (by Sergey MITZEK)	39
The dynamic citizens' and entrepreneurs' evaluations of judicial system (by Georgy SATAROV)	47
The Society of Non-accumulation (by Larissa KOSSOVA)	56
Politics and Media Reality: Shaping up Public Opinion about the Last Caucasus War (by Ekaterina LAPINA-KRATASYUK)	65
PROBLEMS OF COLLECTIVE IDENTIFICATION	
What are «We» to be Called Now? Formulas of Collective Self-identification in Contemporary Russia (by Galina ZVEREVA)	72
The Impact of Internet on Social Activity of, Shaping and Developing Identities (by Vladimir RIMSKYI)	86
Ethnic Preferences in Leasing Apartments in Moscow (by Leonid ASHKINAZI and Marina VEKSHEIN)	97
SOCIAL THEORY: POLEMICS	
Are there Grounds for Theoretical Sociology in Russia? (by Lev GUDKOV)	101
Autors of the issue	116
Vladimir Yadov at eihgty: congratulations	117
SUMMARY	118

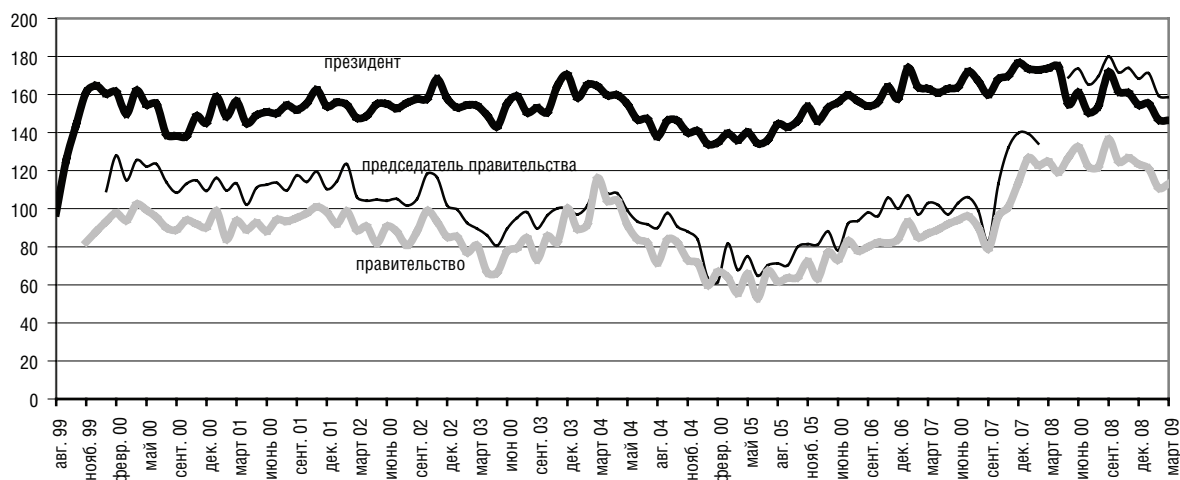
МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ДЕЛА В РОССИИ ИДУТ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ СОБЫТИЯ ВЕДУТ НАС В ТУПИК? (в % от числа опрошенных, N=1600 человек)

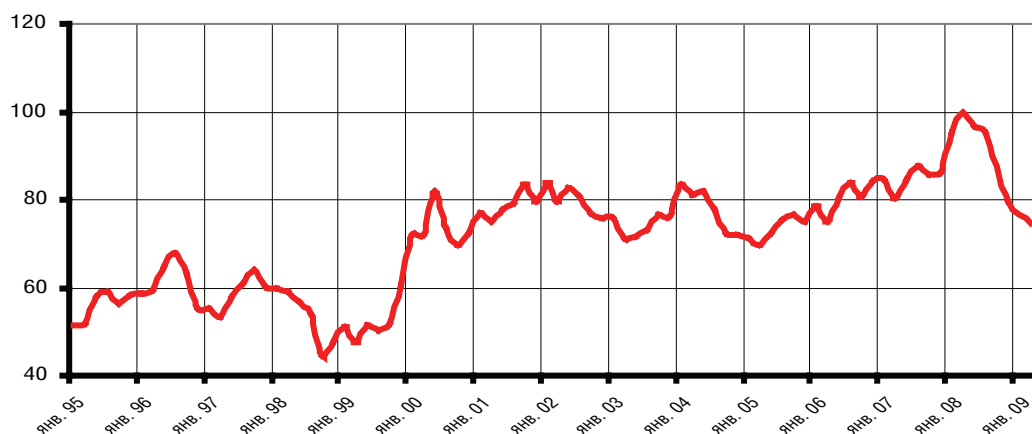
2. ИНДЕКСЫ ОДОБРЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА, ПРЕМЬЕР МИНИСТРА И ПРАВИТЕЛЬСТВА

(разность положительных и отрицательных оценок плюс 100)

N=1600

3. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

За последние 3 месяца 2008 г. за три месяца индекс социальных настроений (ИСН) снизился на 17%, а за первый квартал нынешнего — еще на 6%. Таким образом, в последнее время темпы ухудшения настроений снизились, а с учетом сезонного падения настроений в конце зимы — начале весны нынешнее ухудшение общественных настроений выглядит незначительным. И в сегодняшних российских условиях это неплохая новость.

Структура изменений общественных настроений в начале 2009 г. выглядит иначе, чем в конце прошлого. Тогда основным фактором ухудшения настроений были ожидания, и как раз это обстоятельство указывало на то, что страна находится только в начале кризисного пути. Сейчас на первый план выступили более прагматические соображения: оценки собственного материального положения и оценки действий властей стали ведущими факторами дальнейшего ухудшения настроений. Все это указывает на то, что пока рано ожидать перелома тенденции динамики ИСН.

4. ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ: ОЖИДАНИЯ И ТРЕВОГИ

Как Вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2008, март	2008, июнь	2008, сентябрь	2008, декабрь	2009, март
Значительное улучшение ситуации	8	7	8	5	4
Некоторое улучшение ситуации	53	49	50	37	34
Некоторое ухудшение ситуации	13	13	19	30	29
Значительное ухудшение ситуации	2	2	2	6	6
Затруднились ответить	25	30	21	22	27

N=1600

Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2008, март	2008, июнь	2008, сентябрь	2008, декабрь	2009, март
Благополучная	10	12	7	5	4
Спокойная	60	59	45	44	44
Напряженная	23	22	40	40	40
Критическая, взрывоопасная	2	2	2	5	4
Затруднились ответить	7	6	6	7	8

N=1600

От редколлегии

Как увидят читатели, в этом номере нашего журнала нет привычного блока таблиц с результатами текущих опросов Левада-Центра. Потребность в публикации таких материалов была чрезвычайно высока в начале 1990-х гг., когда наш Центр был почти единственным в стране источником систематической информации о состоянии общественного мнения, предоставляя в распоряжение заинтересованных читателей данные регулярных социологических опросов. Сегодня, когда таких журналов больше, мы не видим нужды в простой публикации «сырых» данных. Так что в будущем «Вестник» будет состоять только из аналитических материалов и проблемных статей. Собственно же табличные распределения результатов наших текущих исследований интересующиеся читатели могут начиная с ближайшего времени найти на сайте www.levada.ru.

Это означает, что мы расширяем проблематику и круг авторов, фактически вдвое увеличивая тем самым печатный объем публикуемых материалов. Соответственно, это повлекло за собой необходимость перехода на другой режим публикации: журнал будет выходить теперь раз в три месяца, т. е. четыре раза в год.

Редакция заинтересована в качественных теоретических, аналитических и обзорных материалах по вопросам, связанным с современным состоянием российского общества и культуры, их трансформациями, сопоставительным анализом российской ситуации и процессов в других странах, выходящих из тоталитарного режима.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Ричард Роуз

Реакция на трансформации: тенденции в российском общественном мнении*

Статья основывается на данных серии исследований «Новый российский барометр» (НРБ), которые были проведены в 1992–2008 гг. по программе и анкете автора Аналитическим центром Юрия Левады. К настоящему времени проведено 17 исследований в рамках НРБ. Одни были предприняты незадолго до выборов и вскоре после них, другие — когда дела шли «нормально» (в русском и английском языках это слово указывает на различные феномены)¹. Восемь исследований было проведено, когда президентом был Борис Ельцин, восемь — когда президентом был Владимир Путин, и одно — вскоре после избрания Дмитрия Медведева. База данных НРБ позволяет проследить, как менялись условия жизни россиян при различных президентах, в различных экономических условиях, как происходила адаптация к изменениям.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Значительное увеличение свободы от государства. Свобода от государства, которая воспринимается как должное в демократических обществах, при коммунистических режимах недоступна². Во втором исследовании в рамках НРБ был разработан «индекс свободы», который позволил бы оценить, насколько свободно чувствуют себя люди, в сравнении с жизнью при коммунистическом режиме. Факторный анализ показывает, что на основе четырех вопросов (см. приложение п. 1.1) можно сформировать единый показатель степени свободы от репрессивного государства³.

Крушение коммунистического государства с тоталитарным прошлым дало простым россиянам намного больше свободы в частной жизни. В каждом опросе НРБ большинство россиян отвечали, что они чувствуют больше свободы по каждому из четырех пунктов. В среднем за все время проведения опросов 82% респондентов говорили, что, «в сравнении с тем, что было до перестройки, стало легче решать вопросы своей религиозной жизни», 78% — что «стало легче вступать в любые организации», 75% считали, что «стало легче говорить все, о чем думаешь», и 71% отмечали, что «стало легче свободно решать, участвовать или нет в политике».

Особенно заслуживает внимание факт, что большинство россиян говорят о праве интересоваться **или** не интересоваться политикой. То, что россияне воспринимают свободу от обязательного политического участия как большое достижение, расходится с англо-американскими теориями, которые рассматривают политическое участие как нечто желаемое⁴.

Очевидная слабость администрации Ельцина увеличила ощущение такой свободы. Среднее количество положительных ответов выросло с 64% в 1993 г. до 77% к моменту, когда Ельцин покидал свой пост. Атаки путинской администрации на критиков режима не уменьшили широко распространенное ощущение свободы. Оно оставалось очень высоким вплоть до последнего электорального цикла, когда доля ответивших, что «стало легче говорить все, о чем думаешь», сократилась с четырех пятых до двух третей.

Подавляющее большинство поддерживает нынешний политический режим. В рамках НРБ людей просили оценить существующий политический режим исходя из собственного опыта. Во-первых, нужно было оценить советский

* Полный текст отчета об исследовании «Новый Российский Барометр» (1992–2008) см.: *Rose R. Responses to Transformation and After: Trends in Russian Opinion Since 1992.* University of Aberdeen, Centre for the Study of Public Policy, 2008.

¹ См.: *Rose R. Is Russia Becoming a Normal Society? // Demokratizatsiya.* 2008. Vol. 16. № 1. P. 75–86.

² См.: *Berlin I. Two Concepts of Liberty // Four Essays on Liberty.* L.: Oxford University Press, 1969. P. 118–172.

³ См.: *Rose R. Freedom as a Fundamental Value // International Social Science Journal.* 1995. № 145. P. 457–471 (and in Russian).

⁴ См.: *Almond G.A., Verba S. The Civic Culture.* Princeton: Princeton University Press, 1963; *Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes.* Boulder: Lynne Rienner, 2000.

режим, с которым каждый взрослый россиянин был знаком с рождения. Во-вторых, нынешний режим. И наконец, режим, который, по мнению респондентов, установится через пять лет. Чтобы наилучшим образом зафиксировать изменения негативных и позитивных оценок, была предложена шкала от -100 до +100¹.

Для большинства россиян «старый режим» — это не реформистский режим Горбачева, но доперестроечная система Леонида Брежнева, в которой не было открытости и политическая жизнь была много более предсказуема. Большинство россиян дают коммунистическому режиму положительную оценку. Однако за 20 лет количество положительных оценок сначала росло, а затем начало сокращаться. Количество тех, кто положительно оценивал старый режим, увеличилось с 50% в январе 1992 г. до 73 в 2000 г. Однако в опросе 2008 г. таких было уже 56%, также снизились и средние оценки.

Политический режим, установившийся после распада СССР, был очень непопулярен с самого начала, только 14% поддерживали его в 1992 г., и не более 38% положительно оценивали на протяжении обоих сроков президентства Бориса Ельцина. Начиная с 2001 г., когда избрание Владимира Путина совпало со значительным экономическим ростом, все больше и больше людей положительно оценивали Российскую Федерацию как политическое сообщество. К концу второго срока президентства Владимира Путина беспрецедентное количество россиян (84%) поддерживали политический режим.

Ожидания по поводу будущего политического режима были постоянно выше, чем оценки настоящего. Например, после президентских выборов 2000 г. 72% были оптимистично настроены в отношении того, каким будет политический режим через пять лет, в сравнении с 37% положительно оценивавших современный режим. В последнем опросе НРБ 88% россиян положительно высказались в отношении будущей политической системы.

Одновременно средние оценки современного режима изменились с -41 в 1992 г. до +33 в 2008-м. Одобрение прежнего политического режима в среднем изменилось с +36 в 2000 г. до +13 в 2008. По шкале +100/-100 средние оценки будущего политического режима изменились с 0 в 1995 г. до +51 в 2008 (см. приложение п. 1.2).

¹ См.: *Rose R.* Escaping from Absolute Dissatisfaction: a Trial-and-Error Model of Change in Eastern Europe // *Journal of Theoretical Politics*. 1992. Vol. 4. № 4. P. 371–393.

Противоречивое отношение к правительству.

Так как россияне жили при двух разных политических режимах, их оценки правительства сочетают суждения о прошлом и настоящем. Непротиворечивые политические взгляды демонстрируют «сторонники перемен», т. е. поддерживающие нынешний и негативно высказывающиеся в отношении прежнего, а также «реакционеры», которые одобряют старый режим и не любят настоящий. «Примирители» одобряют оба режима, в то время как «скептики» не одобряют ни тот, ни другой².

Когда только что была создана Российская Федерация, мнения разделились между «реакционерами» (две пятых от общего числа), поддерживавшими «доперестроечный» режим, но не новый, и «скептиками» (две пятых от общего числа), которые не поддерживали ни хорошо знакомый режим, ни тот, который существовал всего месяц. С течением времени доля «скептиков» сократилась с двух пятых до одной двенадцатой.

По мере приобретения жизненного опыта при новом режиме процент поддерживающих его вырос к 2008 г. до пяти шестых. Одновременно более половины россиян положительно высказываются о прежнем режиме. Поддержка нынешнего режима выросла не за счет антикоммунистов, но за счет россиян, которые одновременно положительно оценивают и старый режим. Владимир Путин — лучший пример человека, продолжающего гордиться тем, что он был советским гражданином³. Как результат — примирительно настроенные россияне, положительно оценивающие и прежний, и настоящий режимы, сегодня составляют до половины населения. Вторая по численности группа (три восьмых) — это те, чья положительная оценка произошедших изменений сочетается с негативным отношением к старому режиму (см. приложение п. 1.3).

Было бы упрощением делить россиян на тех, кто поддерживает трансформации политической системы, и тех, кто жаждет возвращения к советскому режиму. Многие подчиняются нынешнему курсу, каким бы он ни был, чтобы избежать трудностей. Для некоторых «примирительный» настрой — проявление гордости

² См.: *Rose R., Mishler W.* Mass Reaction to Regime Change in Eastern Europe: Polarization or Leaders and Laggards? // *British Journal of Political Science*. 1994. Vol. 24. № 2. P. 159–182.

³ См.: *First Person / N. Gevorkyan, N. Timakova, A. Kolesnikov*, 2000. L.: Hutchinson, 2000.

за мощь Советского Союза в сочетании с высокой оценкой политических свобод, которые принес новый режим.

Россияне последовательно не доверяют политическим институтам. В укоренившихся демократиях люди демонстрируют различный уровень доверия отдельным политическим институтам, и когда то или иное событие демонстрирует, что институт не заслуживает доверия, баланс меняется¹. Авторы американской конституции демонстрировали недоверие абсолютной власти, построив систему сдержек и противовесов, которая должна была защитить от злоупотребления властью.

Если отцы-основатели Америки беспокоились о злоупотреблении властью Георгом III, то у россиян тем более были причины не доверять институтам, сформированным Сталиным и его наследниками. Хотя распад Советского Союза привел к смене политических лидеров, он не ликвидировал многие авторитарные институты. Должностные лица старших возрастов, служащие сегодня в судах, армии и милиции, были преимущественно набраны в брежневское время.

Смена режимов не побудила россиян больше доверять политическим институтам. В 1994 г. только 6% населения доверяли политическим партиям, и не более одного из пяти опрошенных доверяли другим институтам народного представительства, таким, как Дума и профсоюзы, а также институтам власти, таким, как суды и милиция. Меньше всего не доверяли армии – двое из пяти опрошенных высказывались позитивно. С тех пор уровень доверия институтам остался низким, за одним исключением. Произошло резкое увеличение уровня доверия институту президентской власти. Во время президентства Бориса Ельцина в среднем 17% опрошенных говорили о своем доверии ему как президенту. С тех пор как Владимир Путин был избран президентом, средний показатель достиг 61% (см. приложение п. 1.4).

Недоверие институтам в России не свидетельствует о недостатке социального капитала. Наоборот, это скорее отражает старую советскую истину: доверяй лицам, которых знаешь, и не доверяй институтам нецивилизованного и антимодерного политического режима².

Большинство отвергает все авторитарные

¹ См.: Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? / S.J. Pharr, R.D. Putnam. (eds.). Princeton: Princeton University Press, 2000.

² См.: Rose R. Living in an Antimodern Society // East European Constitutional Review. 1999. Winter/Spring. Vol. 8. № 1. P. 68–75; Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-Modern, and Anti-Modern // Post-Soviet Affairs. 2000. Vol. 16. № 1. P. 33–57.

альтернативы. В трансформирующихся обществах решающий вопрос не в том, кто правит, а в том, как следует управлять страной. Неудовлетворенность существующим режимом открывает путь недемократическим альтернативам. Поэтому в НРБ включен блок вопросов о поддержке альтернативных режимов. Среди россиян, недовольных нынешним режимом, нет единого мнения о том, какой недемократический режим должен его заменить.

Существует разница между ностальгией по «старым добрым дням» до перестройки и желанием вернуться к коммунистическому правлению. Несмотря на то, что 73% опрошенных готовы положительно оценить прежний режим, менее половины из них хотели бы его возвращения (см. приложение пп. 1.2 и 1.5). Более того, все меньшее число голосуют за коммунистов – они набрали 11,6% на выборах в Думу в 2007 г. и 17,7% на президентских выборах в 2008 г.

Во многих странах третьего мира ответственность за сохранение порядка возлагается на армию, и в России это институт, пользующийся наибольшим доверием. Однако только 15% населения согласны, что «страной должна управлять армия». Это поразительно, учитывая широко распространенную озабоченность населения уровнем преступности и угрозы общественному порядку. Однако россияне при этом хорошо знакомы с тем, как осуществляется власть в армии, поскольку практически в каждой семье есть прошедшие воинскую службу.

Руководство в посткоммунистических странах может следовать по демократическому или диктаторскому пути³. Около трети россиян (и это число увеличивается) с одобрением бы отнеслись к тому, чтобы «работа Государственной Думы была приостановлена». Однако, когда респондентов спрашивают, согласны ли они с тем, что «единственный выход из сложившейся ситуации – жесткая диктатура», лишь немногие поддерживают эту альтернативу. В 2008 г. так думали только 18% опрошенных. В этой группе вряд ли существует единое мнение о том, кто более всего подойдет на роль диктатора.

Доля россиян, отвергающих все недемократические альтернативы, меняется. В 1994 г. 39% были против любой смены режима, в 2001 г. их число снизилось до 28%. В опросе 2008 г. 52% от-

³ См.: Rose R., Mishler W. Representation and Leadership in Post-Communist Political Systems // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2000. № 12.

вергли любую недемократическую альтернативу.

Заниженные ожидания снижают риск смены режима. Ожидания — важный элемент в определении того, насколько люди привержены политическим изменениям или насколько покорно они принимают status quo. Если люди хотели бы изменения режима, но не верят в то, что подобное может произойти, это препятствует любым попыткам осуществить желаемое. Сходным образом, если люди полагают, что существующему режиму нет альтернатив, то это повышает уровень одобрения правительства, даже если оно действует и не лучшим образом.

Чтобы оценить ожидания смены режима, вслед за вопросами о недемократических альтернативах в рамках НРБ людей просили оценить, насколько велика вероятность того, что «в ближайшие несколько лет работа Госдумы будет приостановлена и все партии распущены». Когда вопрос задавался впервые в 1993 г., вскоре после того, как президентские войска орудийным огнем принудили к роспуску Верховный Совет, около одной шестой всех опрошенных считали приостановку работы Парламента «очень вероятной» и в целом три пятых полагали, что подобное может произойти. С тех пор число разделяющих это мнение снизилось: в 2008 г. только один из семи опрошенных думал, что институты народного представительства могут быть распущены.

Ожидания смены режима могут отражать надежды или страхи. Сочетание индивидуальных предпочтений и ожиданий позволяет выделить четыре основных типа «убежденных» и «обеспокоенных» сторонников status quo и тех, кто желал бы перемен. В 1994 г. число «убежденных», отвергавших возможность роспуска Госдумы и считавших его наименее вероятным, совпадало с числом сторонников авторитарной альтернативы, надеявшихся на смену режима. Наибольшую группу составляли «обеспокоенные сторонники», которые не хотели роспуска институтов народного представительства, но считали такой вариант развития событий вероятным. С тех пор баланс изменился. Согласно опросу 2008 г., 63% респондентов являлись «убежденными сторонниками» Госдумы, не желавшими ее роспуска и не считавшими его вероятным. Те, кто хотел смены политического режима, желали избавиться от Госдумы, однако не верили в то, что это может произойти, преобладали (в пропорции 3:2) над теми, кто полагал этот вариант развития событий вероятным (см. приложение п. 1.6).

Демократия для россиян — идеал, но не реаль-

ность. Когда пытаешься узнать, какой смысл люди вкладывают в понятие «демократия», фокусируешься на самом понятии. Когда же просишь людей определить, является ли их нынешняя система правления демократической, приходится сосредоточиваться на реальности как таковой. Предлагая людям выбрать между описанием системы как демократии или как диктатуры, обнаруживаешь, что в реальной жизни люди не всегда считают существующую систему идеальной. Часто они выбирают между большим и меньшим злом.

Более чем две трети россиян считают демократию идеалом. В 1998 г., когда этот вопрос задавался впервые, таких было 71%. Десятилетие спустя уже три четверти населения считали демократию идеальной системой правления.

Однако россияне, считающие, что современная российская политическая система является демократической, находятся в меньшинстве. К концу второго президентского срока Бориса Ельцина этого мнения придерживались 40% россиян, к концу правления Владимира Путина таких было 41%. Хотя международные организации, наподобие **Freedom House**, оценивают российский режим как очень недемократический, население страны более умеренно в оценках. В 2008 г. только одна шестая всех опрошенных определили нынешний режим как диктатуру (1–3 балла по 10-бальной шкале «диктатура/демократия»). В среднем россияне оценили российский режим на 5 баллов, что несколько ближе к диктатуре, но все-таки посередине десятибалльной шкалы.

Соответственно, существует сильный разрыв между тем, какой режим большинство российских граждан хотели бы иметь, и тем, что есть на самом деле. В 1998 г. расхождение в оценках идеальной системы правления и существующим режимом составляло 30%. Десятилетие спустя разрыв — 34%. Можно выделить три равновеликие группы россиян: те, кто хотел бы жить при демократии и считает существующий режим таковым; те, кто хотел бы демократии, но не считает нынешний режим демократическим; те, кто предпочитает тот или иной вариант диктатуры и считает существующую систему таковой (см. приложение п. 1.7).

Большие различия между ангажированными и неангажированными россиянами. Судить о политических предпочтениях россиян на основе того, за какую партию они голосуют, во время существования однопартийной политической системы было затруднительно. Сегодня, когда действует несколько партий, это затрудни-

тельно по другой причине. Такой подход не учитывает, что многие россияне (принимающие и не принимающие участие в голосовании) поддерживают ту или иную партию, не разделяя ее политических принципов. В таких случаях не принимают в расчет, что нынешние партии в своих программах обращают мало внимания на идеологию. Так, «Единая Россия» описывает себя как партию, которая должна объединить всех россиян, и в первую очередь ссылается на авторитет своего лидера – Владимира Путина¹.

Так как простые россияне имеют лишь смутные представления об основных политических идеологиях, в рамках НРБ было предложено на выбор пять категорий, с которыми респонденты могли соотнести свои политические взгляды. Кроме того, у респондентов была возможность сказать, что ему не близки ничьи политические взгляды. Соответственно, наибольшую группу составляют как раз неангажированные россияне. В 1998 г. таких насчитывалось 39%, а десятилетие спустя – 46%.

Среди тех, кто имеет какие-либо политические взгляды, наибольшую группу составляют сторонники «рыночной экономики, рыночных отношений». Согласно последнему опросу, их насчитывалось менее четверти всего электората. Те, кто относит себя к коммунистам, – вторая по величине группа. Если объединить тех, кто называет себя «социал-демократами» и «коммунистами», то по численности они сравняются со сторонниками рынка. Но в выборах принимает участие только коммунистическая партия, а социал-демократическая партия на них не представлена.

Хотя национализм – стойкая тема в российском политическом дискурсе, а Владимир Путин удачно эксплуатирует тему суверенности России, процент ассоциирующих себя с националистами так же мал, как и доля тех, кто соотносит себя с «зелеными» (см. приложение п. 1.8).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Основного источника доходов недостаточно для покупки самого необходимого. В условиях рыночной экономики доходы, полученные на основном месте работы, едва обеспечивают людей средствами для покупки самого необходимого. Ненормальные условия российской экономики все еще не позволяют большинству россиян получать доход, нужный для покрытия расходов на самое необходимое.

¹ См.: Rose R., Mishler W. A Supply-Demand Model of Party – System Institutionalization // CSDPP Studies in Public Policy. 2008. № 445.

Введение рыночных цен не сопровождалось сравнимым увеличением заработной платы. В начале 1992 г., когда государство еще регулировало цены на основные продукты, почти каждый третий считал, что зарабатывает достаточно, чтобы «покупать то, что необходимо». Однако уже через год, когда цены «были отпущены», только каждый восьмой зарабатывал необходимый минимум по основному месту работы. Их доля увеличилась до одной четвертой к выборам президента в 1996 г., но резко сократилась после обесценения рубля в августе 1998-го.

Макроэкономическое возрождение несколько повысило платежеспособность российского населения. Если в 2000 г. среднему россиянину не хватало зарплаты на покупку всего необходимого, с 2003 г. зарплаты по основному месту работы становится для этого достаточно.

Возрождение экономики увеличил размер по-прежнему небольшой группы населения, которая зарабатывает достаточно для покупки того, что необходимо. Если в 2000 г. об этом говорил каждый десятый, то, согласно последнему опросу, трое из десяти зарабатывали достаточно по основному месту работы. Доля людей, которые действительно выиграли от экономических трансформаций, по-прежнему очень мала. Только 6%, согласно последнему опросу НРБ, зарабатывают «вполне достаточно» (см. приложение п. 2.1).

Невыплаты заработной платы побуждают россиян сочетать разные экономические стратегии. В условиях современной экономики работники предполагают, что за работу им будет заплачено, но в антимодерной экономике работодатели не спешат выплатить людям заработанные деньги. Зарплаты не выплачиваются или задерживаются, что является принудительным займом у работников. Если зарплату задерживают, высокая инфляция обесценивает валюту, в которой она выплачивается. В 1995 г. более чем у половины работников имелись трудности с получением зарплаты. В 1996-м – год президентских выборов – 78% россиян говорили о том, что зарплаты задерживают или не платят вовсе. Прежде всего это было распространено в органах государственной власти и на государственных предприятиях.

Когда люди не рассчитывают, что зарплата по основному месту работы покроет расходы на самое необходимое (или не рассчитывают получить зарплату вовсе), они сочетают различные экономические стратегии. Кроме официального дохода по основному месту работы или пенсии,

люди вовлечены в неформальную экономику, ведя подсобное хозяйство и обмениваясь с друзьями. Некоторые вовлечены в теневую экономику, выводя заработанные деньги из-под налогообложения. Хотя готовность «получать зарплату в конверте» широко распространена, только шестая часть россиян это практикует, так как у большинства недостаточно средств, чтобы делиться ими с работниками теневой экономики. Намного проще вести подсобное хозяйство или прибегать к помощи друзей. На протяжении более чем десяти лет большинство россиян полагались на разные экономические стратегии, сочетая официальную работу с ведением подсобного хозяйства, которое не требует денежных расходов.

Возрождение официальной экономики выражается в увеличении доли тех, кому вовремя выплачивают заработную плату. В начале 2000 г. таких было около двух пятых всех занятых, к 2001 г. — более половины. Через два года более двух третей регулярно получали зарплату, а в 2007 г. более четырех пятых россиян ответили, что выплаты производились вовремя. Остальной зарплата выплачивалась с задержкой. Из этого можно заключить, что в России удалось достичь нормализации рынка труда (см. приложение п. 2.2).

Россияне: часто бедные, но не нищие. Введение рыночной экономики сразу привело к тому, что недостаток продуктов в магазинах сменился недостатком наличных. Однако недостаток денег приводит к абсолютной бедности только в том случае, если люди должны расплачиваться наличными за все, что им необходимо. Сходным образом показатели бедности значимы только в том случае, если не возникает серьезных проблем с получением заработка, в России же это не так¹.

В рамках НРБ разработана шкала для того, чтобы измерить абсолютную бедность, т. е. как часто домохозяйства «ограничивают себя из-за недостатка денег» в «еде», «отоплении и электричестве», а также в «покупке необходимой одежды и обуви». Изначально были включены и другие товары, однако «товары для детей» и «топливо для автомобиля» были исключены из рассмотрения, так как это касается лишь небольшого числа домохозяйств. Частота случаев, когда «приходится ограничивать себя», имеет значение, потому что одно воскресенье в году без мяса не означает абсолютную бедность,

тогда как часто обходиться без мяса было бы серьезным испытанием для россиян.

Значительная часть россиян выращивает продукты на даче или огороде². Поэтому, согласно последнему опросу, только 15% респондентов отметили, что им «часто приходится ограничивать себя в еде». Часть населения ограничивает себя в «покупке необходимой одежды и обуви», хотя их число и снизилось с 49% в начале 2000 г. до 30% в 2007 г. Расходы на «отопление и электричество», которые составляют наиболее значимую статью расходов домохозяйств в рыночной экономике, не составляют большой проблемы в России: большинство никогда не ограничивает себя в этом. Причина этого в согласии между энергетическими компаниями и Кремлем по вопросу о том, что корпоративные доходы от экспорта энергии по мировым ценам находятся в зависимости от поддержания сниженных цен на электроэнергию для российских домохозяйств.

Люди не являются нищими, если они лишь периодически ограничивают себя в самом необходимом, например, устраивая время от времени вегетарианские воскресные обеды или нося чиненую одежду. Однако частые ограничения по всем трем пунктам граничат с абсолютной бедностью. Из-за недостатка денег лишь каждый двенадцатый россиянин часто ограничивает себя в еде, отоплении и покупке необходимой одежды. Члены среднего российского домохозяйства редко ограничивают себя в еде и отоплении, однако периодически чинят и подолгу носят одежду и обувь. Подавляющее большинство испытывают нужду лишь время от времени, обычно в течение года у них есть все самое необходимое (см. приложение п. 2.3)³.

Различные экономические стратегии позволяют двум третям россиян сводить концы с концами. Каким бы ни было состояние национальной экономики, домохозяйствам приходится адаптироваться, потребляя ресурсы, имеющиеся под рукой. Под натиском экономических трудностей большинство россиян не надеется разбогатеть, они пытаются свести концы с концами, используя различные экономические стратегии. В период высокой инфляции сбережения быстро исчезают, но друзья остаются. Дружба выступает формой социальной безопасности. Однако влезть в большие

¹ См.: *Rose R., McAllister I.* Is Money the Measure of Welfare in Russia? // *Review of Income and Wealth*. 1996. Vol. 42. № 1. P. 75–90.

² См.: *Rose R., Tikhomirov E.* Who Grows Food in Russia and Eastern Europe? // *Post-Soviet Geography*. 1993. Vol. 34. № 2. P. 111–126.

³ См.: *Rose R.* Freedom as a Fundamental Value // *International Social Science Journal*. 1995. № 145. P. 457–471 (and in Russian).

долги означает, что рано или поздно исчезнут и источник кредита, и дружба.

Важным экономическим показателем является способность домохозяйства поддерживать уровень жизни, не тратя сбережения и не занимая денег, однако постоянно поддерживать эти стратегии не удастся. Когда в 1991 г. рамках НРБ впервые был задан вопрос о том, удастся ли людям сводить концы с концами, 62% ответили, что удастся. Во времена экономических перипетий доля россиян, сводящих концы с концами, оставалась относительно стабильной. Рост цен на нефть немного изменил для обычного российского домохозяйства. Согласно последнему опросу, 69% ответили, что сводят концы с концами. Одалживание денег распространено, несмотря на инфляцию. Какое-то количество россиян имеют сбережения, которые позволяют им справляться с возникающими экономическими трудностями.

В развитых рыночных экономиках, например, Великобритании и Австрии, около пятой части населения расходуют сбережения или занимают деньги, чтобы справиться с временными трудностями. Таким образом, доля тех, кто сводит концы с концами в России, близка к той, что существует в развитых странах. Разница в том, что в Западной Европе большинство справляются с трудностями, используя деньги, полученные по основному месту работы. В России так поступать удастся лишь немногим. Подавляющее большинство россиян вынуждены прибегать к альтернативным экономическим стратегиям.

Выживание не равняется процветанию. В то время как большинству россиян удастся сводить концы с концами, многие оценивают состояние своего домохозяйства как неудовлетворительное. Таким образом, средние домохозяйства смогли адаптироваться, но не удовлетворены своим положением (см. приложение п. 2.4).

Обеспечение потребительскими товарами вызывает рост дискреционных доходов¹. Десятилетия жизни при дефиците товаров в командной экономике превратили россиян в «жадных» покупателей, а введение рыночной экономики наполнило товары прилавки магазинов. В то время как продукты питания можно выращивать на даче, основные потребительские товары – телевизор, видеомагнитофон или ав-

томобиль – не могут быть произведены дома. Их покупка требует дискреционного дохода, равного по величине среднемесячному или среднегодовому. Возможность дешево приобретать товары первой необходимости увеличивает дискреционные доходы россиян.

В рамках НРБ создан инструмент измерения дискреционного дохода, в основу которого положены вопросы о наличии в домохозяйстве таких желанных предметов, как цветной телевизор, видеомагнитофон и автомобиль². Цветной телевизор – это «старая» вещь длительного пользования. Видеомагнитофон или DVD-плеер – это новые потребительские товары, которые можно было приобрести только в условиях рыночной экономики после 1991 г. На покупку автомобиля необходимы гораздо большие инвестиции, чем на покупку этих товаров, кроме того, она влечет за собой постоянные расходы на покупку топлива.

В среднем российском домохозяйстве сегодня имеются два из этих трех товаров, а в трети домохозяйств имеется автомобиль, видеомагнитофон или DVD-плеер и цветной телевизор. Только 3% домохозяйств бедны настолько, что не имеют ни одного из трех товаров. Более того, дискреционный доход увеличивался начиная с 1996 г., когда в обычном российском домохозяйстве имелся какой-то один из этих товаров. С тех пор доля домохозяйств, где есть все три товара, утроилась, доля же тех, где нет ни одного, сократилась более чем на четыре пятых (см. приложение п. 2.5).

Вдобавок к пользованию большим числом «хороших» товаров россияне сегодня пользуются и качественными улучшениями. Подержанная иномарка лучше, чем советский автомобиль, а открытие российского рынка импорту толкает отечественных производителей повышать качество собственной продукции. Кроме того, стали доступны новые товары, неизвестные десятилетие назад, такие, как Интернет. Сегодня им пользуется 34% россиян – на работе, в школе, Интернет-кафе или дома.

Домохозяйства ощущают издержки и надеются на выгоду от трансформаций. Субъективные оценки россиянами своего экономического положения серьезно отличаются от объективных показателей. Серьезное повышение уровня потребления не привело к пропорциональному росту удовлетворенности собственным экономическим положением. Треть россиян

¹ Имеются в виду доходы семьи, которые она тратит по ее собственному усмотрению, не для покрытия базовых расходов. – *Прим. перев.*

² См.: *Rose R., Krasilnikova M., Relating Income to Consumer Durables in Russia // CSPP Studies in Public Policy. 1996. № 296.*

оценивает свое экономическое положение как удовлетворительное, что вдвое больше, чем в 2001 г., но большинство россиян по-прежнему не удовлетворены. Также удовлетворенность существующей экономической системой не означает удовлетворенности материальным положением своего домохозяйства. В 2007 г. людей, удовлетворенных экономическим положением в стране, было более чем в два раза больше тех, кто был удовлетворен «материальным положением семьи» (см. приложение п. 2.6).

Многие россияне считают, что произошедшие экономические трансформации ухудшили материальное положение их семьи, по сравнению с тем, что они имели до перестройки. Доля негативных ответов превышала половину на протяжении периода с 1992-го по 2000 г., с тех пор она составляет около двух пятых. Люди, не замечающие изменений в материальном положении своей семьи, составляют среднюю группу, в которую, по результатам последнего опроса, входит около четверти населения. Доля тех, кто чувствует себя сегодня лучше, чем раньше, менялась. В 1994 г. она составляла одну пятую населения, согласно последнему опросу – 35%.

Отвечая на вопросы по поводу будущего, все большее число россиян считает, что снижавшийся уровень жизни достиг дна. В 2007 г. только 15% ожидали дальнейшего его понижения в следующие пять лет, что более чем в два раза меньше, чем в 1995 г. Процент оптимистов по поводу «материального положения семьи через пять лет» менялся в зависимости от экономических условий. Согласно результатам последнего опроса, 41% россиян с оптимизмом высказывались о будущем. Год за годом средний российский респондент не ожидает перемен в экономическом положении своей семьи и не доволен настоящим.

Большинство одобряют как старую, так и новую экономическую систему. Предполагается, что в рыночной экономике индивид сам отвечает за собственное благополучие, в то время как базовые условия национальной экономики остаются стабильными. Трансформации в России затронули каждое домохозяйство, так как командной экономики, которая определяла занятость и уровень жизни, больше нет.

Когда россиян просят оценить экономическую систему, «которая была до перестройки», значительное большинство респондентов дают положительные оценки, но доля таких людей непостоянна. В 1991 г. трудности становления новой экономической системы делали старую

систему привлекательной. С тех пор доля тех, кто позитивно оценивает старую систему, сократилась, и сегодня одна треть россиян негативно оценивают командную экономику.

Сходным образом большинство россиян отрицательно высказывались о существующей экономической системе с 1992 по 2000 г. Начиная с 2003 г. абсолютное большинство положительно оценивают существующую экономическую систему. По результатам последнего опроса, доля одобряющих существующую экономическую систему достигла 81%.

В сбалансированной экономической системе экономический цикл обычно занимает год-два, но колебания при этом всегда ограничены узкими рамками. В трансформирующейся экономике речь идет о других временных масштабах, поскольку требуются годы, чтобы сменить нерыночную экономическую систему на рыночную. Поэтому в рамках НРБ задается вопрос о том, какой, по мнению людей, будет экономическая система через пять лет. В 1990 г. средний россиянин высказывался о будущем экономической системы без особого воодушевления. С 2000 г. возрождение экономики вызывало все больший оптимизм. К 2008 г. 90% респондентов положительно оценивали будущее. Положительные суждения о российской экономике показаны на примере сравнения оценок прежней, нынешней и будущей экономик. В 2008 г. оценки были положительны по всем трем статьям: +19 баллов – для прежней, +27 баллов – для нынешней и +52 – для будущей. Поворот в оценках был ускорен в большей степени повышением мировых цен на энергоносители, чем переходом страны к капитализму (см. приложение п. 2.7).

Разглядывание витрин или стояние в очереди: мнения разделились. В советское время команды бюрократов контролировали инвестиции, производство и номинальные цены. Это приводило к дефициту товаров повседневного потребления и длинным очередям, когда становилось известно, что товары «выбросили» в магазин. Тот, кто имел связи или должность в коммунистической партии, мог достать дефицитные товары¹. Напротив, в рыночной экономике спрос и предложение должны определять, какой товар может быть куплен. Когда больше людей хотят купить товар, повышается его цена или производится большее количество товара, чтобы удовлетворить спрос.

¹ См.: Kornai J. *The Socialist System*. Princeton: Princeton University Press, 1992.

Переход к рынку позволил избавиться от очередей. В 1992 г. 49% респондентов сказали, что ежедневно проводят более двух часов в поисках товаров или стоя в очередях. К 1995 г. их доля сократилась до 19%, и более не было смысла задавать этот вопрос. Сегодня россиянам нет нужды искать товар, потому что в магазинах на продажу выставлено большое количество товаров. Также людям не надо стоять в очередях, если у них недостаточно денег, чтобы купить товар. Вместо этого они могут разглядывать витрины, размышляя, что они сумеют купить, когда и если разбогатеют.

Вместо того чтобы спрашивать об абстрактных экономических системах социализма и свободного предпринимательства, в рамках НРБ респондентов просили выбрать, какое из суждений им ближе: «лучше, чтобы в магазинах было много товаров, даже если они будут дорогими», или «лучше, когда цены удерживаются государством на низком уровне, даже

если при этом в магазинах будет мало товаров». Когда вопрос впервые задавался в 1995 г., россияне предпочли низкие цены и дефицит рынка в пропорции 5:4. С тех пор выросли, но ненамного, предпочтения рыночной экономики, в которой предложение товаров и цен отражает рыночный спрос. Сегодня чуть более половины респондентов предпочитают рынок.

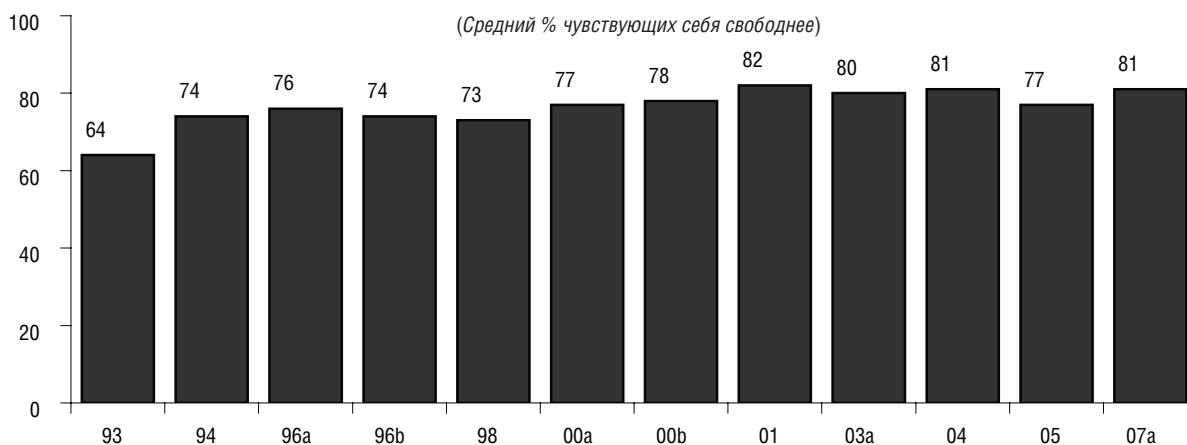
Различия в предпочтениях отражают различия между поколениями. В любой посткоммунистической стране молодые люди более позитивно относятся к рыночной экономике, в то время как старшие поколения более привержены контролируемой командной экономике. Поколенческие различия в России чрезвычайно сильны. Согласно последнему опросу, 72% россиян до 30 лет скорее предпочтут разглядывать витрины, тогда как 67% пожилых россиян скорее готовы довольствоваться дефицитом командной экономики (см. приложение п. 2.8).

Перевод Д. Волкова

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.1. ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО РУССКИХ ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ СВОБОДНЕЕ, ЧЕМ РАНЬШЕ*

ДОСТАТОЧНО ЛИ ДЕНЕГ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ИЗ ОСНОВНОГО ИСТОЧНИКА ВАШИХ ДОХОДОВ, ЧТОБЫ ПОКУПАТЬ ТО, ЧТО ВАМ НЕОБХОДИМО?

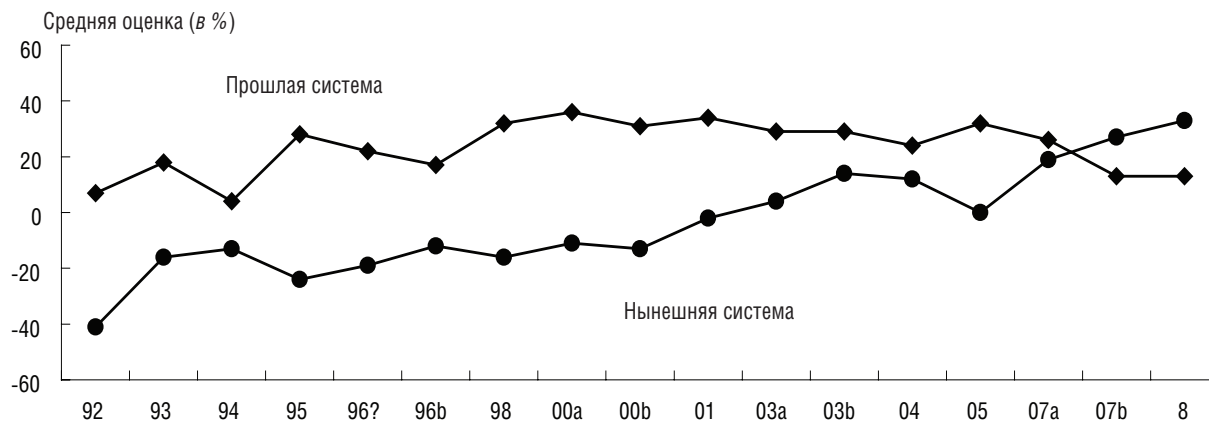

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ПО СРАВНЕНИЮ С ТЕМ, ЧТО БЫЛО ДО ПЕРЕСТРОЙКИ, СЕЙЧАС СТАЛО ЛЕГЧЕ ИЛИ ТРУДНЕЕ:

	93	94	96a	96b	98	00a	00b	01	03	04	05	07a	07b	08	Разность
СВОБОДНО ГОВОРИТЬ ВСЕ, ЧТО ДУМАЕШЬ?															
Стало легче	65	73	74	76	73	79	81	78	78	81	76	79	68	68	3
Осталось, как было	27	18	21	20	21	15	13	16	18	16	19	16	23	27	0
Стало труднее	8	8	6	4	6	5	6	6	4	3	5	5	9	5	-3
СВОБОДНО РЕШАТЬ ВОПРОСЫ СВОЕЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ?															
Стало легче	71	83	80	80	79	83	84	88	82	84	83	86	нз	нз	15
Осталось, как было	29	15	17	16	16	14	14	11	16	14	14	12	нз	нз	-17
Стало труднее	6	2	3	4	5	2	2	1	2	2	2	2	нз	нз	-4
ВСТУПАТЬ В ЛЮБЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ?															
Стало легче	63	77	82	79	75	77	76	81	81	83	78	81	нз	нз	18
Осталось, как было	28	18	14	15	18	16	17	15	17	12	17	16	нз	нз	-12
Стало труднее	9	5	3	5	7	6	6	4	2	5	5	3	нз	нз	-6
ТРУДНЕЕ СВОБОДНО РЕШАТЬ, УЧАСТВОВАТЬ ИЛИ НЕТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?															
Стало легче	57	62	69	63	66	70	73	81	79	76	72	79	нз	нз	22
Осталось, как было	39	33	27	32	27	23	23	16	18	20	21	16	нз	нз	-23
Стало труднее	4	5	4	4	7	6	4	3	3	3	7	5	нз	нз	1

* *Примечание.* Здесь и далее указываются годы опросов (1993 и далее), если опросов в данном году было несколько,

это отмечается как а, б.

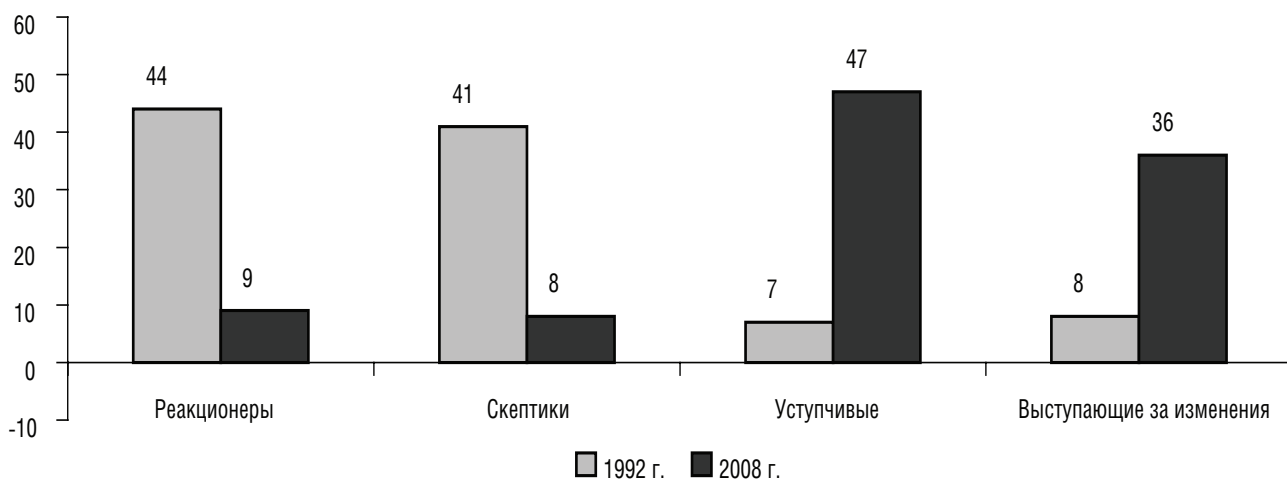
1.2. ТЕНДЕНЦИИ В ОЦЕНКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ОЦЕНИТЕ ПО ШКАЛЕ ОТ +100 (САМАЯ ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА) ДО -100 (САМАЯ НИЗКАЯ ОЦЕНКА):

	92	93	94	95	96a	96b	98	00a	00b	01	03a	03b	04	05	07a	07b	08	Разность
ТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ БЫЛА У НАС ДО НАЧАЛА ПЕРЕСТРОЙКИ																		
Положительно	50	62	51	67	59	60	72	73	70	72	70	70	65	71	68	59	56	6
Нейтрально	13	12	13	15	19	10	9	10	7	11	8	9	8	12	8	9	10	3
Негативно	37	26	36	18	22	30	18	16	22	17	21	22	27	17	24	32	34	-3
Среднее	7	18	4	28	22	17	32	36	31	34	29	29	24	32	26	13	13	6
Стандартное отклонение	54	57	58	51	55	58	53	52	55	50	53	54	53	49	52	54	52	-2
НЫНЕШНЮЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ																		
Положительно	14	36	35	26	28	38	36	39	37	47	57	64	65	46	69	77	84	70
Нейтрально	12	14	16	20	26	16	16	15	14	16	11	10	10	16	8	8	6	-6
Негативно	74	49	48	54	46	47	48	45	48	37	32	25	25	36	23	16	10	-64
Среднее	-41	-16	-13	-24	-19	-12	-16	-11	-13	-2	4	14	12	0	19	27	33	74
Стандартное отклонение	44	51	51	49	48	48	50	55	51	50	48	47	42	45	46	37	32	-12
ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ БУДЕТ У НАС ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ?																		
Положительно	50	52	49	40	43	57	49	64	72	62	65	72	88	57	75	86	88	38
Нейтрально	13	24	33	28	37	17	22	19	13	17	14	14	4	19	8	6	6	-7
Негативно	37	24	17	31	20	25	29	17	15	21	21	14	8	24	17	7	6	-31
Среднее	2	10	15	0	8	14	7	25	26	20	21	33	43	12	33	45	51	49
Стандартное отклонение	52	53	48	49	45	54	51	50	44	50	51	47	37	48	48	40	36	-16

1.3. СЕГОДНЯ ОСНОВНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИЗМЕНЕНИЯ РЕЖИМА – ОДОБРЕНИЕ (в %)

Реакционеры: положительно оценивают доперестроечный режим, а нынешний – отрицательно.

Скептики: не довольны ни доперестроечным режимом, ни нынешним.

Уступчивые: положительно оценивают оба режима.

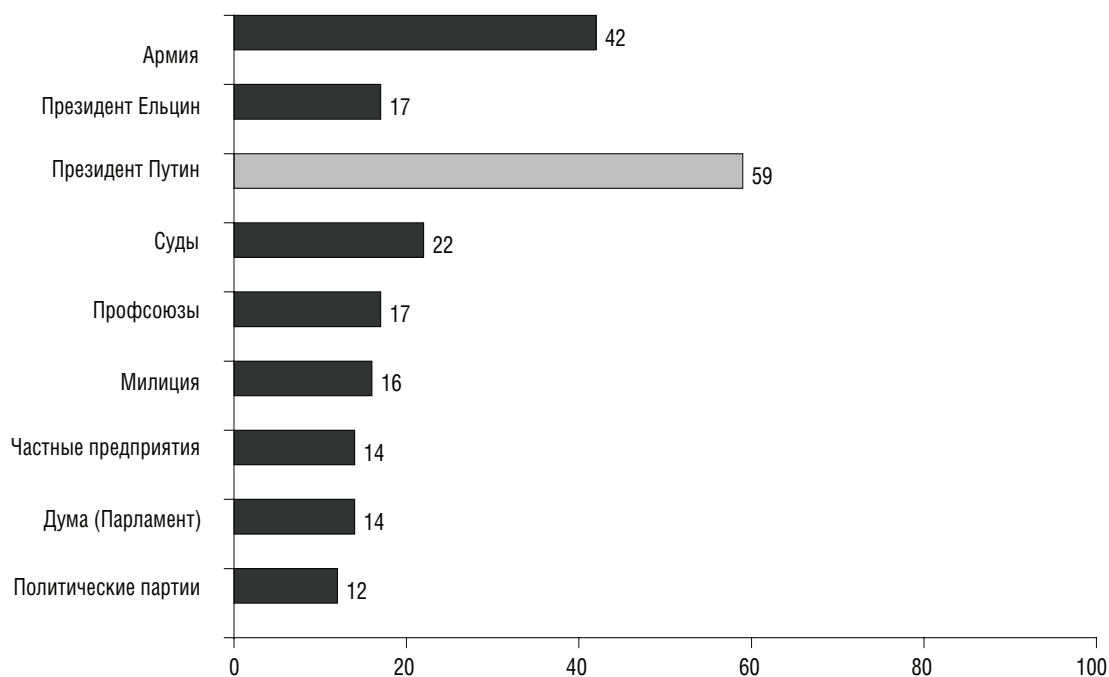
Выступающие за изменения: положительно оценивают нынешний режим, а тот, который был до перестройки – отрицательно.

Год	Реакционеры	Скептики	Уступчивые	Выступающие за изменения
	(в %)			
1992	44	41	7	8
1993	40	24	22	14
1994	36	28	15	21
1995	48	26	19	7
1996a	41	30	18	10
1996b	42	20	18	20
1998	46	18	26	10
2000a	46	15	28	11
2000b	48	14	22	16
2001	39	15	33	13
2003a	34	9	36	20
2003b	25	10	45	20
2004	26	9	39	26
2005	32	15	39	14
2007a	22	10	45	22
2007b	14	10	45	32
2008	9	8	47	36
Разность	-35	-33	40	28

1.4. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО НИЗКОЕ ДОВЕРИЕ ИНСТИТУТАМ

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ РАЗЛИЧНЫМ ИНСТИТУТАМ НАШЕГО ОБЩЕСТВА? ПОЖАЛУЙСТА, ОЦЕНИТЕ ПО 7-МИ БАЛЬНОЙ ШКАЛЕ.
(Респонденты, давшие положительную оценку от 5 до 7, считаются доверяющими).

Среднее за все годы (% доверяющих институтам)

	94	96a	96b	98	00a	00b	01	03a	03b	04	05	07a	07b	08	Разность
	(% доверяющих)														
Армия	41	42	47	34	50	50	34	36	39	42	38	47	43	48	7
Дума	12	13	22	13	12	12	7	8	14	12	11	14	24	26	14
Партии	6	14	11	7	9	11	7	9	14	13	10	10	21	25	19
Президент*	18	12	25	14	22	49	50	60	72	76	51	57	61	41	23
Суд	17	19	20	24	19	22	23	25	22	24	21	28	нз	нз	11
Милиция	15	15	16	18	18	19	13	11	нз	нз	15	20	нз	нз	5
Профсоюзы	13	18	18	14	21	18	18	18	нз	нз	17	нз	нз	нз	4
Частные предприятия	12	11	16	11	16	17	нз	нз	нз	18	нз	нз	нз	нз	6

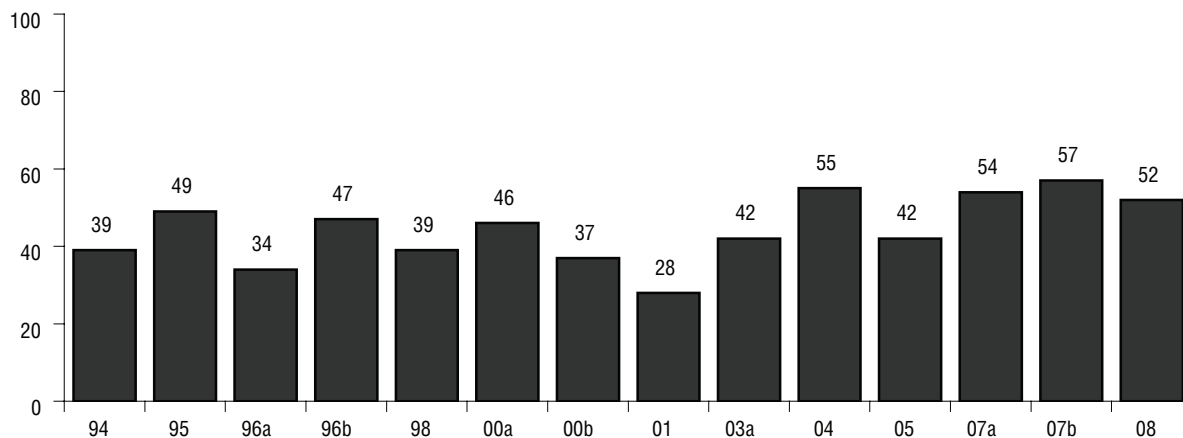
*1994–1998: президент Ельцин. 2000а–2007б: президент Путин. 2008: президент Медведев.

1.5. НИ ОДНА АВТОРИТАРНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА НЕ НАХОДИТ ПОДДЕРЖКИ БОЛЬШИНСТВА

СУЩЕСТВУЮТ РАЗНЫЕ МНЕНИЯ О ТОМ, КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ГОСУДАРСТВО. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ, ЧТО:

- а) было бы лучше восстановить бывшую коммунистическую систему?
- б) единственный выход из сложившейся ситуации – жесткая диктатура?
- в) страной должна управлять армия?
- г) работа Государственной Думы России должна быть приостановлена и все партии распущены?

ВЫ БЫ ЭТО ОДОБРИЛИ ИЛИ НЕТ? (% не выбравших ни одну из недемократических альтернатив)

Год	Коммунистическая система	Роспуск парламента	Жесткая диктатура	
			Жесткая диктатура	Диктатура армии
			(в %)	
1994	27	21	нз	11
1995	32	39	29	12
1996a	39	34	34	10
1996b	35	35	32	11
1998	41	37	36	15
2000a	40	39	29	11
2000b	39	41	40	15
2001	47	51	32	15
2003	37	34	31	12
2004	31	24	20	8
2005	40	45	37	11
2007a	34	38	30	10
2007b	26	28	17	9
2008	28	31	18	8
Разность	1	10	-11	-3

1.6. НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ОЖИДАНИЙ ПРИОСТАНОВКИ РАБОТЫ ГОСДУМЫ, 2008

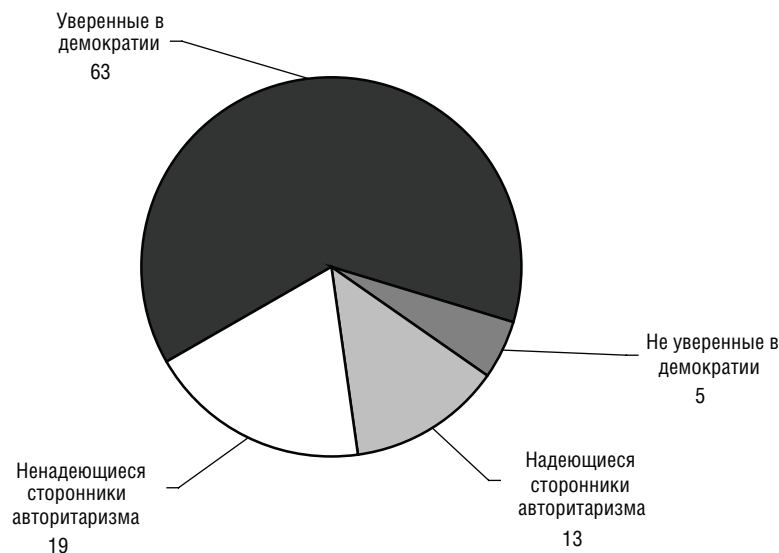
НАСКОЛЬКО ВЕРОЯТНО, ЧТО В БЛИЖАЙШИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ РАБОТА ГОСДУМЫ БУДЕТ ПРИОСТАНОВЛЕНА И ВСЕ ПАРТИИ РАСПУЩЕНЫ? (в %)

Уверенные в демократии: не одобряют временную приостановку работы парламента и считают ее маловероятной.

Не уверенные в демократии: не одобряют временную приостановку работы парламента и считают ее возможной.

Твердые сторонники авторитаризма: одобряют временную приостановку работы парламента и считают ее возможной.

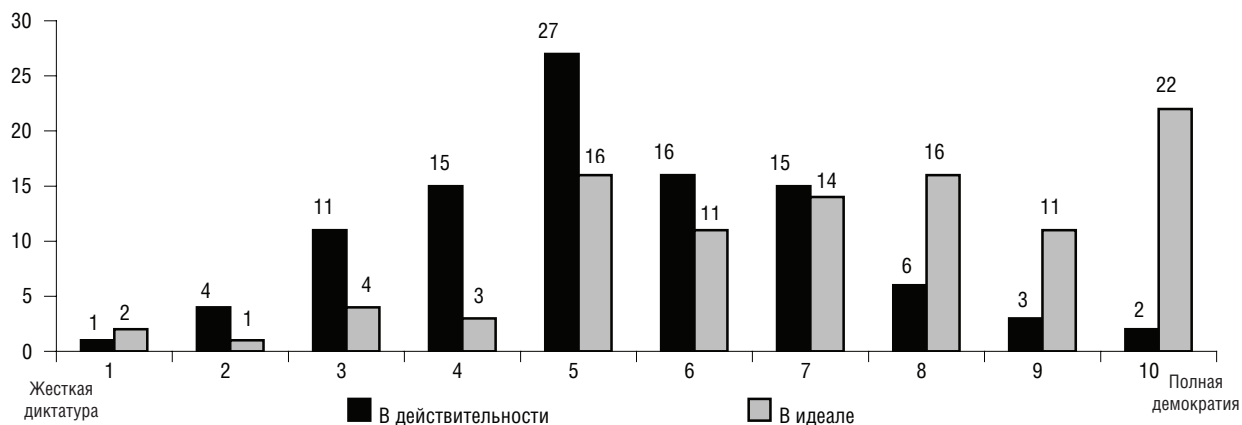
Коллеблющиеся сторонники авторитаризма: одобряют временную приостановку работы парламента, но считают ее маловероятной.

Год	Очень вероятно	Может быть	Вряд ли	Совершенно невероятно	Не знаю
1993	11	27	16	9	37
1995	4	12	34	10	41
1996a	4	12	28	10	46
1998	6	17	40	37	Альтернатива отсутствовала
2000a	6	26	54	14	—
2000b	6	26	48	19	—
2001	6	23	55	15	—
2003	3	16	58	24	—
2004	1	13	59	26	—
2005	4	20	59	17	—
2007a	3	19	50	28	—
2007b	2	17	49	32	—
2008	3	16	50	31	—
Разность	-3	-1	10	-6	

1.7. ДЕМОКРАТИЯ КАК ИДЕАЛ, А НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

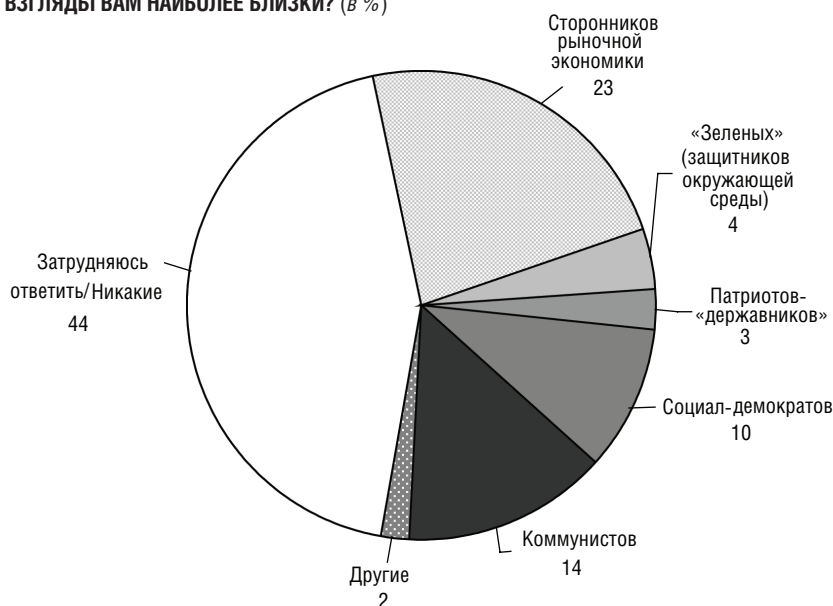
ПЕРЕД ВАМИ ШКАЛА ОТ 1 ДО 10: 1 ОЗНАЧАЕТ ЖЕСТКУЮ ДИКТАТУРУ, А 10 – ПОЛНУЮ ДЕМОКРАТИЮ. А) НА КАКОМ МЕСТЕ ЭТОЙ ШКАЛЫ ВЫ БЫ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ НАХОДИЛАСЬ РОССИЯ? Б) НА КАКОЙ ТОЧКЕ ЭТОЙ ШКАЛЫ РОССИЯ НАХОДИТСЯ СЕЙЧАС? (в %)

Год	В действительности	В идеале	Дефицит
	(% демократов, 6–10)		
1998	40	71	-31
2000a	39	76	-37
2000b	37	74	-37
2001	42	67	-25
2003	49	70	-21
2004	40	76	-36
2005	42	58	-16
2007a	46	71	-25
2007b	35	69	-34
2008	41	75	-34
Разность	1	4	-3

1.8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

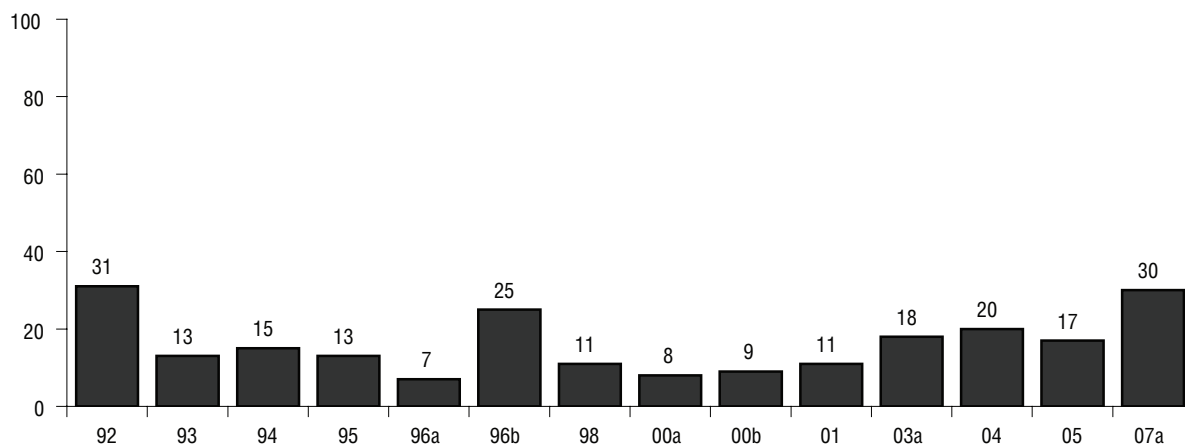
КАКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВАМ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИ? (в %)

Год	Коммунисты	Социал-демократы	Патриоты-«державники»	«Зеленые»	Сторонники рыночной экономики	Другие	Затруднилась ответить/ Нет политических взглядов
(в %)							
2000a	24	8	7	5	18	4	35
2000b	17	нз	7	3	26	5	42
2001	29	нз	4	7	25	1	35
2003	22	10	4	4	24	2	35
2004	18	нз	6	6	33	4	34
2005	16	9	5	6	17	6	42
2007a	13	9	4	5	15	3	51
2007b	13	11	4	4	25	3	41
2008	14	10	3	4	23	2	44
Разность	-10	2	-4	-1	5	-2	9

2.1. ЗАРАБОТОК НА ОСНОВНОМ МЕСТЕ РАБОТЫ

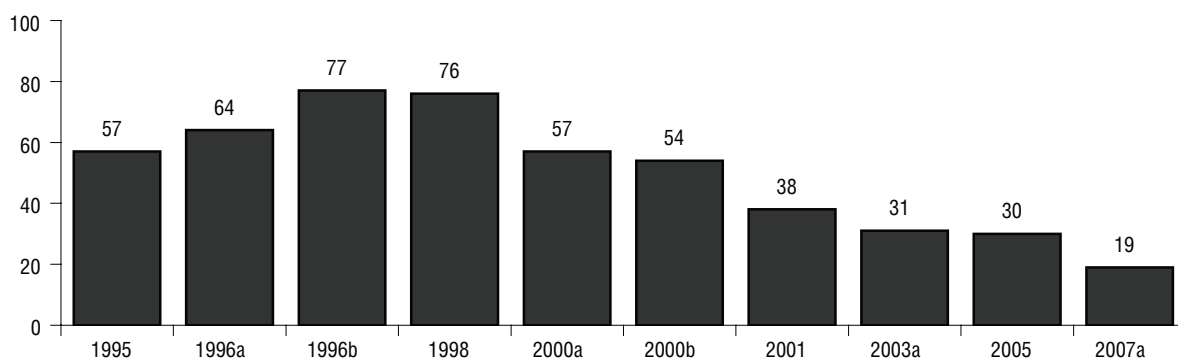
ДОСТАТОЧНО ЛИ ДЕНЕГ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ИЗ ОСНОВНОГО ИСТОЧНИКА ВАШИХ ДОХОДОВ, ЧТОБЫ ПОКУПАТЬ ТО, ЧТО ВАМ НЕОБХОДИМО?
(% тех, кто зарабатывает достаточно)

Год	92	93	94	95	96a	96b	98	00a	00b	01	03	04	05	07a	Разность	
(% тех, кто зарабатывает достаточно)																
1	Вполне достаточно	1	1	4	1	0	7	3	1	2	4	4	3	2	6	5
2	Почти достаточно	30	12	11	13	7	18	8	7	7	14	14	17	15	24	-6
	<i>В целом достаточно</i>	31	13	15	14	7	25	11	8	9	18	18	20	17	30	-1
4	Недостаточно	55	23	43	37	34	42	43	34	31	51	51	55	56	51	-4
5	Совершенно недостаточно	14	64	42	49	59	33	46	58	60	31	31	25	27	19	5
	Сумма «4» и «5»	69	87	85	86	93	75	89	92	91	82	82	80	83	70	1

2.2. ЗАДЕРЖКИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

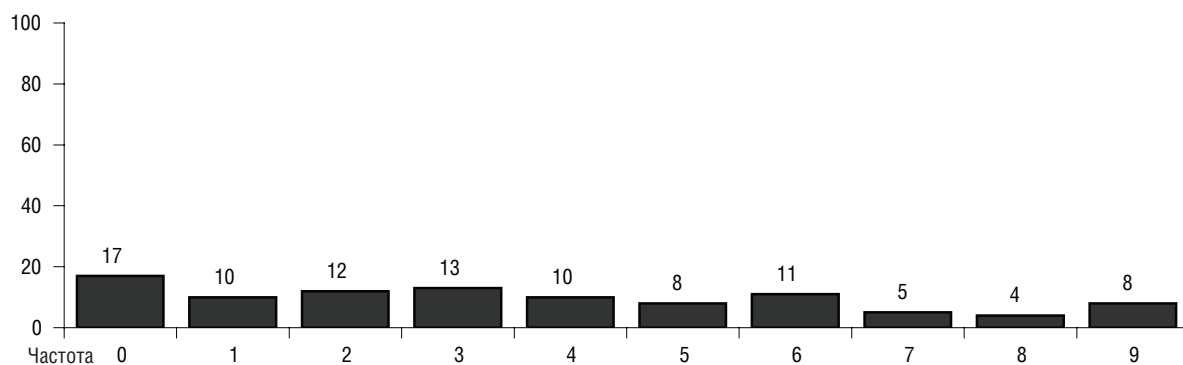
СЛУЧАЛОСЬ ЛИ С ВАМИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 12 МЕСЯЦЕВ, ЧТО ВЫ ПОЛУЧАЛИ ЗАРПЛАТУ С ЗАДЕРЖКОЙ ИЛИ ВАМ ЕЕ ВОВСЕ НЕ ВЫПЛАЧИВАЛИ? (% работников, сообщающих о задержках или невыплатах заработной платы)

Год	Заработная плата (в % от числа работающих)		
	Выплаченная	Выплаченная с задержками	Невыплаченная
1995	43	47	10
1996a	36	49	15
1996b	23	52	26
1998	24	55	21
2000a	43	30	27
2000b	46	39	15
2001	62	17	21
2003a	69	15	16
2005	70	17	13
2007a	81	12	7
Разность	38	-35	-3

2.3. МАСШТАБЫ НИЩЕТЫ (2007)

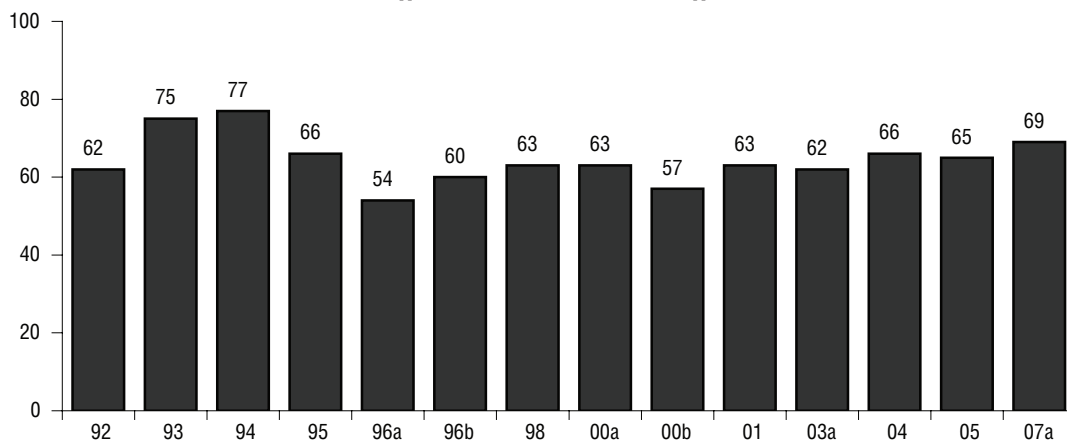
ИНОГДА ЛЮДЯМ ПРИХОДИТСЯ ОТКАЗЫВАТЬСЯ ОТ ПРИВЫЧНЫХ ВЕЩЕЙ. КАК ЧАСТО ЗА ПОСЛЕДНИЕ 12 МЕСЯЦЕВ ВАШЕЙ СЕМЬЕ ПРИХОДИЛОСЬ ОГРАНИЧИВАТЬ СЕБЯ ИЗ-ЗА НЕДОСТАТКА ДЕНЕГ: В ЕДЕ, ПРОДУКТАХ, ПОКУПКЕ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ, ОТОПЛЕНИИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ? (в %, никогда не приходилось ограничивать себя в необходимом – 0; редко – 1; иногда – 2; часто – 3)

	93	94	95	96a	96b	98	00a	00b	01	03a	04	05	07a	Разность
ЕДА, ПРОДУКТЫ														
Часто	29	22	30	33	39	19	28	31	24	19	15	10	15	-14
Иногда	31	нз	29	28	23	28	30	25	25	24	22	22	20	-11
Редко	20	35	20	19	19	24	18	18	19	21	20	22	23	3
Никогда	20	43	21	19	19	29	24	26	33	35	42	46	42	22
ОТОПЛЕНИЕ, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО														
Часто	3	2	12	14	16	5	8	5	6	9	7	4	11	8
Иногда	8	нз	18	21	18	9	13	10	12	15	13	9	16	8
Редко	10	6	18	19	19	12	16	15	12	15	15	13	18	8
Никогда	78	91	52	46	46	74	24	70	71	61	65	74	55	-23
НЕОБХОДИМАЯ ОДЕЖДА И ОБУВЬ														
Часто	30	34	43	44	43	32	49	44	40	8	28	31	30	0
Иногда	29	нз	26	26	24	27	25	26	28	13	27	29	29	0
Редко	21	37	17	18	18	19	13	16	15	20	19	18	21	0
Никогда	20	22	15	12	15	21	13	14	18	58	26	22	19	-1
Средняя оценка нищеты*	2,1	нз	4,5	4,7	4,8	3,5	4,3	4,1	3,8	3,5	3,3	3,1	3,6	1,5

* При оценке масштаба нищеты суммируются ответы на три вопроса; оценка 3 – часто приходилось ограничивать себя в необходимом, оценка 0 – никогда не приходилось ограничивать себя в необходимом. нз – альтернатива отсутствовала.

2.4. ПРЕОДОЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ТРУДНОСТЕЙ

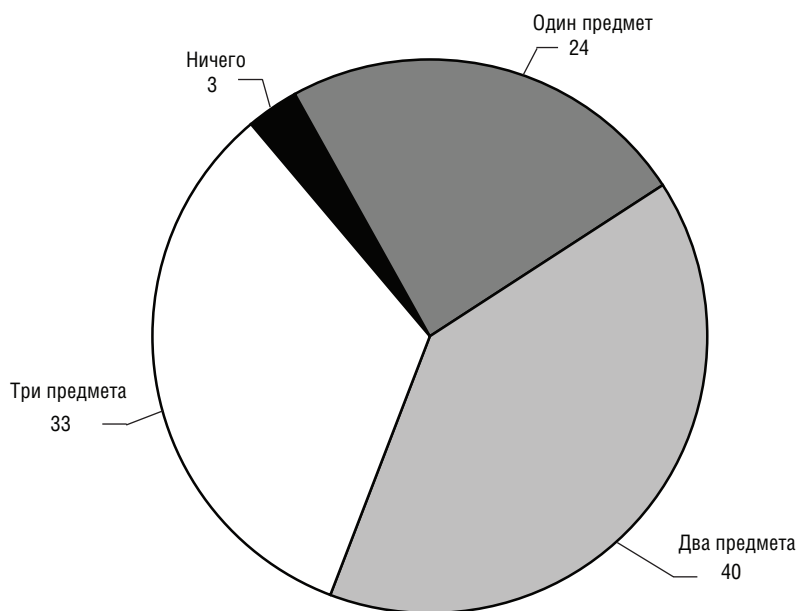
**СДЕЛАЛИ СБЕРЕЖЕНИЯ, ВЫЖИЛИ, НЕ ЗАНИМАЯ ДЕНЕГ И НЕ ТРАТЯ СБЕРЕЖЕНИЯ (в %)
УДАЛОСЬ ЛИ ВАМ, ВАШЕЙ СЕМЬЕ В ПРОШЛОМ ГОДУ:**

	92	93	94	95	96a	96b	98	00a	00b	01	03	04	05	07a	Разность
	(в %)														
Сделать сбережения	13	11	8	18	6	10	10	5	5	8	11	11	8	14	1
Просто выжить (не занимая деньги, не тратя сбережения)	49	64	69	48	48	50	53	58	52	55	51	55	57	55	6
<i>Всего, самостоятельно справились с материальными трудностями</i>	62	75	77	66	54	60	63	63	57	63	62	66	65	69	7
Заняли денег	10	12	*	23	35	27	30	22	15	19	14	13	18	13	3
Потратили сбережения	27	13	*	4	5	6	3	9	19	13	17	17	12	14	-13
Потратили сбережения, заняли	—	—	*	6	5	7	4	5	8	5	6	4	5	4	-2
<i>Всего, кто не сумел справиться с материальными трудностями самостоятельно</i>	37	25	*	33	45	40	37	36	42	37	37	34	35	31	-6

* Ответы не полностью сопоставимы.

2.5. ПОТРЕБЛЕНИЕ ТОВАРОВ ДЕМОНСТРИРУЕТ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ДИСКРЕЦИОННЫЙ ДОХОД

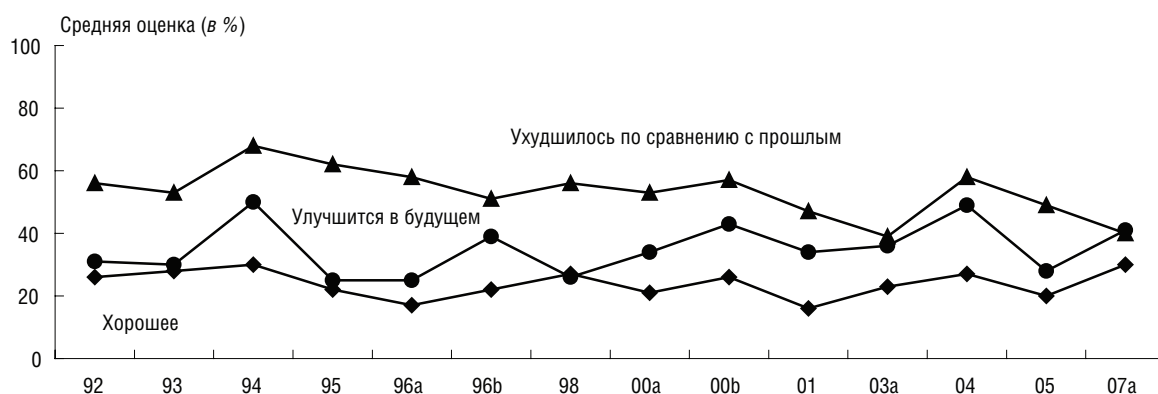
ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ИМЕЕТСЯ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ: ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР, ВИДЕОМАГНИТОФОН, АВТОМОБИЛЬ? (в %)

	Товары (в %)			
	Автомобиль	Видеомагнитофон (VCR)*	Цветной телевизор	Среднее кол-во предметов
1996a	22	27	80	1,3
1998	27	37	86	1,5
2000a	24	33	80	1,4
2000b	16	35	83	1,3
2001	27	39	82	1,5
2003a	26	50	90	1,7
2004	31	52	92	1,7
2005	20	41	92	1,5
2007a	36	70*	97	2,0
Разность	14	43	17	0,7

* С 2007a: спрашивали про DVD-плеер или видеомагнитофон (VCR).

2.6. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ – ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

	92	93	94	95	96a	96b	98	00a	00b	01	03a	04	05	07a	07b	Разность
КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ В ЦЕЛОМ НЫНЕШНЕЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ? (в %)																
Очень хорошее	1	1	3	1	1	0	1	1	1	1	1	2	0	2	4	3
Скорее хорошее	25	27	27	21	16	22	26	20	25	15	22	25	19	28	30	5
Хорошее	26	28	30	22	17	22	27	21	26	16	23	27	20	30	34	8
Не слишком хорошее	58	55	52	58	62	48	54	55	50	58	59	58	62	55	54	-4
Очень плохое	16	18	17	20	21	29	18	24	24	27	18	15	18	15	12	-4
Плохое	74	73	67	78	83	77	72	79	74	85	77	73	80	70	66	-8
КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ ПО СРАВНЕНИЮ С ТЕМ, КАКИМ ОНО БЫЛО ДО ПЕРЕСТРОЙКИ (ДО 1985 Г.)?*																
Намного лучше, чем было	10	12	8	8	7	9	14	17	1	17	15	5	10	13	нз	3
Несколько лучше, чем было	16	16	11	12	15	19	14	16	15	18	23	12	18	22	нз	6
Улучшилось	26	28	19	20	22	28	28	33	26	35	38	17	28	35	нз	9
Примерно такое же	17	20	12	18	20	20	16	14	16	19	23	24	23	26	нз	9
Несколько хуже, чем было	28	26	32	30	28	24	23	19	23	20	20	32	24	23	нз	-5
Намного хуже, чем было	28	27	36	32	30	27	32	34	34	27	19	26	25	17	нз	-11
Ухудшилось	56	53	68	62	58	51	56	53	57	47	39	58	49	40		-16
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКИМ БУДЕТ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕЙ СЕМЬИ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ?*																
Намного лучше, чем сейчас	7	6	11	4	4	7	6	7	6	6	6	10	7	7	нз	0
Несколько лучше, чем сейчас	24	24	39	21	21	32	20	27	37	28	30	39	21	34	нз	10
Улучшится	31	30	50	25	25	39	26	34	43	34	36	49	28	41	нз	10
Примерно такое же, как сейчас	33	46	25	43	52	36	44	49	44	43	47	40	46	43	нз	10
Несколько хуже, чем сейчас	15	11	13	18	14	16	18	10	9	13	11	7	16	10	нз	-5
Намного хуже, чем сейчас	15	13	11	14	9	9	11	7	4	7	6	3	9	5	нз	-10
Ухудшится	30	24	24	32	23	25	29	17	13	20	17	10	25	15	нз	-15

* нз – вопрос не задавали.

2.7. ТЕНДЕНЦИИ В ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

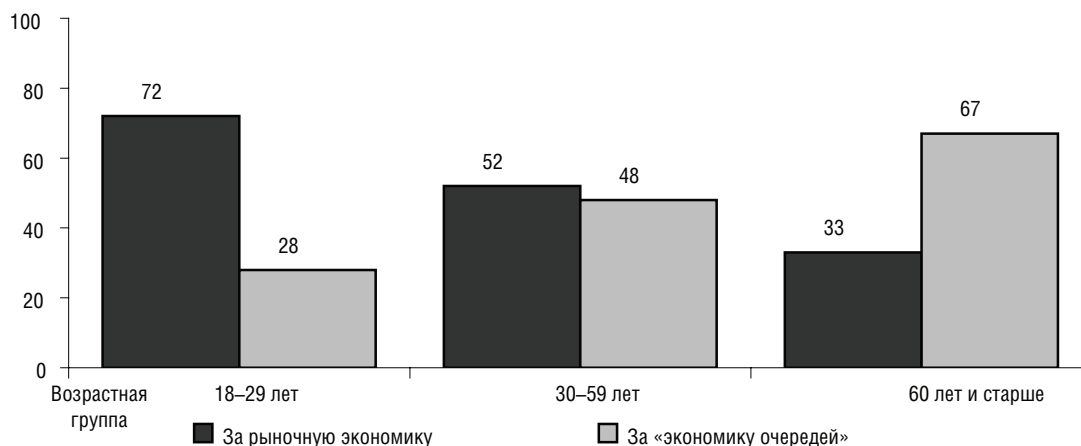
ОЦЕНИТЕ ПО ШКАЛЕ ОТ +100 (САМАЯ ВЫСОКАЯ ОЦЕНКА) ДО -100 (САМАЯ НИЗКАЯ ОЦЕНКА)...

	92	93	94	95	96a	96b	98	00a	00b	01	03a	03b	04	05	07a	07b	08	Разность
... ТУ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ БЫЛА У НАС ДО НАЧАЛА ПЕРЕСТРОЙКИ																		
Положительно	62	75	61	79	72	71	81	83	82	80	76	73	70	79	73	63	61	-1
Нейтрально	12	9	12	10	14	11	8	7	5	7	5	5	8	7	7	7	8	-4
Негативно	26	16	27	11	14	20	11	10	13	13	19	22	21	11	19	29	31	5
Среднее	19	37	16	44	37	32	44	47	45	44	34	33	29	40	35	20	19	0
Стандартное отклонение	50	50	53	45	48	52	45	43	56	46	50	53	51	44	50	55	54	4
... НЫНЕШНЮЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ																		
Положительно	9	29	14	16	22	29	31	31	29	41	52	57	60	41	66	75	81	72
Нейтрально	9	14	10	15	19	11	13	10	10	12	11	10	9	10	7	8	7	-2
Негативно	82	56	76	68	58	60	56	59	62	47	37	32	30	48	27	18	12	-70
Среднее	-51	-24	-46	-39	-29	-25	-26	-27	-30	-12	-2	5	8	-5	14	23	27	78
Стандартное отклонение	40	48	46	46	48	51	50	54	51	51	47	48	41	46	48	40	36	-4
... ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ БУДЕТ У НАС ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ?																		
Положительно	42	51	44	37	40	52	45	58	64	61	66	71	85	52	77	84	90	48
Нейтрально	18	23	25	24	33	15	20	17	12	13	11	13	6	13	6	6	5	-13
Негативно	40	26	31	40	27	33	34	24	24	27	22	16	9	33	17	10	5	-35
Среднее	-3	9	1	-11	2	5	0	14	16	16	19	30	39	7	33	45	52	55
Стандартное отклонение	53	53	54	52	48	57	53	53	51	52	49	46	37	52	52	44	36	-17

2.8. МОЛОДЕЖЬ ГОРАЗДО ЧАЩЕ ПРИДЕРЖИВАЕТСЯ ПРОРЫНОЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ, ЧЕМ ЛЮДИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

КАКОЕ ИЗ ЭТИХ СУЖДЕНИЙ ВАМ БЛИЖЕ: «ЛУЧШЕ, ЧТОБЫ В МАГАЗИНАХ БЫЛО МНОГО ТОВАРОВ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ БУДУТ ДОРОГИМИ» ИЛИ «ЛУЧШЕ, КОГДА ЦЕНЫ БУДУТ УДЕРЖИВАТЬ ГОСУДАРСТВОМ НА НИЗКОМ УРОВНЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ ПРИ ЭТОМ В МАГАЗИНАХ БУДЕТ МАЛО ТОВАРОВ»? (в %)

	95	96a	96b	98	00a	00b	01	03	04	05	07a	Разность
	(в %)											
БОЛЬШЕ ТОВАРОВ, ВЫСОКИЕ ЦЕНЫ												
Совершенно согласен	17	26	29	22	17	21	21	25	29	15	23	6
Скорее согласен	28	33	29	31	28	31	29	34	37	31	30	2
<i>Всего согласных</i>	45	59	58	53	45	52	50	59	66	46	53	8
НИЗКИЕ ЦЕНЫ, ДЕФИЦИТ												
Скорее согласен	37	18	19	20	36	36	33	30	25	29	25	-12
Совершенно согласен	18	23	23	27	18	12	17	11	10	25	22	4
<i>Всего несогласных</i>	55	41	42	47	54	48	50	41	35	54	47	-8

Марина Красильникова

Хроника экономического кризиса в оценках масс

К началу нынешнего экономического кризиса российское общество пришло с достаточно скромным запасом прочности в части экономического положения массовых слоев населения страны. Десять лет экономического благополучия позволили восстановить потери первых лет перестройки, но потребительские возможности большей части жителей страны по-прежнему не выходят за рамки модели бедного потребления, ограничиваясь спектром необходимых потребностей. В первые месяцы развития кризисных явлений в экономике страны сложившаяся модель потребления сыграла демпфирующую роль, массовые слои населения почувствовали на себе влияние ухудшающейся экономической ситуации только тогда, когда были затронуты базовые интересы, т. е. возможности обеспечения заработков. При этом другая важная составляющая — инфляция на потребительском рынке — в российских условиях оказалась менее значимым катализатором развития кризисных настроений среди массовых слоев населения, поскольку и до кризиса рост цен был очень высок, столь же высокими были и инфляционные настроения.

Ухудшение ситуации на рынке труда, которое поставило под угрозу перспективы получения трудовых доходов, немедленно вызвало бурный рост опасений ухудшения материального положения, распространение кризисных настроений среди самых широких слоев населения. При этом фактические изменения были не столь значительны. Но призраки массовых невыплат заработной платы, страх безработицы свежи в народной памяти и очень быстро реанимируются. У большинства населения заработки — это единственный источник обеспечения даже текущего потребления, размеры помощи в рамках социальных программ, пенсионной системы не велики и не могут рассматриваться как существенная поддержка в трудные времена. Сбережения есть у меньшей части населения, да и размеры этих сбережений, как правило, настолько малы, что не могут быть серьезным подспорьем.

Эти обстоятельства привели к бурному росту кризисных настроений в конце 2008 г., хотя

фактические трудности на практике оказывались менее значимыми. Казалось, что вокруг кризиса больше страхов, чем реально свершившихся печальных событий. Но настроения — это вполне реальный фактор общественной жизни, экономической в том числе. Страхи обладают свойством самореализации. Опасения людей о долгосрочном характере проблем и о том, что трудные времена еще впереди, — вполне обоснованы. Кроме того, анализ мнений массовых слоев населения о характере и наиболее острых проявлениях кризисных явлений полезен для разработки механизмов преодоления экономических трудностей, поскольку позволяет точнее понять, какие именно экономические меры оказываются значимыми для массовых слоев населения. Например, это относится к часто озвучиваемым опасениям о том, что население обеспокоено девальвацией рубля.

Настоящая статья посвящена обзору кризисных настроений населения в первые месяцы 2009 г. и ограничивается рамками социально-экономической проблематики: представлениями людей о ситуации на рынке труда, оценками изменений материального положения, динамики потребительского поведения, а также специфической российской проблематикой страхов и опасений вокруг валютного курса. Однако начнем с обзора общей динамики социальных настроений.

Динамика общественных настроений в целом.

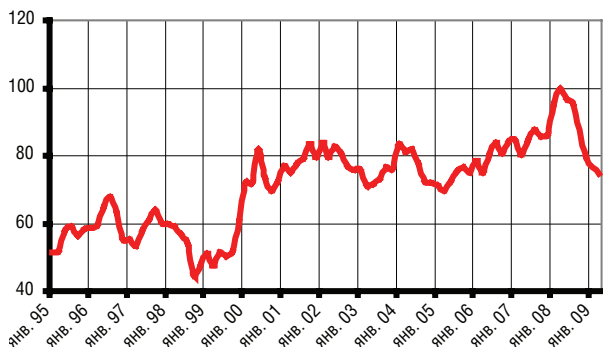
Сводным индикатором динамики общественных настроений является разработанный в Левада-Центре индекс социальных настроений (ИСН). Последние данные показывают, что социальные настроения в России становятся все хуже и хуже. Но даже в состоянии свободного падения сохраняется желание узнать не только, «далеко ли еще падать», но и какова скорость падения. Кажется, что если падение замедляется, то это уже хорошая новость. Результаты мартовского замера ИСН показывают, что за первые месяцы 2009 г. ИСН снизился еще на 6%. За три последних месяца прошлого года его падение составило 17%. С учетом сезонного снижения настроений в конце зимы —

начале весны, нынешнее ухудшение общественных настроений выглядит незначительным. И в нынешних российских условиях это неплохая новость.

Рисунок 1

Индекс социальных настроений (ИСН)

(март 2008 г. = 100%)

Структура изменений общественных настроений в начале 2009 г. также выглядит иначе, чем в конце прошлого. Тогда основным фактором ухудшения настроений были ожидания, и как раз это обстоятельство указывало на то, что мы только в начале кризисного пути. Сейчас на первый план выступили более прагматические соображения. Наиболее пессимистически люди оценивают свое личное положение (эта составляющая сводного ИСН упала более всего — на 9%). Почти столь же значительно ухудшились оценки действий президента и правительства страны — на 8%. А вот составляющая ИСН, отражающая динамику ожиданий, в начале нынешнего года уменьшилась заметно меньше — всего на 5%. Очевидно, что сейчас население думает, что ситуация в стране в целом не столь уж катастрофическая. Компонента ИСН, отражающая оценки положения дел в стране, снизилась менее всего — на 4%. Опыт измерений структуры и динамики ИСН показывает, что, с точки зрения перспектив роста общественных настроений, наилучшее сочетание динамики частных составляющих сводного показателя — это опережающий рост ожиданий, подкрепленный улучшением оценок собственного положения. При этом ожидания начинают расти раньше. Так что пока ждем.

ИСН является «лидирующим» показателем, т. е. его изменения происходят за несколько месяцев до того, как макроэкономические индикаторы фиксируют новые тенденции. Происходит это потому, что показатели типа ИСН измеряют субъективные настроения людей, которыми они руководствуются, строя бли-

жайшие планы, принимая решения по самым разным проблемам своей жизни. Слово «настроения» указывает на оценочный характер объекта измерения, но эти оценки имеют вполне реальную силу. В сущности, речь идет об измерении совокупности представлений и оценок, которые сформировались у людей по поводу окружающей их жизни, т. е. о характере всей совокупности «исходной информации», на основе которой люди принимают решения о своей жизни, точнее — о векторе изменения этого background'a. Речь идет не о «глобальных» решениях о «добре и зле», которые регулируются нормативно-ценностной системой, а о повседневных покупках и потреблении, о работе, о поездках и т. п. А когда эти планы реализуются, то уже экономическая статистика фиксирует результаты действий массового потребителя.

Это если речь идет об экономической жизни. Но настроения точно так же работают и в других сферах общественной жизни, в том числе — в политике. Поэтому индикаторы типа ИСН имеют весьма широкий спектр применения, ведь они позволяют измерять температуру общества. Простой и понятный индикатор, суммирующий мнение самых широких слоев населения, — это прекрасный градусник общего пользования. И важно, что он именно «общего пользования», поскольку как раз и является одним из инструментов «обратной связи»: такие показатели позволяют каждому индивидуальному экономическому агенту получить представление о том, что думают совокупные «остальные».

Рынок труда. С начала нынешнего года на рынке труда пока не произошло существенных изменений. Точнее, пока не получают распространения те опасения и страхи, которые бурно разрослись в последние месяцы 2008 г. В тот период эти страхи были основаны на появившихся и ставших стремительно распространяться проблемах с несвоевременной выплатой зарплат, их сокращениями, увольнениями. В начале нынешнего года распространение этих негативных явлений приостановилось, перестали расти и страхи. Как и в начале года, примерно в трети российских семей, в которых есть хотя бы один работающий член семьи, у кого-нибудь уменьшились заработки (35%), вовремя не выплатили зарплату (30%). В каждой четвертой такой семье (26%) кто-либо потерял работу, в каждой пятой — был переведен на сокращенный рабочий день или рабочую неделю, а в каждой шестой (15%) — отправлен в неоплачиваемый отпуск. Это

серьезный удар по семейным бюджетам большинства семей. Еще в октябре прошлого года какое-либо из этих неприятных явлений было максимум в каждой десятой семье (это если речь идет о несвоевременных выплатах зарплаток, а по остальным событиям — не чаще, чем в каждой двадцатой).

Сейчас эксперты гадают, как именно отразится на рынке труда нынешний экономический кризис. Пойдет ли все так, как в 90-е гг., когда, несмотря на все страхи безработицы, значительное падение производства не привело к массовой безработице. Вместо открытой безработицы, хозяйственная практика привела к масштабному распространению сокращения и невыплат зарплаток, т. е. фактические увольнения были заменены «работой без зарплаты», точнее, «сохранением видимости занятости с сохранением видимости оплаты труда». Эксперты справедливо называют такую модель нерыночной, поскольку она замораживает сложившуюся до кризиса структуру экономики, не способствует конструктивному выходу из кризиса, консервируя неэффективные рабочие места. Модель 90-х гг. позволяла, казалось бы, решать социальные проблемы, купируя общественное недовольство, которое могло бы быть куда острее выражено, если бы действительно была массовая безработица. Решение проблем кризиса через массовые увольнения с предприятий и организаций, которые не в состоянии пережить кризисные времена, т.е. неконкурентоспособных предприятий, кажется более адекватным рыночным правилам выхода из кризиса.

Пока не ясно, как именно сложится ситуация сейчас, но есть некоторые первые приметы. По сравнению с декабрем прошлого года, в марте, как уже говорилось, в среднем по стране распространенность негативных представлений населения по поводу рынка труда заметно не изменилась. Но произошли серьезные (и разнонаправленные) изменения в разрезе типов поселений. Москва является экономическим центром, лидером развития всей России, и можно ожидать, что именно здесь быстрее всего проявятся признаки наиболее здоровой реакции рынка труда на экономический кризис. Тем более, что в Москве более всего проявляются также и финансовые стороны современного кризиса. Действительно, в Москве за первые месяцы 2009 г. в несколько раз выросла доля семей, работающие члены которых лишились работы (с 2 до 17%), но в полтора раза сократилась частота несвоевременных выплат зарплаток (с 27 до 17%). Сложнее охарактери-

зовать роль сокращения зарплаток как способа реакции на экономические трудности. Дело в том, что в Москве особенно велика доля рабочих мест, на которых размер зарплаток зависит не только от постоянной зарплаты (тарифа, ставки и т. п.), но определяется в значительной мере различного рода единовременными выплатами (бонусами, премиями и т. п.), размер которых так или иначе зависит от результатов работы предприятия или организации (по крайней мере, теоретически зависит). Поэтому сокращение таких зарплаток (т. е. за счет уменьшения или приостановки выплат премий и бонусов) — это вполне здоровая экономическая реакция на ухудшение производственных показателей. Так вот, в московских семьях доля работников, у которых в первые месяцы этого года сократились зарплатки, выросла в полтора раза (с 21 до 30%).

Кроме того, становится все больше москвичей, которые не опасаются того, что их затронут задержки зарплаты, ее сокращение или вообще увольнения. За первые три месяца года доля тех, кто полагает, что в ближайшее время не будет задержек зарплаты, увеличилась с 33 до 51%, уменьшения заработной платы — с 29 до 43%. При этом опасения увольнений мало меняются: доля тех, кто не предвидит их в ближайшее время, увеличилась ненамного — с 38 до 43%. Таким образом, в Москве происходит активное сокращение численности занятых, но при этом работающие граждане все менее затрагиваются негативными явлениями, не растет страх безработицы. Можно сказать, что на московском рынке труда преобладает вполне здоровая реакция на экономический кризис, сколь ни обидно это звучит для тех, кто остался без работы.

Остальная Россия в большинстве своем скорее склоняется к старым образцам. Это менее выражено в крупных городах (с населением свыше полумиллиона человек), где задержки выплат так и остаются на уровне четверти семей и где также наблюдается относительно незначительный (по сравнению с Москвой) рост доли тех, кто не опасается, что различные негативные события на рынке труда затронут их лично в ближайшее время. А вот такие взаимозаменяемые меры, как сокращение зарплаты и увольнения пока как бы борются между собой: сначала в феврале, по сравнению с декабрем, доля сокращений выросла на 7 п.п. (с 23 до 30%) и одновременно доля увольнений снизилась на 8 п.п. (с 26 до 18%), а затем в марте по сравнению с февралем проявилась почти обратная тенденция — доля сокращения

заработков не изменилась, но на 11 п.п. (с 18 до 29%) выросла частота увольнений. Уровень несвоевременных выплат заработков на протяжении всех этих месяцев оставался неизменным (24–27%). На сегодняшний день есть признаки того, что и в крупных городах рынок труда все же скорее может реагировать именно по рыночной модели.

Но уж это точно не так в средних и малых российских городах. Распространенность задержек платежей, сокращений заработков от месяца к месяцу растет, а частота увольнений снижается. Одновременно остается неизменной или даже растет доля тех, кто с тревогой смотрит в будущее, т. е. снижается процент респондентов, которые выбирают подсказку «в ближайшее время не случится» увольнений, задержек или сокращения заработной платы. В этих городах и весях, где, кстати сказать, живет большинство населения страны, пока все проходит по опробованной в прошлом веке схеме реакции рынка труда на экономические трудности. За экономические неурядицы здесь будут платить «всем миром».

На этом в целом негативном фоне остаются чрезвычайно высоки опасения безработицы, которые сами по себе становятся важным фактором, влияющим на динамику ситуации на рынке труда. В сегодняшней обстановке важна не только фактическая ситуация на рынке труда, но и высокий уровень тревожности, широкое распространение опасений роста безработицы среди населения. Подобного рода социальные опасения обладают свойством самореализации. Страх потери работы способствует распространению скрытых форм безработицы (невыплаты и сокращения заработной платы, перевод на сокращенный график занятости и т. п.) взамен прямых увольнений и сокращений. Смягчающий социальный эффект скрытых форм безработицы носит краткосрочный характер, неизбежно сопровождается массовым снижением доходов населения и препятствует оздоровлению структуры экономики, консервируя «старые» рабочие места.

Материальное положение. В результате кризиса и в первую очередь в связи с сокращением заработков понемногу начинает ухудшаться уровень жизни российских семей. Наиболее значимо это выражается в росте негативных оценок уже произошедших изменений в материальном положении семей и в выражении опасений относительно ближайших перспектив.

Таблица 1
ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЙ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Март 2008	Сент. 2008	Дек. 2008	Февр. 2009
ИЗМЕНЕНИЯ ЗА ПРОШЕДШИЙ ГОД				
Улучшилось	28	24	18	11
Не изменилось	55	53	47	40
Ухудшилось	17	21	32	48
Затрудняюсь ответить	1	2	2	1
ОЖИДАНИЯ ПЕРЕМЕН В БЛИЖАЙШИЙ ГОД				
Улучшится	29	26	16	11
Не изменится	49	52	43	36
Ухудшится	7	11	23	38
Затрудняюсь ответить	15	12	18	15

К марту 2009 г. страна разделилась примерно поровну в своих оценках влияния кризиса на повседневную жизнь: 49% респондентов полагают, что «кризисные явления в экономике России уже самым серьезным образом сказались на повседневной жизни семьи», а 46% пока сообщают, что «кризис мало сказывается на повседневной жизни семьи». Конечно же, распространенность этих мнений напрямую зависит от того, насколько велик был «запас прочности» в предкризисный период, насколько уязвимо было материальное положение семьи, т. е. от того, насколько полно смогли разные группы населения реализовать преимущества экономического благополучия страны в предыдущие годы.

Пока мало меняется распределение российских семей по уровню материальных возможностей, характеру потребления. Группа наиболее бедных не выходит за пределы 10% населения страны. Эти бедные по-прежнему едва сводят концы с концами, им порой не хватает денег даже на продукты. Столь же мало меняется численность наиболее обеспеченной массовой группы российских семей¹, составляющей 15–18%, которые могут без финансовых затруднений обеспечивать не только текущее потребление семьи, но и заниматься обустройством дома, покупать товары длительного пользования.

¹ Мы не говорим о богатых российских гражданах, уровень благосостояния которых позволяет не задумываться о текущем обеспечении материальных условий жизни своих семей, но измеряется как минимум возможностями покупки недвижимости, дорогих автомобилей, а для наиболее успешных из них – позволяет измерять свой достаток накопленным финансовым капиталом. Доля таких семей исчисляется несколькими процентами, а их представители практически не попадают в сферу массовых исследований общественного мнения. Это избранные, и их жизненные интересы и заботы мало соотносятся с тревогами и радостями российского населения в среднем.

Остальные почти три четверти российско-го населения находятся посередине, и различия между ними проходят по линии покупок одежды: более многочисленная группа может позволить себе покупать одежду, не думая, как и на чем сэкономить, а меньшая часть вынуждена экономить даже на этих расходах, хотя уже и питается более-менее нормально. Именно по этой «одежной» линии проходило улучшение материального достатка российских семей в благополучные годы перед кризисом. Можно сказать, что достижением десятилетия экономического роста стало то, что страна не только «наелась», но и «оделась». И сейчас именно по этой линии проходит наиболее интенсивный процесс перераспределения групп населения по уровню жизни в результате кризисных явлений в экономике страны. Еще полгода назад соотношение групп «наевшихся» и «одевших-ся» было 1:2. В марте 2009 г. баланс сместился в сторону «наевшихся» и составил 2:3.

Водораздел в оценках степени влияния кризиса на повседневную жизнь российских семей также проходит по линии «одежды». Среди менее обеспеченных преобладает мнение, что кризис уже сказался на повседневной жизни семьи (это 10% тех, кто едва сводит концы с концами и 30% тех, кому денег на продукты хватает, но покупка одежды вызывает затруднения). Более

обеспеченные российские граждане пока чаще сообщают, что до сих пор негативные явления в экономике страны мало сказываются на повседневной жизни их семей (45% тех, кто без финансовых затруднений может позволить себе покупки и продуктов питания, и одежды, а также 15% наиболее обеспеченных российских семей). Естественно, в крайних группах различия мнений наиболее яркие.

Достигнутый уровень жизни массовых слоев российского населения в совокупности с характером его дифференциации приводит к тому, что сегодняшние экономические трудности очень по-разному сказываются на жизни российских семей. Наиболее жесткие проявления кризиса, которые приводят к необходимости изменения характера потребления вплоть до экономии на питании, распространены пока не слишком широко. Несмотря на то, что вся страна сетует на непомерную инфляцию, и в этом представители всех групп населения более-менее единодушны, только четверть опрошенных сообщают о том, что рост цен на продовольствие существенно ухудшил привычную жизнь их семей. Это показывает, что начавшая выбиваться в предкризисные годы из бедности группа «наевшихся» сейчас оказалась наиболее уязвимой, почти половина представителей этой группы уже не смогла сохранить

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ УЖЕ САМЫМ СЕРЬЕЗНЫМ ОБРАЗОМ СКАЗАЛИСЬ НА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ, ИЛИ КРИЗИС ПОКА ЧТО МАЛО СКАЗЫВАЕТСЯ НА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Не хватает на продукты	Только на продукты	На продукты и одежду	Можем ТДП
Кризисные явления в экономике России уже самым серьезным образом сказались на повседневной жизни Вашей семьи	73	60	45	22
Кризис пока мало сказывается на повседневной жизни Вашей семьи	18	33	52	71
Затрудняюсь ответить	9	7	3	7

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ ПОСТОЯННО РАСТУТ, НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ СКАЗАТЬ, ПОВЛИЯЛ ЛИ РОСТ ЦЕН НА ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ НА ПРИВЫЧНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ВАШЕЙ СЕМЬИ? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Не хватает на продукты	Только на продукты	На продукты и одежду	Можем ТДП
Не вызвал значительных трудностей	7	11	28	50
Вызвал значительные трудности, но привычный уровень жизни сохраняется	34	48	54	43
Вызвал серьезные трудности, и мы теперь не можем жить на привычном уровне	57	39	15	4
Затрудняюсь ответить	2	3	2	4

достигнутый уровень жизни. Напротив, те, кто выше «одежной» линии, пока практически не затронуты кардинальными изменениями в образе жизни, связанными с питанием.

В целом пока не наблюдается существенных изменений в субъективных оценках уровня материального достатка семей, а отмечаемые ухудшения локализованы преимущественно в относительно бедных слоях населения, но не самых бедных. Как и год назад, в марте 2009 г. почти 60% российских граждан оценили уровень жизни своих семей как средний.

Таблица 4
КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СВОЕЙ СЕМЬИ? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Март 2008	Сентябрь 2008	Март 2009
Очень хорошее	3	2	2
Хорошее	16	13	10
Среднее	58	62	58
Плохое	20	20	26
Очень плохое	3	2	4

Потребительский рынок. Материальное положение российских семей пока изменилось мало, но тревоги и страхи относительно дальнейших возможностей поддержания достигнутого уровня жизни, прежде всего перспективы на рынке труда, уже существенно меняют потребительское поведение людей. Реакция российских жителей на осложнившиеся экономические условия является вполне рациональной, «рыночной»: опасения снижения доходов заставляют людей сокращать потребление – отказываться от покупок или переходить на более дешевые товары.

Более 80% относительно малообеспеченных семей уже в начале 2009 г. сообщали, что в последние месяцы они стараются покупать более дешевые товары. Только самые обеспеченные 15% российских семей в то время еще не меняли свое потребительское поведение.

Естественно, быстрее всего такие изменения в характере потребления проявляются на рынке товаров длительного пользования, на крупных покупках и расходах, которые обычно планируются заранее и которые можно ускорить или отложить без немедленного ущерба для текущего потребления. Несмотря на значительные инфляционные ожидания, большинство российских потребителей с самого начала кризиса не выбирали стратегию ажиотажного потребления, не пытались побыстрее избавиться от денег и купить какие-то потребительские

Таблица 5
МОЖНО ЛИ СКАЗАТЬ, ЧТО ВЫ (ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ) В ПОСЛЕДНИЕ 2-3 МЕСЯЦА СТАРАЕТЕСЬ ПОКУПАТЬ БОЛЕЕ ДЕШЕВЫЕ ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ И ДРУГИЕ ПРЕДМЕТЫ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ, ЧЕМ ПОКУПАЛИ РАНЕЕ? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Не хватает на продукты	Только на продукты	На продукты и одежду	Можем ТДП
Определенно да	56	41	17	10
Скорее да	35	44	46	31
Скорее нет	6	11	30	43
Определенно нет	2	1	5	12
Затрудняюсь ответить	1	3	3	4

товары, а предпочли отказаться от уже запланированных покупок. Такая тенденция сначала проявилась только у мало- и среднеобеспеченных россиян, которые составляют основную часть жителей страны, в то время как наиболее обеспеченные (примерно каждая шестая семья) в первые месяцы демонстрировали стратегию «бегства от денег». Но уже к февралю нынешнего года и они стали ограничивать свои потребительские расходы, а в марте их выбор в пользу отказа от потребления стал очевиден. Эта группа наиболее высокодоходных российских граждан обеспечивает основную массу потребительского спроса в России, в основном от ее потребительского поведения зависит внутренняя торговля страны. Поэтому, пока в конце прошлого года заметная часть этих образцовых потребителей продолжала проявлять заметную активность на рынке, экономические показатели товарооборота еще оставались сравнительно благоприятными. Однако теперь уже стало понятно, что российское население отреагировало на экономический кризис в полном согласии с рыночными законами, поэтому задача стимулирования платежеспособного спроса действительно является сейчас для российской экономики наиболее актуальной.

Положение на потребительском рынке России наглядно характеризует динамика представлений потребителей о том, насколько благоприятна текущая ситуация для крупных потребительских расходов (уже вне зависимости от того, есть ли у людей личные планы совершать такие расходы). На рисунке 2 хорошо видно, что в конце 2008 г. произошел знамена-

Таблица 6

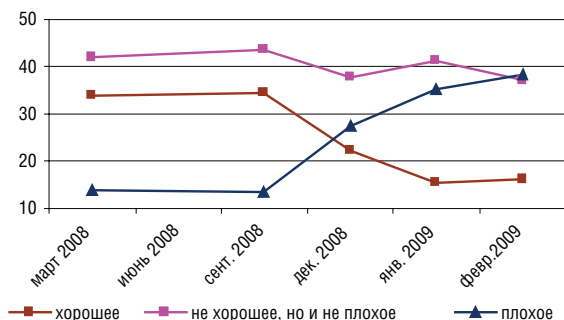
ЗАВИСИМОСТЬ НАМЕРЕНИЙ ДЕЛАТЬ ЗАПЛАНИРОВАННЫЕ КРУПНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ПОКУПКИ ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО СТАТУСА СЕМЬИ (% по строке, по данным всероссийских репрезентативных опросов взрослого населения России, число респондентов – 1600 чел.)

Варианты ответов	Купим, когда захотим		Поторопимся с покупками		Отложим покупки	
	Декабрь 2008	Март 2009	Декабрь 2008	Март 2009	Декабрь 2008	Март 2009
В СРЕДНЕМ	30	24	25	15	45	62
В том числе в зависимости от уровня материального достатка:						
Семья едва сводит концы и концами или денег хватает только на продукты	18	10	21	10	61	80
Семье денег хватает на продукты и одежду, но покупка, например, телевизора, холодильника является проблемой	31	21	23	17	46	62
Семья может без труда приобретать вещи длительного пользования (кроме автомобиля и более дорогостоящих предметов)	39	43	33	16	28	42

тельный перелом в настроениях потребителей: стали преобладать негативные оценки, что как раз и есть показатель грядущего сокращения потребительского спроса. Индекс крупных покупок (разность между положительными и отрицательными оценками плюс 100) снизился с 121 пункта в сентябре 2008 г. до 78 пунктов в феврале 2009 г.

Рисунок 2

Динамика распределения ответов на вопрос «ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О КРУПНЫХ ПОКУПКАХ ДЛЯ ДОМА (ТАКИХ, КАК МЕБЕЛЬ, ХОЛОДИЛЬНИК, БЫТОВАЯ ЭЛЕКТРОНИКА, ТЕЛЕВИЗОР), ТО, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЕЙЧАС В ЦЕЛОМ ХОРОШЕЕ, НЕ ХОРОШЕЕ, НО И НЕ ПЛОХОЕ ИЛИ ПЛОХОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ТАКИЕ ПОКУПКИ?»

Рассматриваемый индикатор входит в индекс потребительских настроений (ИПН), который является важным инструментом прогнозирования поведения потребителей. Этот показатель рассчитывается во всех развитых и развивающихся странах, он стал непреложным инструментом функционирования рыночной экономики, позволяя отслеживать изменения в поведении массового потребителя. В рыночной экономике и частным, и государственным экономическим агентам необходимо знать на-

строения потребителей, их покупательские намерения для того, чтобы эффективно строить планы производства, импорта или продаж, для организации маркетинга и рекламы. Прогнозные свойства ИПН проверены практикой многих десятилетий в большинстве развитых стран с рыночной экономикой.

Коллектив Левада-Центра начал измерения ИПН еще в 1993 г. и продолжительное время, с 1996 до середины 2008 г. этот проект поддерживался различными организациями (проект технической помощи казначейства США Минфину России, фонд ИПН-Россия, Центр Развития, НИСР). Непрерывные расчеты ИПН, к сожалению, были прерваны как раз перед началом кризиса, когда ИПН достиг своего максимального уровня за всю историю наблюдений. Однако Левада-Центр продолжил измерение этого показателя в рамках других своих регулярных опросов. Данные Левада-Центра показывают, что за последний год индекс потребительских настроений упал на 38%.

Долгие годы коллектив Левада-Центра проводил параллельные измерения обоих индексов – социальных (ИСН) и потребительских (ИПН) настроений. Опыт показывает, что оба показателя работают весьма схожим образом – по данным за 12 лет наблюдений, коэффициент корреляции между ними составил 0,98. ИСН оказывается более волатильным в периоды политических перемен (прежде всего, в периоды выборов президента и думских выборов), а ИПН – в периоды экономических неурядиц.

В 1993–1994 гг. ИПН измерялся по сопоставимой с нынешней методике. Уровень потребительских настроений, зафиксированный в феврале 2009 г., примерно такой же, каким был

тогда. Конечно же, в кризисный период 1998 г. значение ИПН было еще ниже, но все равно неприятно ощущать себя отброшенными столь далеко вглубь современной истории страны. Хотя, как известно, мы в этом не одиноки. Индексы потребительских настроений в развитых странах бьют такие же рекорды. В колыбели кризиса — США — более впечатляющие, в Западной Европе — менее. За одиннадцать месяцев (с марта прошлого года по февраль нынешнего) индекс доверия потребителей (Consumer confidence index) в США снизился примерно на 60%. В зоне евро, согласно данным объединенной программы опросов бизнеса и потребителей европейской комиссии, индикатор доверия потребителей (consumer confidence indicator) снизился почти на четверть.

Таблица 7
ДИНАМИКА ИСН И ИПН В 2008–2009 Г.
(март 2008 г. — 100%; в % от числа опрошенных)

	Июнь 2008	Сент. 2008	Дек. 2008	Февр. 2009	Март 2009
ИСН — индекс социальных настроений	98	96	80	Нет данных	76
ИПН — индекс потребительских настроений	*	95	75	62	

* Нет данных

Так же, как и ИСН, динамика ИПН в начале нынешнего года показывает некоторое замедление темпов ухудшения потребительских настроений. Однако темпы их снижения остаются заметно выше, чем общественных настроений в целом. Действительно, в начале нынешнего года ведущим фактором ухудшения настроений стал пессимизм относительно личного материального положения людей, который немедленно приводит к снижению потребительского спроса. В начале 2009 г. влияние сокращающихся личных доходов в полной мере почувствовали на себе и высокодоходные слои населения. Если прошлой осенью наиболее обеспеченные россияне часто говорили о том, что в условиях надвигающегося кризиса надо поторопиться с крупными потребительскими расходами, то теперь они присоединились к основной массе российского населения, которая с самого начала была склонна сокращать потребление. Февральский замер ИПН показал, что этот бастион российского общества потребления — наиболее обеспеченные примерно 15% российских граждан тоже «взят»: потребительские настроения этой группы населения снизились особенно

значительно — на 23% (против 18% в среднем). На это ухудшение настроений отреагировали данные о динамике товарооборота, который начал снижаться. Действительно, именно эта шестая часть российских семей обеспечивает наибольший вклад в платежеспособный спрос населения, и пока у нее сохранялись настроения «ажитажного спроса», товарооборот еще имел шансы на рост.

В результате кризиса потребительские настроения россиян ухудшились куда более существенно, чем общественные. Причина тому — сформировавшийся в обществе комплекс надежд, сродни традиционалистским чаяниям, на верховную власть страны при недоверии всем остальным социальным институтам. Однако ожидания и надежды — своим чередом, а жизнь — жизнью. Во-первых, социальные настроения в целом всегда были благоприятнее, чем более узкие — потребительские (а как иначе может быть в бедном обществе?). Во-вторых, весьма точное совпадение динамики обоих показателей свидетельствует о том, что социально-политическая часть сознания наших соотечественников не столь уж иррациональна. Вспомним кризис 1998 г. Тогда ИПН тоже упал куда значительно, чем ИСН, а рост настроений сначала проявился в динамике ИСН и только через два месяца — в динамике ИПН. Кроме того, вспомним о том, что России так и не удалось удержать нынешний кризис только в финансовой сфере, он перерос в экономический и только тогда сказался на интересах всего населения страны. Тот факт, что социально-политическая составляющая общественных настроений пока не демонстрирует серьезных негативных изменений, показывает, что есть шанс не дать развиваться экономическому кризису в социально-политический. Но сейчас, как никогда, слишком многое зависит от действий руководства страны. Данные последнего опроса Левада-центра показали, что более половины (54%) опрошенных считают, что «возможности выхода России из кризиса полностью зависят от действий российского правительства, внешние условия играют второстепенное значение». Меньшая часть (35%) склонна к фатализму — «что бы мы ни предпринимали, Россия сможет выйти из кризиса только тогда, когда кризис завершится в развитых странах».

Проблемы девальвации. Период плавной девальвации рубля закончился широкомасштабным информированием бизнеса и населения о долгосрочной фиксации валютного коридора на уровне (верхнем) 41 руб. за бивалютную

корзину. Данные опросов Левада-Центра показывают, что российское население верит в установленные ориентиры. В конце февраля, отвечая на вопрос о том, «каким будет курс доллара по отношению к рублю 1 июня 2009 г.» российские жители в среднем назвали цифру 37 руб. 80 коп. Разброс мнений не так уж велик (см. табл. 8), а самая распространенная оценка — к началу лета доллар США можно будет купить за 40 российских рублей (15% опрошенных). Это означает, что если точно воспринимать установленные властями ориентиры валютного коридора, то в ближайшие месяцы его верхняя граница если и будет нарушена, то только чуть-чуть. «Включенные» в проблематику обыватели (те, кто регулярно следит за динамикой валютных курсов), чаще высказывают уверенность в таком развитии событий. Однако групповые различия не принципиальны — оценки ближайших перспектив динамики валютных курсов примерно одинаковы у бедных и состоятельных, молодых и пожилых, образованных и не очень.

Однако обратим внимание на другое. Несмотря на многочисленные заявления о том, что плавная девальвация российской валюты проводилась в интересах населения, опросы Левада-Центра показывают: валютный курс представляет интерес для весьма узких слоев российского населения. Большинство наших соотечественников редко обращают внимание на то, что происходит на валютных рынках и в уличных обменных пунктах.

В декабре 2008 г. Левада-Центр спрашивал у людей, приходилось ли им этой осенью (т. е. в период с 1 октября 2008 г. и до момента опроса — середины декабря того же года) обменивать рубли на какую-либо иностранную валюту. «Да» ответили 5% опрошенных, и еще 6% затруднились ответить. Причислим этих неуверенных в

своих действиях граждан к тем, кто все же покупал валюту — и получим примерно каждого десятого гражданина, который пал жертвой осенней валютной лихорадки. Эта оценка согласуется с другой, полученной в ходе того же декабрьского опроса. Тогда лишь 10% опрошенных сообщили, что стараются следить за обменным курсом рубля к доллару как минимум «несколько раз в неделю». Еще 13% — «примерно раз в неделю». А вот 68% вообще не следили за текущими валютными курсами.

Февральский результат, согласно которому 22% взрослого населения стараются следить за обменным курсом, — это рекорд информированности, появившийся на фоне особенно широко обсуждавшегося в тот момент установления границ валютного коридора, ежедневных новостных сводок и обсуждений экспертов того, когда же он будет «прорван». При таком новостном фоне волей-неволей каждый будет информирован о текущем курсе рубля. И доля равнодушных заметно сократилась — теперь половина населения (50%) не интересуется проблемой валютного курса. А те, кому все это интересно, уверены в стабильности на ближайшее время. Так что девальвация удалась, а население этого по большей части не заметило.

Причина такого равнодушия большинства российских граждан к валютнообменным операциям — отсутствие средств для этих самых операций. Интерес к ситуации на валютном рынке быстро растет по мере роста благосостояния. И только в наиболее обеспеченной группе две трети опрошенных более-менее регулярно интересуются валютной проблематикой (материальное положение этой группы позволяет «без труда приобретать вещи длительного пользования», на ее долю приходится примерно 15% российских семей).

Таблица 8

ОЦЕНКИ ВОЗМОЖНОГО КУРСА ДОЛЛАРА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУБЛЮ НА 1 ИЮНЯ 2009 ГОДА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РЕГУЛЯРНОСТИ ОТСЛЕЖИВАНИЯ ДИНАМИКИ ВАЛЮТНОГО КУРСА (% по столбцу)

Сколько будет стоить доллар 1 июня 2009 г. (руб.)	Как часто Вы стараетесь узнавать текущий валютный курс?				
	Несколько раз в неделю	Примерно раз в неделю	Примерно раз в две недели или реже	Не слежу	В среднем по выборке
	22	18	10	50	
25–30	7	6	9	4	6
31–35	13	10	15	4	8
35,5–40	44	36	34	9	24
41–45	9	10	10	2	6
46–50	9	7	3	2	5
Затрудняюсь ответить	17	30	29	78	51

Знакомство с динамикой валютных курсов не слишком сильно влияет на представления о том, в какой валюте «выгодно и безопасно» хранить личные сбережения (а есть они только у каждой четвертой-пятой российской семьи). В среднем рубль так и не утратил образ самой надежной валюты, хотя происходит это в первую очередь за счет наименее информированной части общества, для которой проблема сбережений не актуальна (за неимением денег) и которую валютные спекуляции не интересуют. Однако даже регулярно отслеживающие ситуацию на валютных рынках граждане (они же, как правило, и наиболее обеспеченные) не спешат списывать рубль. Если они отдают предпочтение какой-либо одной валюте, то одинаково часто выбирают рубль или евро, и втрое реже — американский доллар. Но наиболее распространенная стратегия сохранения сбережений — это валютная корзина, ее выбрал почти каждый третий в группе людей, регулярно следящих за динамикой курсов валют.

Таковы результаты первого квартала 2009 г. Можно сказать, что пока общественные страхи и опасения распространены среди населения шире, чем фактические негативные результаты экономического кризиса. Но, во-первых, субъективные настроения влияют на реальное экономическое поведение людей. Если люди

сокращают расходы, то сокращается и потребительский спрос, что, в свою очередь, тормозит экономическое развитие, приводит к сокращению производства, т. е. создается спираль сползания в кризис. Кроме того, в высокомонополизированной и коррумпированной российской экономике стоит реальная угроза стагфляции, т. е. одновременного падения производства и инфляции. Снижение цен, которое как раз помогает выйти из экономического кризиса, пока труднодостижимо в российской экономике. Во-вторых, оценка того, насколько российское население уже пострадало от кризиса, напоминает рассуждения о стакане, который либо наполовину пуст, либо наполовину полон. Ведь это как посмотреть! Если сравнивать с худшими годами постсоветского развития России, то вроде все не так уж плохо, только меньшая часть населения пострадала от кризиса. Еще десять лет назад все было куда хуже. Но если оценивать с точки зрения того, что экономический кризис, сколь глубокий бы он ни был, — это все же не конец света, а просто очередной цикл развития рыночной экономики, и если сравнивать с другими странами, также переживающими сейчас кризис, то ситуация в России хуже, чем в среднем. Нынешний кризис весьма глубоко и серьезно отразился на жизни российских людей.

Таблица 9

РЕГУЛЯРНОСТЬ ОТСЛЕЖИВАНИЯ ДИНАМИКИ ВАЛЮТНОГО КУРСА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА СЕМЬИ (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Мы едва сводим концы с концами	На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает финансовые трудности	Денег хватает на продукты и на одежду. Но вот покупка вещей длительного пользования затруднительна	Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования
Несколько раз в неделю	16	17	22	39
Примерно раз в неделю	11	12	22	21
Примерно раз в две недели или реже	6	12	11	10
Не слежу	67	59	45	30

Таблица 10

КАК ЧАСТО ВЫ СТАРАЕТЕСЬ УЗНАВАТЬ ТЕКУЩИЙ ВАЛЮТНЫЙ КУРС? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Несколько раз в неделю	Примерно раз в неделю	Примерно раз в две недели или реже	Не слежу	В среднем по выборке
В рублях	26	21	21	34	29
В долларах	7	14	11	3	7
В ЕВРО	25	25	29	15	21
В разных валютах/в нескольких валютах	31	23	25	16	21
Затрудняюсь ответить	11	17	14	31	22

Сергей Мицек

Россия: вступление в кризис, кризис, выход из кризиса

Какие факторы вели российскую экономику к кризису? Анализ статистических данных показывает, что кризис, который сейчас переживает российская экономика наряду с другими странами, возник не «вдруг». Тенденции последних месяцев перед 4 кварталом 2008 г. уже свидетельствовали о его приближении. Это заключение подтверждается следующими фактами.

1. Нарастание внешнего долга РФ. На 1 января 2007 г. он составил 310 млрд. долл., на 1 января 2008 — 463 млрд. долл., на 1 октября 2008 — уже 540 млрд. долларов, т. е. вырос в 1,7 раза в долларовом исчислении, по сравнению с 1 января 2007г.¹ Наибольшую долю составляет долг *нефинансовых компаний* — 300 млрд. долл. и *банков* — 198 млрд. долл. на 1 октября 2008 г., которые выросли в 2 раза за этот период². Причем основная доля этого долга приходилась на государственные или с государственным участием банки и компании.

2. Основной причиной роста внешнего долга были низкие процентные ставки на зарубежных рынках капитала (в 1,5–2 раза ниже, чем в России) и постоянно укрепляющийся рубль. Например, в 2008 г. средняя шестимесячная ставка LIBOR (предложение кредитов и депозитов на лондонском межбанковском рынке) составляла в среднем 3% годовых для депозитов в долларах³, При этом ставка MIBOR на срок свыше 91 дня (аналогичная лондонской московская ставка для депозитов в рублях) превысила 10% годовых в среднем за год⁴.

3. Рост внешнего долга увеличил спрос на валюту, так как отдавать его надо в долларах или в евро, и, следовательно, способствовал ослаблению рубля. Причем рост задолженности компаний с государственным участием усиливает вероятность того, что, по крайней мере, часть этого долга возьмет на себя государство, т. е. фактически налогоплательщики. Это грозит усилением нагрузки на расходную часть федерального бюджета, что еще более ослабляет рубль.

4. Тем не менее рубль держался вплоть до 4 квартала 2008 г. Это имело место из-за активного сальдо платежного баланса, и в первую очередь *торгового баланса*, которое до сих пор остается положительным и большим по абсолютной величине. Огромный прирост валютных средств от экспорта укреплял курс рубля.

5. Однако счет текущих операций, который, помимо экспорта и импорта товаров, учитывает торговлю услугами и текущие денежные переводы средств, полученных в виде зарплаты, процентов и дивидендов, постепенно ухудшался. Так, если экспорт в 2006 г. вырос на 25%, а в 2007 на 17%, то импорт за эти годы вырос на 31% и 35% соответственно⁵. Рост спроса на импорт опять-таки увеличил спрос на иностранную валюту и потому ослабил рубль.

6. Причина такой динамики экспорта и импорта состоит, во-первых, в укреплении рубля, которое шло неуклонно начиная с 2005 г. Другая причина — замедление темпов международной торговли, которое шло уже с 2006 г. Так, если в 2006 г. объем мировой торговли вырос на 9.4%, то в 2007 г. — на 7.2%, в 2008 г. (оценка) — лишь на 4,6%⁶. В развитых странах, на которые приходится более половины российского экспорта, темпы роста были еще меньше. Соответственно, спрос на российский экспорт снижался, что ослабляло рубль и замедляло темпы экономики России.

7. Еще один фактор — структура российской внешней торговли, которая экспортирует сырье и ввозит готовые изделия. Из-за этого российская экономика весьма уязвима к колебаниям цен на мировых товарных рынках. Правда, первые три квартала 2008 г. экспорт рос быстрее импорта (цены на нефть тогда были очень высоки). Но в октябре 2008 импорт снова начал расти быстрее экспорта, а в ноябре 2008 г. и экспорт, и импорт упали в абсолютном выражении, причем экспорт на 16% по отношению к ноябрю 2007, а импорт лишь на 4% за этот же период⁷. Таким образом, замедление роста

¹ Данные Банка России, сайт www.cbr.ru

² Там же.

³ Данные МВФ, сайт www.imf.org

⁴ Данные Банка России, сайт www.cbr.ru, расчет автора.

⁵ Данные Ростата, сайт www.gks.ru, расчет автора.

⁶ Данные МВФ, сайт www.imf.org

⁷ Данные Банка России, сайт www.cbr.ru

экспорта, а затем и его абсолютное падение в ноябре уменьшило приток иностранной валюты, что способствовало снижению курса рубля по отношению к ней.

8. В то же время счет капитала (т. е. приток средств от иностранных инвестиций и кредитов в Россию и из России за рубеж) резко ухудшился уже *до кризиса*. Если за 2007 г. он составил +86 млрд. долл., то за 3 первых квартала 2008 лишь +1 млрд. долл. Причем в 1 квартале 2008 г. он был –25 млрд. долл., во втором +35 млрд. долл., в третьем –9 млрд. долл.¹ Налицо отток капиталов – рост зарубежных активов банков, ссуд и займов нефинансовых компаний (!), сомнительных сделок – по классификации Банка России. И это на фоне сокращения притока (прямых инвестиций и ссуд из-за рубежа). Таким образом, снижение притока иностранных инвестиций и кредитов, с одной стороны, и увеличение инвестирования валютных средств, заработанных российскими экспортерами, за рубеж, – с другой, привели к оттоку иностранной валюты из страны, что также способствовало ослаблению рубля.

9. В итоге чистые требования к нерезидентам (разность между российскими активами за рубежом и обязательствами России перед иностранцами) выросли с 9.9 трлн. руб. на 1 января 2008 г. до 12.1 трлн. руб. на 1 сентября 2008². В сочетании с динамикой платежного баланса, все это говорит о том, что отток капиталов имел место еще до кризиса и возможной его причиной была нестабильность мировой экономики, когда инвесторы вкладывают средства в «тихие гавани», в первую очередь в бумаги американского казначейства.

10. Помимо проблем с платежным балансом, Россия на протяжении 2008 г. подступала к **кризису ликвидности**, т. е. к недостатку денег в экономике. Так, объем банковских кредитов в процентах к активам банков на 1 ноября 2008 г. составил неслыханную величину в 76%, тогда как еще 1 января 2008 этот индикатор был 69%, и 63% на 1 января 2007г.³ Это свидетельствовало о том, что у российских банков на тот период не было свободных денежных средств для выполнения своих обязательств. Подобная динамика показывала, что экономика России «перегрета», о чем ряд экономистов (например, Дейл Джоргенсон из Гарварда) предупреждали еще в начале 2008 г.

11. Проблема ликвидности была усилена излишне жесткой политикой Банка России, который тогда боролся с инфляцией. Если на 1 января 2007 г. величина денежной базы (суммы остатков на счетах коммерческих банков в Банке России и наличных денег в обращении) составляла 4122 млрд. руб., а на 1 января 2008 – 5513 млрд., то на 1 декабря 2008 г. лишь 5202 млрд., т. е. сократилась в абсолютном выражении за 2008 г.⁴ Уже это могло стать фактором кризиса на банковском рынке осенью. Обратим внимание, что денежная база – это основной рычаг, которым Центральный Банк управляет количеством денег в экономике. В итоге денежная масса сокращалась три месяца подряд с 14,5 трлн. руб. на 1 сентября до 13,2 трлн. руб. на 1 декабря 2008 г.⁵ На 1 декабря 2008 г. ее величина была на 0,3% ниже, по сравнению с 1 января 2008 г. Уже это само по себе явилось шоком для экономики России, где последние десять лет денежная масса росла темпами 30–50% в год.

Если же учесть рост цен, то объем *реально-го предложения денег* снизился, что явилось тяжелым шоком для экономики России. Эффект подобен остановке поезда с помощью стоп-крана. Банки и нефинансовые компании России внезапно лишились притока денежной наличности, хотя частично это было следствием их собственных ошибок. Кризис неплатежей на банковском рынке осени 2008 г. не мог не случиться. И здесь Россия подтвердила классический вывод монетаристов о том, что экономическому спаду предшествует падение темпов роста денежной массы⁶.

Индикаторы кризиса. Таким образом, тенденции и мировой, и отечественной экономики вели к тому, что Россия столкнется с а) падением темпов роста экспорта; б) ухудшением своего платежного баланса; в) кризисом ликвидности. В сочетании с замедлением темпов роста экономик развитых стран и (хоть и в меньшей степени) развивающихся стран и новых рыночных экономик это привело к падению цен и спроса на основные товары российского экспорта. Только на нефть сорта «Юралс» цена в декабре 2008 г. составляла лишь 43% от уровня декабря 2007 г., а объем ее экспорта в долларовом исчислении сократился на 32% в ноябре

¹ Данные Банка России, сайт www.cbr.ru

² Там же.

³ Там же, расчет автора.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Впервые об этом заявлено в классической работе Friedman M., Schwartz A. J. Money and business cycles // Review of Economics & Statistics. 1963. Vol.45 (Supplement). P. 32–64.

2008 г. к ноябрю 2007¹. Уже только эти факторы должны были вызвать девальвацию рубля, а в сочетании с паникой на финансовых рынках она еще более усилилась.

На кризис ликвидности Банк России ответил ростом кредитования коммерческих банков. Так, если за 2007 г. Банком России было выдано кредитов на 13,7 трлн. руб., то за 2008 г. — 18,2 трлн. руб.², т. е. на 33% больше. В 4 квартале Банк России выдавал в среднем кредитов на 2,06 трлн. руб. в месяц, тогда как в 4 квартале 2007 г. — 1.46 трлн., рост на 41% за квартал³. С учетом беззалоговых кредитов эта цифра еще больше.

Эта мера спасла банковскую систему от коллапса, но одновременно усилила кризис рубля, поскольку в атмосфере всеобщего недоверия банки предпочитали вкладывать полученные от Банка России средства в валюту. Их чистые иностранные активы выросли с 9,9 трлн. руб. на 1 января до 12,3 трлн. на 1 октября 2008 г.⁴, хотя предварительные данные говорят об их некотором снижении к декабрю 2008 г. Данная тенденция усилилась массовым переводом средств населения из рублевых депозитов в валютные. Их доля в совокупном объеме депозитов выросла с 13% на 1 января до 17% на 1 ноября 2008 г.⁵ Ввоз наличной иностранной валюты российскими банками вырос с 2,2 млрд. долл. в январе 2008 г. до 13,4 млрд. долл. в октябре, ее продажи населению с 4,7 млрд. долл. до 11,2 млрд. долл. за этот период⁶.

В результате Банк России был вынужден продавать свои валютные резервы, чтобы удовлетворить спрос на валюту со стороны банков, компаний и населения. Вследствие этого он потерял более 200 млрд. долл. своих международных резервов и был вынужден заявить о корректировке политики в конце января 2009 г. Паника на финансовых рынках привела и к оттоку депозитов граждан, которые только за два месяца, с 1 сентября по 1 ноября 2008 г. уменьшились на 7,5%⁷.

«Сжатие» денежной массы и перевод рублевых активов в зарубежные привели к ужесточению кредитных условий. Только по данным

Банка России, средние ставки по рублевым кредитам нефинансовым организациям в ноябре 2008 г. были на 46% выше, чем в январе (вероятно, на практике этот рост был еще больше). Ситуация была усугублена ошибочным, по нашему мнению, решением Банка России повысить ставку рефинансирования. Регулятор стремился остановить отток средств из России, сделав рублевые инструменты более доходными, но данное решение послужило «сигналом» коммерческим банкам повысить ставки по кредитам.

В сочетании с падением спроса и цен на российские экспортные товары это и привело к общему кризису в экономике России, которая несколько лет жила в условиях относительно низких (в условиях российского дефицита свободных капиталов) процентных ставок. Разумеется, этот кризис был усилен паникой на финансовых рынках и падением курсов бумаг российских эмитентов, оттоком зарубежного капитала, падением общего индекса доверия в экономике. Индексы предпринимательской уверенности сменились с позитивных 6–10% до негативных 16–20% в добывающих и обрабатывающих отраслях. Несколько лучше картина в секторе производства и распределения электроэнергии, газа и воды⁸.

Как тут не вспомнить «животные инстинкты», о которых писал когда-то Дж. М. Кейнс! Такой спад настроений уже сам по себе ведет к спаду в производстве, потребительских расходах и инвестициях.

Уже перечисленных факторов вполне достаточно, чтобы понять, что российская экономика вынуждена была вступить в фазу кризиса производства — впервые с 1999 г. В ноябре 2008 г. падение производства составило 4% к ноябрю 2007 г, причем в промышленности — 9%. Наиболее пострадали (падение производства на 25–50% и более в ноябре 2008 г. по отношению к ноябрю 2007)⁹:

— производства, ориентированные на внешние рынки и их поставщики; к ним относятся в первую очередь металлургия, химическая промышленность и производство удобрений, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность;

— промышленность строительных материалов — как реакция на замедление строительства;

— отдельные виды текстильного и швейного производства и машиностроения — отрасли

¹ Данные Банка России, сайт www.cbr.ru

² Это данные Банка России, и они не включают операции РЕПО и беззалоговые кредиты.

³ Данные Банка России, сайт www.cbr.ru, расчет автора.

⁴ Там же.

⁵ Там же, расчет автора.

⁶ Там же.

⁷ Там же, расчет автора.

⁸ См. графики на сайте www.gks.ru

⁹ Данные Росстата, сайт www.gks.ru

с низкой рентабельностью и низким коэффициентом автономии (т. е. с высокой зависимостью от привлеченных средств) и потому уязвимые для экономических неурядиц.

Падение грузооборота транспорта (на 6% ноябрь 2008 г. к ноябрю 2007, в том числе железнодорожного на 12%)¹ – еще один индикатор падения производства. Наиболее сильно сократились перевозки металлургической продукции и сырья для нее, химической и удобрений, строительных материалов, лесных грузов.

Что приведет к окончанию кризиса? Ясно, что падение рубля рано или поздно прекратится. Во-первых, потому, что курс рубля после 1998 г. всегда был занижен, о чем свидетельствует паритет покупательной способности (ППС), согласно которому курс должен быть 14–15 руб. за 1 долл. Его фактический курс – это отражение недоверия публики к отечественной валюте и политике правительства.

Во-вторых, удорожание импортных товаров (как следствие ослабление рубля) постепенно укрепит сальдо торгового баланса и увеличит приток валюты по счету текущих операций, что будет постепенно укреплять рубль. В январе 2009 г. импорт товаров, по данным газеты «Коммерсант», уже упал на 35%, причем основное сокращение имело место за счет импорта автомобилей, оборудования и электроники.

В-третьих, отток капитала за рубеж имеет свои естественные пределы, так как не все инвесторы – спекулянты. Когда уляжется паника на мировых рынках, они начнут скупать российские активы (акции и облигации компаний), которые подешевели в три и более раз за время кризиса, что сделало их привлекательными объектами для вложений. Какими они и были до 2008 г., причем сейчас они много дешевле.

В-четвертых, перевод рублевых депозитов в валюту также рано или поздно закончится, хотя здесь, как мы видим, пока еще далеко «до финиша». Российская экономика всегда будет предъявлять спрос на национальную валюту хотя бы как на средство обращения.

В-пятых, данный фактор, как отмечалось, усиливается как резким замедлением роста денежной массы, так и (что взаимосвязано) повышением процентных ставок. Последние – индикатор роста спроса на рубли, например ставки MIBID и MIBOR (т. е. ставки, соответственно, спроса и предложения на рублевые кредиты и депозиты на московском межбанковском рын-

ке) с 12 января выросли почти в два раза, равно как и спрэд между ними.

В-шестых, падение мировой экономики рано или поздно прекратится, и цены на российские экспортные товары, и сам объем экспорта стабилизируются. Ясно, что ослабление рубля этому будет также способствовать, так как сделает российские экспортные товары дешевле за рубежом.

Однако восстановление мировой экономики быстрым не будет. Как прогнозирует Международный валютный фонд, развитые страны в 2009 г. будут демонстрировать *отрицательный рост* впервые с времен Второй мировой войны. При этом в США, по мнению экспертов МВФ, рост будет –0,7%, в зоне евро, основном торговом партнере России, –0,5%². Соответственно, будет падать мировой спрос на потребительские товары, особенно длительного пользования, и на инвестиции. Рост мировой торговли сократится в 2009 г. до 2,1%, причем в до –0,1% развитых странах. Цена на нефть в среднем в 2009 г. будет на 32% ниже, чем в среднем за 2008 г., цены других товаров, включая металлы и продовольствие, в среднем на 18% ниже³.

При этом во второй половине 2009 г. возможно восстановление роста мировой экономики, и этому будет способствовать как падение цен на основные товары, так и снижение мировых процентных ставок. Постепенная «расчистка» американского финансового рынка также рано или поздно случится, и экономика США перестанет быть фактором нестабильности для мировых рынков. Соответственно, будут постепенно улучшаться условия и для российской экономики.

В какой степени меры российского правительства способствуют преодолению кризиса? С осени 2008 г. правительство России осуществляет меры по оздоровлению экономики. Часть мер следует признать удачными, другие нет. К первым можно отнести:

- 1) снижение налогов;
- 2) увеличение амортизационной премии;
- 3) снижение экспортной пошлины на нефть и ряд других экспортных товаров, а также налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ);
- 4) рост оборонного заказа и обещание не снижать социальные выплаты;
- 5) облегчение устройства легальных мигрантов;
- 6) поддержка банковской системы.

²³ Данные Росстата, сайт www.gks.ru

² Данные МВФ, сайт www.imf.org

³ Там же.

Снижение налогов даст нашим компаниям дополнительные средства для развития, а большинству — для элементарного выживания в условиях падения спроса и удорожания кредитов. Очень важно, чтобы снижение налогов для малого бизнеса с 15% до 5% от разницы доходов и расходов, которое федеральные власти «предложили» осуществить субъектам федерации, было действительно осуществлено. От малого бизнеса многое зависит в местной экономике, так как во многих муниципальных образованиях он основной плательщик для местных бюджетов, а также дает работу миллионам людей.

Увеличение амортизационной премии даст возможность компаниям, приобретающим оборудование, быстрее списывать на затраты большую часть его стоимости и, следовательно, снижать заявленную прибыль и тем самым налог на прибыль.

Снижение экспортных пошлин повысит прибыльность наших экспортных компаний, что позволит увеличить экспорт России. Это, в свою очередь, увеличит спрос со стороны компаний-экспортеров на продукцию других компаний и будет способствовать подъему российской экономики в целом. Снижение НДС позволит несколько ослабить налоговую нагрузку на нефтяные и газовые компании, это позволит им увеличить производство и инвестиции.

Заявленный рост оборонного заказа и социальных выплат (или хотя бы удержание их на уровне 2008 г. в реальном исчислении, т. е. с учетом инфляции) сдержит то драматическое сокращение совокупного спроса, которое мы наблюдаем последние месяцы. Уже это поможет хотя бы частичной стабилизации экономики России, ее удержанию от еще большего спада.

Заявленные меры по облегчению трудоустройства легальных иммигрантов поддержат российский бизнес, особенно строительную отрасль, которая переживает сейчас нелегкие времена. Иммигранты из бывших союзных республик соглашаются на выполнение тяжелого и неквалифицированного труда за умеренную оплату, и лишают российский бизнес такого источника ресурсов в условиях кризиса — значит усугублять его и без того трудное положение.

Поддержка банковской системы, которую сейчас проводит Банк России, необходима, несмотря на все ее издержки, о которых говорится в данной статье. Кризис банков — куда большее зло, чем инфляция и девальвация. Банки обеспечивают расчеты в экономике, и если они

не смогут выполнять эту функцию в полном объеме, то наступит общий коллапс экономики России.

В то же время налицо и слабости российской экономической политики, отметим наиболее важные.

1. Непрозрачность процедур. Непонятно, кому и в каких объемах выделяются средства финансовой помощи, и как они инвестируются.

2. Создается впечатление, что у властей нет четкого плана действий. По крайней мере, он не заявлен публично.

3. Обратная связь между властью, обществом и бизнесом отсутствует. Решения власти непонятны большинству граждан, и это не способствует столь необходимому в период экономических потрясений доверию между экономическими агентами.

4. Решения принимаются с задержкой, воплощаются в жизнь с еще одной отсрочкой, последствия их выполнения — еще отсрочка. В таких условиях эффективность даже самых правильных решений снижается.

5. Правительство декларировало адресную поддержку отдельных компаний, но эффективность подобных мер не очевидна, не просчитана. Нет никаких гарантий, что выделенные средства пойдут на инвестиции в расширение производства.

6. Кредитование банков осуществляется без привязки этих денег к обязательству кредитовать реальный сектор. Недавняя отмена лимитов средств, которые банк может хранить в другом банке, «развязывает руки» банкам, дает им еще больше возможностей уклоняться от выдачи кредитов нефинансовым компаниям.

Указанные недостатки подрывают доверие к политике властей, что провоцирует пессимизм экономических агентов, их боязнь активных действий. Сегодня мы наблюдаем снижение потребительского спроса, инвестиционных расходов и банковских кредитов. В результате к середине февраля 2009 г. денежная база в России снизилась еще более — до 4330 млрд. руб., т. е. на 20% даже в номинальном исчислении, по сравнению с 1 января 2008 г.¹, что препятствует преодолению кризиса. Промышленное производство в январе 2009 г. упало уже на 16%, по сравнению с уровнем января 2008 г., при этом в секторе обрабатывающих производств — на 24%².

¹ Данные Банка России, сайт www.cbr.ru, расчет автора.

² Данные Росстата, сайт www.gks.ru

Что делать? Кризис при всей его тяжести имеет как минимум один плюс: он заставляет задуматься о допущенных ошибках и служит поводом к структурным реформам, направленным на укрепление экономики страны. Он показал, что экономическая система России весьма уязвима к колебаниям мировой экономики и задача властей и интеллектуальных кругов сделать ее более устойчивой к подобным явлениям. В связи с этим можно предложить ряд мер, которые делаются на текущие и стратегические.

Текущие меры включают следующий перечень.

1. Банку России надо снизить такое масштабное кредитование банков. У них уже достаточно ликвидности, а международные резервы уже уменьшились на 200 млрд. долл., по сравнению с максимумом 2008 г. Банки, испытывающие дефицит рублей, сейчас могут закрыть свои длинные позиции в валюте и использовать накопления в Банке России и банках-корреспондентах.

2. Надо попытаться снизить процентные ставки, а для этого как минимум снизить ставку рефинансирования. Вместе с п. 1 это означает, что следует попытаться вместо большого объема кредитов без обязательств выдавать небольшое количество кредитов с жестким обязательством по направлению этих средств на кредитование нефинансовых компаний. Но банк России, очевидно, не может или не считает нужным осуществлять данные меры.

3. Следует решить, наконец, проблему возврата НДС экспортерам. По закону, государство должно возвращать НДС, уплаченный компаниями-экспортерами своим поставщикам. Но из-за большого объема мошенничеств, связанных с ложным экспортом, налоговые органы всячески оттягивают возврат компаниям этих денег, что лишает их оборотных средств и мешает увеличению экспортных операций. Особенно болезненно это сказывается на сырьевом экспорте, и без того слабом. В условиях ухудшения платежного баланса и падения рубля существование этой застарелой проблемы совершенно недопустимо. Снижение экспорта ослабляет спрос на продукцию российских компаний, причем не только внешний, но и внутренний спрос, так как экспортеры сами покупают чью-то продукцию. В результате российская экономика продолжает находиться в стагнации, а рубль оставаться слабым.

4. Помощь отдельным компаниям и банкам следует оказывать лишь с условием раскрытия информации о компании, снижения дивиден-

дов, зарплат руководства, возможно, продажи непрофильных активов. Деньги налогоплательщиков надо экономить. Помощь богатым компаниям в условиях снижения жизненного уровня большей части населения как минимум должна быть четко и гласно обоснована.

Меры стратегические давно назрели, и кризис как раз отразил их наиболее полно. Рассмотрим их кратко.

1. России следует диверсифицировать свой экспорт, его продуктовую и страновую структуру. Сегодня 2/3 российского экспорта – нефть, нефтепродукты и природный газ. Вместе с металлами, удобрениями и продукцией лесной и целлюлозно-бумажной промышленности это составит 90% всего нашего экспорта¹. 85% российского экспорта идет в страны дальнего зарубежья, из них в Европу (без стран СНГ) – 60%, тогда как в Азию (без СНГ) – 21%, и лишь 1% в Африку, 3% – на американский континент². Географический «перекос» здесь налицо. Ясно, что при такой структуре российский экспорт будет сильно колебаться в зависимости от конъюнктуры пяти-шести рынков, зависеть от темпов роста лишь одной группы стран. Он был бы куда более устойчив, если бы мы экспортировали сотни товаров и услуг на сотни рынков.

2. Нам надо дать реальные налоговые льготы для инвестиций в основной капитал, в том числе путем увеличения амортизационной премии до 50%. Подобные льготы были отменены в 2002 г., затем, начиная с 2006 г., стали постепенно восстанавливаться с помощью введения все большей амортизационной премии. Но этих мер явно недостаточно, если средний возраст оборудования российской промышленности превысил 20 лет, а степень износа достигла почти 50%. Также, если принять во внимание, что в России отношение инвестиций в основной капитал к ВВП колеблется в пределах 16–18%, тогда как в странах ОЭСР этот показатель составляет более 21%, а в Китае около 40%³, стимулы к инвестированию следует усилить, если мы хотим высоких темпов экономического роста и реконструкции экономики.

3. Следует расширить число компаний, которым разрешено работать по упрощенной системе налогообложения. Сейчас основным ограничителем является предельный оборот, который составляет 20 млн. руб. в год, т. е. при-

¹ Данные Росстата, сайт www.gks.ru; данные Банка России, сайт www.cbr.ru, расчет автора.

² Данные Росстата, сайт www.gks.ru, расчет автора.

³ Данные ОЭСР, сайт www.oecd.org

мерно 1,7 млн. руб. в месяц, что оставляет «за бортом» значительное число компаний малого и среднего бизнеса. Для поощрения малого бизнеса путем приобщения его к упрощенной системе следует, на наш взгляд, устранить критерии по обороту и стоимости основных фондов и руководствоваться в первую очередь критерием максимальной численности в 100 чел. наемных работников. Нынешние ограничители препятствуют росту производительности труда и капиталовооруженности малых предприятий. Следует предусмотреть и иные меры поддержки малого бизнеса — снижение арендной платы, помощь в оформлении аренды, приобретении недвижимости и земельных участков на льготных условиях, и здесь роль местных органов власти, как нигде, велика.

4. Необходимо ввести налоговые льготы кооперативам и товариществам, как это имеет место в развитых странах. Так, в США доходы товариществ облагаются как сумма личных доходов их владельцев, т. е. они не подвергаются двойному налогообложению, как корпорации, и не платят налог на прибыль. Кооперативы также имеют налоговые льготы и льготы в сфере антимонопольного регулирования. В России же эти формы бизнеса не имеют никаких льгот, за исключением сельскохозяйственных предприятий, поэтому их доля в нашей экономике ничтожна. А они стоят поощрения, поскольку владельцы товариществ несут неограниченную ответственность, и это повышает их ответственность перед партнерами и кредиторами, чего так не хватает нашему бизнесу. Польза же кооперативов в том, что они объединяют в себе владельцев бизнеса, с одной стороны, и работников (в производственных кооперативах), крестьян (в крестьянских сбытовых кооперативах), покупателей (в потребительских кооперативах) — с другой, снимая тем самым напряженность в отношениях между различными группами общества. Подобные реформы сделали бы наше общество более гибким и адаптивным к кризисам.

5. Российским властям, особенно местным, надо поддержать иностранных инвесторов. Здесь нам стоит поучиться у китайцев: в этой стране чиновники активно содействуют инвесторам в преодолении бюрократических препон, получении виз, разрешений на работу, при аренде и покупке недвижимости. Наши чиновники, судя по сообщениям прессы, обычно предпочитают перекладывать эти проблемы на самих иностранных инвесторов.

6. Часть денег, используемых сегодня для поддержки отдельных компаний, стоит направить на строительство дорог, которое было у нас запущено последние 20 лет, для улучшения другой инфраструктуры, портов в первую очередь. Сегодня густота магистральных дорог в России составляет 1,7 км на 1 тыс. кв. км территории, тогда как в США — 9,7 км, в Республике Корея — 35,6 км. Густота магистральных дорог в России сопоставима с Канадой, там она равна также 1,7 км на 1 тыс. кв. км территории, но в России в 1992–2005 гг. средний темп роста сети дорог составлял всего лишь 0,13% в год. При этом в Канаде эти темпы были равны 0,61% в год, в США — 1,6, в Республике Корея — 7,5, в Турции — 11,8, в Греции и Ирландии — 14% в год¹.

7. Для создания благоприятных условий для бизнеса надо нормализовать и упростить земельные отношения, дать возможность бизнесу и гражданам приобретать земельные участки на льготных условиях. Сейчас земельные отношения в России чрезвычайно запутаны, и у бизнеса нет уверенности в стабильности своего положения, прав собственности, пока не решен земельный вопрос. Сложившееся положение препятствует обороту и залогоу земельных участков, а следовательно, инвестициям в развитие. Кроме того, земля — отличный объект для инвестиций.

8. Успешно и быстро преодолеть кризис наша власть сможет лишь тогда, когда удастся достичь доверия между нею и обществом, осуществлять постоянный контакт с представителями бизнеса, общественными организациями. Здесь, к примеру, поможет закрытие всех налоговых дел более чем трехлетней давности. Подчеркнем, что многие нелепости нашей жизни могут быть устранены с минимальными затратами, если власть будет слушать представителей гражданского общества, не отмахиваться от мнения людей и не считать всех тех, кто критически мыслит и готов вносить предложения, болтунами и демагогами. Обратная связь — условие нормального функционирования любой системы. Значительная часть проблем проистекает из того простого факта, что власть попросту не знает многих аспектов жизни общества и последствий принимаемых ею решений.

9. Нынешний кризис, как и кризис 1998 г., выявил много слабых сторон нашего бизнеса.

¹ Данные OECD Factbook, 2007, сайт www.oecd.org, расчет автора.

Они нередко проистекают из незнания фактов экономической истории, основ экономической и управленческой науки, неверного подбора кадров. Последний нередко происходит, как и ранее, по принципу родства или знакомства, а не по профессиональным данным. То, что уже давно является азами, например, для лучших американских компаний, которые агрессивно

борются за выпускников вузов, для большинства наших предпринимателей все еще не стало нормой. Они по-прежнему убеждены, что кадры должны искать их, а не наоборот. И именно в годы кризиса наш бизнес начинает испытывать недостаток в людях, которые способны принимать стратегические решения в трудных ситуациях.

Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последние дни?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2008, март	2008, июнь	2008, сентябрь	2008, декабрь	2009, март
Прекрасное настроение	12	13	11	8	8
Нормальное, ровное состояние	59	56	57	48	50
Испытываю напряжение, раздражение	23	25	25	35	34
Испытываю страх, тоску	5	4	4	7	6
Затруднились ответить	2	1	3	2	2

N=1600

Как Вы считаете, сможет ли нынешнее правительство России в течение ближайшего года улучшить положение в стране?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2008, март	2008, июнь	2008, сентябрь	2008, декабрь	2009, март
Безусловно, да	8	9	8	6	4
Скорее, да	43	42	45	38	33
Скорее, нет	30	28	29	34	36
Безусловно, нет	6	8	5	9	10
Затруднились ответить	12	14	14	13	17

N=1600

Георгий Сатаров

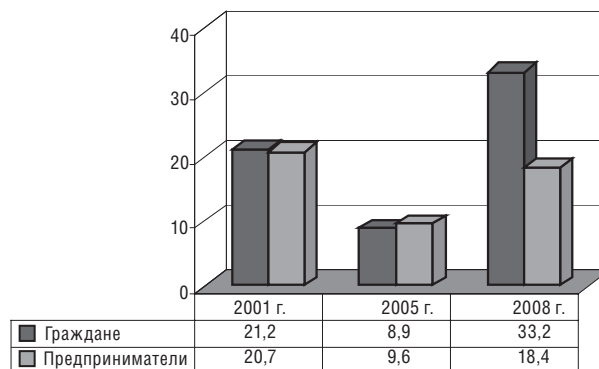
Динамика оценок судебной власти гражданами и предпринимателями

Материал, представленный в данной статье, является небольшим фрагментом работы, заканчиваемой в настоящее время в Фонде ИНДЕМ. Речь идет о большом трехлетнем проекте, посвященном анализу трансформации судебной власти в России¹. Важную часть проекта образует комплекс социологических исследований поля права, в числе которых два опроса на выборках граждан и предпринимателей². Перед обоими опросами ставились две задачи. Первая – изучение практики взаимодействия граждан и предпринимателей с судами. По понятным причинам соответствующие части анкет различались. Вторая задача – анализ диспозиций респондентов в отношении судов и судей. В этой части анкеты были тождественны, что позволяло сравнивать мнения граждан и предпринимателей. В данной статье представлена часть результатов анализа оценки респондентами судов и судей. В нашем исследовании это делалось с помощью табличного вопроса, который формулировался следующим образом: «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях – Вы согласны или не согласны с каждым из этих высказываний?» Респондентам предлагалось выразить степень согласия с утверждениями (их можно увидеть в таблице Приложения), используя три варианта ответов: «Согласен», «Не согласен», «Затрудняюсь ответить». Важно, что этот вопрос задавался гражданам и предприни-

мателям в двух больших исследованиях Фонда ИНДЕМ по коррупции в 2001 и 2005 гг. Это дает возможность оценить динамику оценок судов и судей. Частоты ответов при выражении степени согласия с утверждениями вопроса для трех исследований приведены в таблице Приложения.

Прежде всего, обратим внимание на частоты выбора ответа «Затрудняюсь ответить». Для удобства сравнения, мы вычислили средние частоты выбора этих ответов по девяти суждениям отдельно для граждан и предпринимателей по всем трем опросам в разные годы. Результаты расчетов приведены на диаграмме рисунка 1.

Рисунок 1
СРЕДНИЕ ЧАСТОТЫ ВЫБОРА ОТВЕТА «ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ» ПРИ ОЦЕНКАХ СУЖДЕНИЙ ИЗ ВОПРОСА О СУДЬЯХ И СУДАХ ОТДЕЛЬНО ДЛЯ ГРАЖДАН И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ 2001, 2005 И 2008 ГГ.

Мы видим, что в 2001 и 2005 гг. респонденты выборок граждан и предпринимателей были весьма близки по частоте использования ответов «Затрудняюсь ответить». При этом в 2005 г. респонденты были более категоричны в ответах: средняя частота упала более чем в два раза. В 2008 г. уровень использования уклончивых ответов восстановился у предпринимателей, а у граждан резко возрос и более чем в полтора раза превзошел уровень 2001 г. Такой рост требует объяснения. Трудность оценки может возникать в условиях наличия противоречивой информации. В нашем случае это может быть связано, к примеру, с противоречиями между практикой и информационным фоном.

¹ Проект осуществлялся при поддержке Фонда Форда. Сведения о проекте и его результатах можно найти на сайте Фонда ИНДЕМ по адресу <http://www.indem.ru/russian.asp>.

² Опрос предпринимателей проводился социологическим агентством ВЦИОМ, опрос граждан – ЦЕССИ. Оба опроса проводились в сентябре–октябре 2008 г. Разработка анкет и анализ собранных данных осуществлялись экспертами Фонда ИНДЕМ. Выборка предпринимателей, содержащая после отбраковки 602 респондента, строилась как направленная и квотная с пропорциональным представительством федеральных округов, масштаба и сфер бизнеса. Выборка граждан содержала 2845 респондентов со стандартной репрезентативной по России стратифицированной выборке.

Опрос предпринимателей финансировался Центром международного частного предпринимательства (CIPE) на средства, предоставленные USAID.

Интересно, что различия в частотах выбора ответа «Затрудняюсь ответить» примерно сходны в разные годы на выборах и граждан, и предпринимателей. Наименьшие сомнения респонденты проявляют, когда суждения открыто и недвусмысленно негативны: это суждения 2, 4 и 7. А чаще всего ответ «Затрудняюсь ответить» применяется респондентами при оценке суждений 3, 6 и 9. Это, как представляется, объяснимо: в первом случае предлагается выразить согласие с весьма позитивным в отношении судов утверждением. Во втором случае приходится оценивать утверждение, в котором, по сути, предлагается отнестись и к произволу, и к независимости как причине произвола. В третьем случае дело касается такой тонкой материи, как профессионализм, который в глазах общественного мнения может не зависеть от морали. Однако важно другое: сами по себе анализируемые частоты ответов довольно велики, особенно для граждан в 2008 г., а это затрудняет использование для анализа такого простого индикатора, как частоты выбора ответа «Согласен». Проблему усугубляет тот факт, что для одной и той же выборки от утверждения к утверждению частоты выбора ответа «Затрудняюсь ответить» колеблются в весьма широких пределах — примерно в четыре раза. Поэтому предлагается рассматривать в качестве индикатора поддержки утверждения следующую величину: $V = p(\text{«Согласен»}) /$

$[(p(\text{«Согласен»}) + p(\text{«Не согласен»})]$. Ниже вычисленные таким образом индикаторы степени согласия V с суждениями из вопроса 2 собраны в таблицу 1.

Общая тенденция, которая проглядывает при беглом просмотре данных из таблицы 1, очевидна: степень согласия с утверждениями и у граждан, и у предпринимателей близка в 2001 и 2005 гг., а в 2008 г. происходят изменения, причем они различны по уровню и структуре у граждан и предпринимателей. Это различие настолько существенно и важно, что в нем целесообразно разобраться более тщательно.

Но сначала мы предпримем агрегированное сравнение граждан и предпринимателей в динамике. Для этого мы проделаем две манипуляции. Поскольку среди девяти суждений семь сформулированы в негативном ключе, а два — третье и пятое — в позитивном, сначала значения индикатора V для этих двух суждений изменяются простым преобразованием $100 - x$. Тем самым для двух этих суждений уровень поддержки позитивных суждений превращается в уровень поддержки негативных суждений, отрицающих данные позитивные суждения. В результате значения индикаторов V для всех суждений приобретают одинаковую «ориентацию». После этого значения индикатора V можно усреднять по всем суждениям для ответов респондентов выборки граждан и предприни-

Таблица 1

ЗНАЧЕНИЯ ИНДИКАТОРА СТЕПЕНИ СОГЛАСИЯ С СУЖДЕНИЯМИ (V) В ОПРОСАХ ГРАЖДАН И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В 2001, 2005 И 2008 гг.

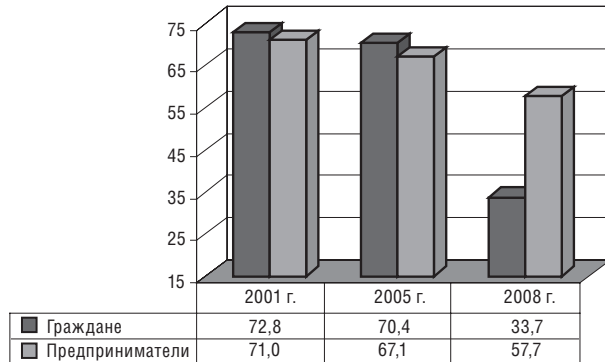
№	Суждения	Граждане			Предприниматели		
		2001	2005	2008	2001	2005	2008
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	55,9	40,1	33,4	61,7	42,9	27,3
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	85,8	88,0	14,0	84,1	84,0	70,7
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	13,8	21,5	51,6	11,2	13,9	20,3
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение	82,4	86,2	19,2	81,9	79,6	73,8
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	21,8	30,7	32,2	22,2	31,9	45,2
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить, что угодно, и совершенно безнаказанно	54,4	60,8	35,6	40,5	47,2	41,3
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	88,1	86,7	10,5	89,2	84,8	79,7
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	86,6	88,1	13,5	76,1	79,5	67,2
9	Судьи слишком неквалифицированы, чтобы грамотно решать дела	37,9	35,6	60,4	38,9	31,4	24,6

мателей по всем трем исследованиям 2001, 2005 и 2008 гг. Результаты этих вычислений представлены ниже на диаграмме рисунка 2.

Рисунок 2
СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ИНДИКАТОРА ПОДДЕРЖКИ НЕГАТИВНЫХ СУЖДЕНИЙ (V) ИЗ ВОПРОСА О СУДЬЯХ И СУДАХ ОТДЕЛЬНО ДЛЯ ГРАЖДАН И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ 2001, 2005 И 2008 ГГ.

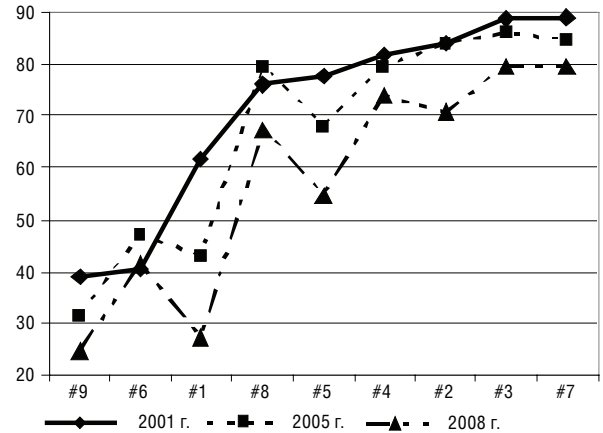
На диаграмме мы видим общую тенденцию постепенного снижения среднего значения ин-

дикатора V, сначала медленно в промежутке с 2001 г. по 2005-й, а затем быстрее в следующем четырехлетии. Причем для граждан последнее снижение много существеннее, чем для бизнеса. По смыслу индикатора V это означает рост позитивной оценки судов и судей, что, конечно, весьма отраднo. Более существенные различия в динамике мы увидим, когда сравним не средние, а сами значения индикаторов V.

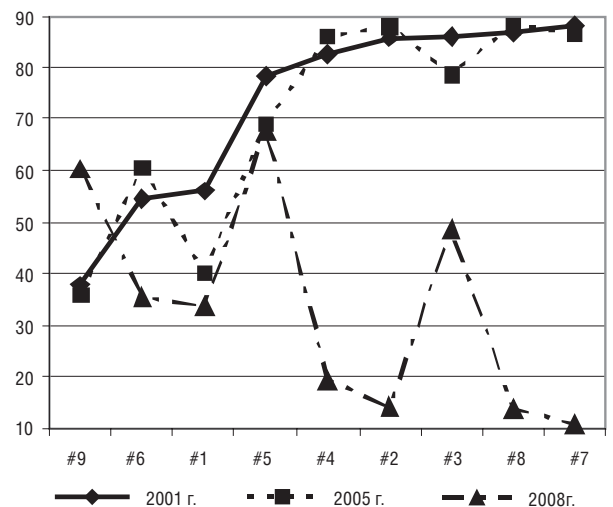
Сначала посмотрим на рисунок 3. На нем представлены значения индикатора V для всех суждений, оценивавшихся предпринимателями по данным трех исследований. Для удобства сравнения суждения упорядочены по возрастанию значения индикатора V. Обратите внимание, как сходны упорядочения значений V по всем трем годам. Мы видим, что респонденты-предприниматели в максимальной степени поддерживают суждения (приводится первая тройка): «2. У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит», «3. Неверно, что: "Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система"» и «7. Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость». Три суждения с наименьшей поддержкой: «1. Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки», «6. У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить, что угодно, и совершенно безнаказанно» и «9. Судьи слишком неквалифицированы, чтобы грамотно решать дела».

Рисунок 3
ЗНАЧЕНИЯ ИНДИКАТОРА ПОДДЕРЖКИ РЕСПОНДЕНТАМИ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ НЕГАТИВНЫХ СУЖДЕНИЙ (V) ИЗ ВОПРОСА О СУДЬЯХ И СУДАХ ОТДЕЛЬНО, ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ 2001, 2005 И 2008 ГГ., (номера суждений упорядочены по возрастанию значений V, по данным 2001 г.)

Теперь рассмотрим такую же диаграмму, построенную по данным выборки граждан. Она представлена на рисунке 4. Мы видим на нем картину, разительно отличающуюся от представленной на рисунке 3. Сходство проявляется в данных 2001 и 2005 гг. При этом почти совпадают наборы суждений, пользующихся наибольшей и наименьшей поддержкой. А вот в 2008 г. совершенно иная тенденция. Попробуем разобраться в ней и в причинах различий. Но перед этим проведем сравнение граждан и предпринимателей.

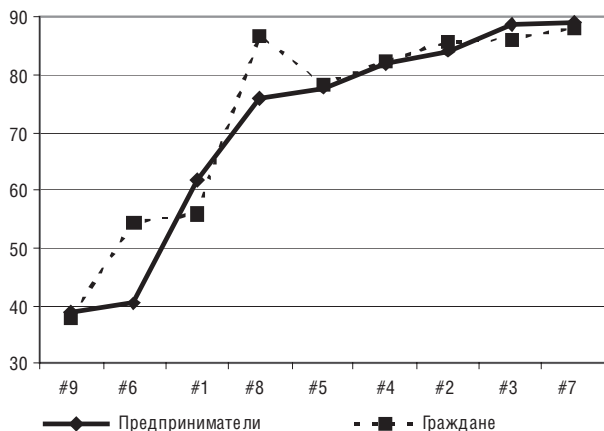
Рисунок 4
ЗНАЧЕНИЯ ИНДИКАТОРА ПОДДЕРЖКИ РЕСПОНДЕНТАМИ-ГРАЖДАНАМИ НЕГАТИВНЫХ СУЖДЕНИЙ (V) ИЗ ВОПРОСА О СУДЬЯХ И СУДАХ ОТДЕЛЬНО ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ 2001, 2005 И 2008 ГГ. (номера суждений упорядочены по возрастанию значений V, по данным 2001 г.)

Диаграмма, подобная представленным выше, располагается на рисунке 5. Она содержит сравнение значений индикатора, V по данным за 2001 г. Мы видим на диаграмме существенное сходство упорядочений оценивавшихся предпринимателями и гражданами суждений по значениям индикатора V. Имеющиеся отклонения вполне понятны. Высказывание 8 — «Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты» больше поддерживают граждане, нежели предприниматели. Это естественно, ибо взятки для предпринимателей — вид издержек, которые могут компенсироваться повышением цены товаров (услуг) или иными способами. У граждан таких возможностей нет, поэтому они более негативно относятся к «неформальным затратам» и оценивают их как более высокие.

Так же объяснимо и другое значимое различие в значениях индикатора V для суждения 6 — «У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить что угодно и совершенно безнаказанно». Обратим внимание на то, что согласие с утверждением 6 одновременно означает выражение негативного отношения к независимости судей. В нашем исследовании это подтверждается анализом правосознания респондентов. Предприниматели в значимо большей степени поддерживают независимость судов и судебных решений. Именно это и объясняет разницу в оценке суждения 6, наблюдаемую нами на рисунке 5. Следует отметить, что проведенный анализ отклонений свидетельствует в пользу consistency ответов респондентов обеих выборок.

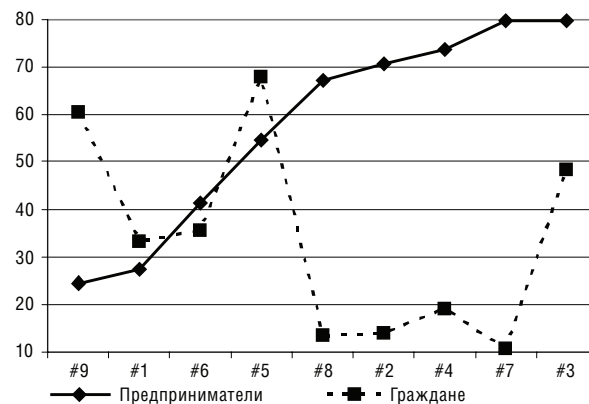
Рисунок 5
ЗНАЧЕНИЯ ИНДИКАТОРА ПОДДЕРЖКИ РЕСПОНДЕНТАМИ - ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ И ГРАЖДАНАМИ - НЕГАТИВНЫХ СУЖДЕНИЙ (V) ИЗ ВОПРОСА О СУДЬЯХ И СУДАХ, ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ 2001 Г. (номера суждений упорядочены по возрастанию значений V, по данным опроса предпринимателей)

Мы не приводим диаграмму, аналогичную представленной на рисунке 5, для данных 2005-го г., поскольку она снова демонстрирует сходство упорядочений значений индикатора V для предпринимателей и граждан. Более того, отклонения в значениях между результатами выборки предпринимателей и граждан точно такие же и для тех же вопросов. Это еще раз подтверждает надежность полученных данных и consistency ответов респондентов.

Тем внимательнее нужно отнестись к результатам 2008-го г., представленным ниже на диаграмме рисунка 6. Разница впечатляющая, как это видно было и на рисунке 4. Она вряд ли объяснима случайными причинами или артефактической природой данных. Следует, например, вспомнить, что мы несколько раз фиксировали структурное сходство компонент правового сознания предпринимателей и граждан.

Рисунок 6
ЗНАЧЕНИЯ ИНДИКАТОРА ПОДДЕРЖКИ РЕСПОНДЕНТАМИ - ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ И ГРАЖДАНАМИ - НЕГАТИВНЫХ СУЖДЕНИЙ (V) ИЗ ВОПРОСА О СУДЬЯХ И СУДАХ, ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ 2008 Г. (номера суждений упорядочены по возрастанию значений V для данных опроса предпринимателей)

Кроме того, мы видим на диаграмме рисунка 6 различную динамику для двух групп суждений. В одну группу входят суждения 8, 2, 4 и 7, а в другую — 9, 1, 6, 5 и 3. Если обратиться к таблице Приложения, то последний ее столбец указывает на явное различие: все оценки суждений из первой группы имеют низкую частоту выбора ответа «Затрудняюсь ответить», а все суждения их второй группы — высокую. Роль ответа «Затрудняюсь ответить» в наблюдаемой нами динамике весьма велика. В случае выборки граждан мы наблюдаем важную и быструю смену установок. Процесс смены установок всегда сопровождается разрушением старой

структуры сознания и формирование новой¹. А это, в свою очередь, затрудняет генерирование суждений, что и приводит к росту частот ответов «Затрудняюсь ответить». При позитивной динамике в отношении качества судов чаще всего должна наблюдаться смена негативной установки на позитивную. Такая смена должна, как мы уже констатировали, приводить к затруднению в генерировании ответов и, следовательно, к повышению частоты использования ответа «Затрудняюсь ответить». Естественно предположить, что смене негативной установки на позитивную может способствовать свежий позитивный опыт взаимодействия с судом. Следуя нашей логике, мы должны наблюдать взаимосвязь следующего вида: среди респондентов с позитивным опытом взаимодействия с судом должны повышаться частота использования ответа «Затрудняюсь ответить». Иными словами, эти респонденты будут затрудняться дать позитивную оценку, пока они не разрешили противоречие между прежней негативной установкой и новым позитивным практическим опытом.

Для поиска частичного подтверждения приведенных соображений мы введем новый индикатор. Воспользуемся тем, что значения индикатора V для данных 2001 и 2005 гг. близки, а потому вычислим их среднее для каждого суждения. Будем рассматривать такие средние в качестве «базового» уровня индикатора V , от-

носительно которого в промежутке с 2005-го по 2008-й г. происходил упомянутый сдвиг. Затем вычтем из этого базового значения значение индикатора V для данных 2008 г. В результате получим величину S , характеризующую сдвиг в оценках респондентов по каждому суждению в сторону позитивных оценок: чем больше значение величины S , тем больше позитивный сдвиг. Фактически введенный индикатор переводит в числовую форму графическую информацию о динамике оценок респондентов, представленную выше на рисунках 3 и 4.

Следующая таблица представляет результаты расчетов величины S для обеих выборок. За единственным исключением суждения 9 для выборки граждан мы видим везде сдвиг в положительную сторону. Причем у граждан он существенно больше, несмотря на негативный вклад суждения 9. Средний сдвиг для предпринимателей равен 12,6, а для граждан – 36,7.

Теперь вернемся к выборке граждан и сопоставим значения индикатора сдвига S с частотами выбора ответа «Затрудняюсь ответить» по данным 2008 г. (последний столбец таблицы Приложения). Сразу бросается в глаза, что есть зависимость между этой частотой и значениями индикатора сдвига. На следующем рисунке мы графически представляем эту зависимость. Мы видим на приведенной диаграмме рассеяния отчетливую отрицательную статистическую

Таблица 2

ЗНАЧЕНИЕ ИНДИКАТОРА ПОЗИТИВНОГО СДВИГА ОЦЕНОК РЕСПОНДЕНТАМИ (S) СУЖДЕНИЙ ВОПРОСА О СУДАХ И СУДЬЯХ В ОПРОСАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И ГРАЖДАН (по данным 2008 г.)

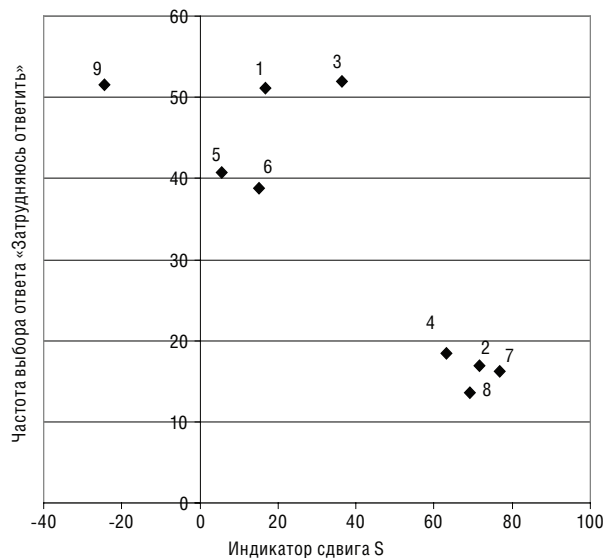
№	Суждения	Бизнес	Граждане
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	22,9	16,8
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	14,8	71,5
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	5,2	36,5
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение	8,7	63,3
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	18,6	5,5
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить, что угодно, и совершенно безнаказанно	9,4	15,2
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	7,5	76,7
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	15,3	69,0
9	Судьи слишком неквалифицированы, чтобы грамотно решать дела	11,3	-24,4

¹ Термин «сознание» использован здесь в том смысле, который придан ему в статье: Сатаров Г.А. Общественное мнение и общественное сознание: реальность и миф // Общественные науки и современность. 2007. № 4.

зависимость: чем больше сдвиг в положительную сторону, тем меньше частота использования ответа «Затрудняюсь ответить». Коэффициент ранговой корреляции Спирмена в данном случае равен $-0,733$ при доверительной вероятности $0,025$. Установленная зависимость является одним из возможных подтверждений приведенных выше соображений.

Рисунок 7

ДИАГРАММА РАССЕЯНИЯ ТОЧЕК-СУЖДЕНИЙ ИЗ ВОПРОСА О СУДАХ И СУДЬЯХ, ОПИСЫВАЕМЫХ ДЛЯ КАЖДОГО СУЖДЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯМИ ИНДИКАТОРА СДВИГА S (ОСЬ X) И ЧАСТОТой ВЫБОРА ОТВЕТА «ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ» (ОСЬ Y) (точки помечены номерами соответствующих суждений)

Новую пищу для осмысления полученных эмпирических закономерностей нам может дать анализ типологии «Качество правосудия», построенной по оценкам суждений по следующей методике. Для этого мы сконструируем новую вспомогательную числовую переменную «Качество правосудия» следующим образом. Оценки респондентов суждений при ответах на вопрос «Как бы Вы оценили следующие высказывания о судебной системе, о наших судьях?» перекодируются в дихотомическую форму; 1 – положительный ответ, 0 – все остальные ответы. Затем полученная матрица данных анализируется методом главных компонент. Первая главная компонента оказывается именно той, которая различает респондентов по их одобрению или неодобрению судебной власти, что подтверждается последующей проверкой на валидность. После этого определялись квартильные интервалы полученной числовой переменной, а респонденты распределялись по четырем классам новой типологии в зависимости от того, в какой

квартильный интервал попадало приписанное каждому из них значение числовой переменной «Качество правосудия». Ниже переменная «Качество правосудия» будет трактоваться как классификационная переменная, состоящая из четырех классов, каждый из которых образован своим квартильным интервалом. Для этой переменной осуществлялся анализ таблиц сопряженности с другими переменными, использованными в нашем исследовании. Ниже приводится краткое описание полученных результатов. При анализе таблиц сопряженности рассматривались как значимые только те зависимости, для которых доверительная вероятность была не выше $0,01$.

Есть основания предполагать, что в случае выборки предпринимателей мы сталкиваемся с явлением снятия когнитивного диссонанса в группе респондентов-предпринимателей, дающих низкую оценку судам. Анализ таблиц сопряженности показал, как в единый комплекс попадают, с одной стороны, низкое законопослушание с приверженностью практике использование неформальных методов для решения своих проблем, а с другой стороны, упомянутая низкая оценка судов вкупе с недоверием любым институтам и утверждением, что себе подобные готовы давать взятки в судах. Гипотеза об оправдании собственного асоциального поведения просто напрашивается сама собой.

Интересно, что оценка качества судов предпринимателями не зависит ни от параметров практики, включая успешность этой практики и оценку судебного процесса, ни от интереса к информации о судах, ни от предпочитаемых источников этой информации о работе судов.

Анализ таблиц сопряженности для выборки граждан дал более богатый результат. Граждане, высоко оценивающие качество судебной власти, проявляют поддержку позитивистской концепции права вкупе с высоким законопослушанием и доверием любым институтам. У респондентов, низко оценивающих качество судов, среди и предпринимателей, и граждан существенной общей чертой является низкое законопослушание.

Есть основания полагать, что диспозиции предпринимателей и их практика слабо влияют друг на друга. Частично это является следствием того, что суды для предпринимателей – такая же необходимая часть их жизни и бизнеса, как клиенты или поставщики. Другая возможная причина, вытекающая из первой, состоит в том, что постоянство практики взаимодействия с судом, имеющей, по сравнению с гражданами,

более почтенную историю, уже сформировало устойчивую систему диспозиций, подверженную лишь постепенным эволюционным изменениям. Этот факт подтверждается характером динамики оценок суждений из вопроса о судах и судьях, подтверждаемой диаграммами рисунков 2 и 3. Мы видим на них постепенный рост позитивного отношения к судам без резких структурных изменений.

Иное дело – различия между аналогичными группами респондентов-граждан, позитивно или негативно оценивающих качество судебной власти. Тут мы обнаруживаем разительное различие в практике. Для группы с положительной оценкой качества суда характерно отсутствие судебного опыта и сформированных стратегий защиты своих интересов. Это дополняется высокой готовностью обращаться в суд, определяемой доверием ко всем институтам или судам, т. е. носящей скорее идеологический, а не практический характер. Их антиподы, прописанные более подробно, совершенно противоположны в той же части палитры переменных. С одной стороны, в этой группе повышено представительство респондентов, имеющих опыт неоднократного участия в судебных процессах и попадания в ситуации, требующие судебной защиты своих прав и интересов. Вместе с тем они негативно оценивают ход своего последнего судебного процесса; у них отсутствует готовность впредь обращаться в суд; в число их стратегий защиты своих интересов не попадают легальные методы, вместо этого они справляются с проблемами сами или обращаются к авторитетным людям. При таком анамнезе у нас есть веские основания предполагать, что негативная установка респондентов-граждан в отношении качества судов в существенной степени определяется личным опытом взаимодействия с судами.

Теперь попробуем проанализировать, как такие результаты корреспондируются с позитивной динамикой оценок качества суда, если единственная зафиксированная взаимосвязь с практикой взаимодействия с судами – это взаимосвязь с негативной оценкой качества суда. Рассмотрим следующую схему. Мы имеем дело с респондентами, которые сталкиваются с судом, в результате чего они оценивают результат взаимодействия либо положительно, либо отрицательно. До взаимодействия с судом респонденты могли иметь либо позитивную установку в отношении качества суда, либо отрицательную. После взаимодействия с судом они отвечают на вопрос анкеты (условный, обобщенный) об их оценке качества судов, имея возможность

выбрать три варианта ответа: положительная оценка, отрицательная оценка и «Затрудняюсь ответить». Мы можем, опираясь на полученные данные, представить себе схему генерации ответа, представленную в следующей таблице.

Таблица 3
СХЕМА ГЕНЕРАЦИИ ОТВЕТОВ (затенены клетки наиболее вероятных ответов)

		Положительная		Отрицательная	
		+	-	+	-
Ответ на вопрос	Предустановка				
	Опыт				
	Положительная оценка				
	Отрицательная оценка				
	Затрудняюсь ответить				

Мы не можем достаточно надежно верифицировать предложенную схему генерации ответов, поскольку не располагаем сведениями о предустановке конкретных респондентов, но в состоянии привести косвенные соображения в ее обоснование.

Во-первых, мы установили, что положительная оценка качества суда определяется группой респондентов, не имеющих опыта столкновения с судом и являющихся носителями определенного комплекса диспозиций, определяющегося априорным доверием к власти и к судам. Мы полагаем, что эта группа не определяет динамику оценок качества судов. Во-вторых, понятно, что есть группа респондентов, имеющих опыт взаимодействия с судами и дающих положительную оценку качеству судов. Мы не обнаружили зависимости от качества опыта потому, что оно не влияет на оценки таких респондентов или влияет в малой степени, за границей статистической достоверности. Мы объясняем это наличием позитивной предустановки. Именно поэтому в таблице 3 мы предполагаем наиболее вероятным положительный ответ независимо от качества последнего опыта. В-третьих, представляется крайне вероятным, что отрицательная предустановка, подкрепленная отрицательным опытом, порождает отрицательный ответ при оценке качества судов. И, наконец, в-четвертых, мы ожидаем ответ «Затрудняюсь ответить», когда отрицательная предустановка вступает в противоречие с положительным опытом. При такой схеме направление динамики зависит от соотношения реакций респондентов на свой опыт. Но, как показывают результаты расчетов,

оценки последнего опыта имеют положительный баланс. Например, в вопросе о ходе последнего процесса, в котором участвовали респонденты, соотношение согласных и несогласных со следующими утверждениями таковы: «Решение судьбы было справедливым» – 60:17; «Моя проблема была решена полностью» – 52:25; «Я доволен судебным решением» – 54:22. Мы видим явный баланс в сторону позитивных оценок хода и результата процесса, что, как можно предположить, и определяет динамику отношения к судам у граждан. Но если мы наблюдаем революционное улучшение оценок качества судов и если эти оценки, как мы видим, связаны с практикой граждан, то мы вправе предполагать, что наблюдаемая динамика диспозиций граждан частично определяется сужением во времени негативного опыта взаимодействия граждан с судами и расширением позитивного. Дополнительный аргумент дают результаты анализа данных выборки предпринимателей. Там мы тоже наблюдаем положительный баланс в поль-

зу утвердительных ответов при оценке тех же самых утверждений. Но этот баланс не столь контрастный, что, возможно, и определяет эволюционное изменение оценок предпринимателей. Однако эти предположения могут быть проверены только повторными социологическими измерениями.

Итак, мы наблюдаем общий положительный сдвиг в оценках судебной власти гражданами и предпринимателями в интервале с 2001 по 2008 г. У предпринимателей он носит эволюционный характер, а у граждан – взрывной, относящийся к последним нескольким годам. Этот сдвиг не может быть отнесен на счет влияния СМИ, но объясняется влиянием личного опыта респондентов. Наш анализ показывает, что число положительных оценок личного опыта взаимодействия с судами существенно превосходит число негативных, причем у граждан это выражено гораздо более контрастно, что, видимо, и объясняет различия в характере выявленной динамики диспозиций.

Приложение

ЧАСТОТЫ ОТВЕТОВ ПРИ ОЦЕНКЕ СУЖДЕНИЙ О СУДАХ И СУДЬЯХ ИЗ ВОПРОСА АНКЕТ В ОПРОСАХ ГРАЖДАН И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В 2001, 2005 И 2008 ГГ. (С – «Согласен», Н – «Не согласен», З/О – «Затрудняюсь ответить»); в % от числа опрошенных)

№	Суждения	2001 г.			2005 г.			2008 г.		
		С	Н	З/О	С	Н	З/О	С	Н	З/О
	<i>Граждане</i>									
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	46,0	36,3	17,1	37,6	56,1	6,3	16,3	32,5	51,2
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	75,0	12,4	12,2	84,3	11,5	4,2	11,6	71,5	16,9
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	10,1	63,3	26,2	18,9	69,2	11,9	24,8	23,3	51,9
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение	64,8	13,8	21,0	79,0	12,7	8,3	15,7	65,9	18,4
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	17,1	61,2	21,4	28,0	63,1	8,9	19,1	40,2	40,7
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить, что угодно, и совершенно безнаказанно	39,2	32,8	27,6	52,8	34,1	13,2	21,8	39,5	38,8
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	78,6	10,6	10,4	83,6	12,8	3,6	8,8	75,0	16,2
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	72,2	11,2	16,3	82,7	11,2	6,1	11,7	74,7	13,6
9	Судьи слишком неквалифицированы, чтобы грамотно решать дела	23,2	38,0	38,5	29,4	53,1	17,5	29,3	19,2	51,5
	<i>Предприниматели</i>									
1	Судьи плохо защищены, получают небольшую зарплату, поэтому некоторые из них начинают брать взятки	51,9	32,2	15,9	41,3	54,9	3,9	23,4	62,3	14,3
2	У нас в судах часто выигрывает дело тот, кто больше заплатит	71,2	13,5	15,2	78,1	14,9	7,1	58,6	24,3	17,1
3	Наконец-то у нас есть независимые суды и нормальная судебная система	8,6	68,5	22,8	12,4	77,0	10,6	16,6	65,3	18,1
4	Очень часто какой-нибудь начальник может побудить судью принять нужное решение	65,4	14,5	20,0	70,4	18,0	11,7	59,5	21,1	19,4
5	Теперь гражданин может прийти в суд и защитить свои права, найти справедливость	17,5	61,5	21,0	28,5	60,8	10,7	36,5	44,2	19,3
6	У нас судьи обладают такой неприкосновенностью, что они могут творить, что угодно, и совершенно безнаказанно	29,1	42,7	28,2	41,3	46,2	12,5	31,6	44,9	23,6
7	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку не рассчитывают найти там справедливость	80,5	9,7	9,7	81,2	14,6	4,3	72,3	18,4	9,3
8	Многие не хотят обращаться в суд, поскольку слишком дороги неофициальные затраты	60,1	18,9	21,0	72,2	18,6	9,1	54,8	26,7	18,4
9	Судьи слишком неквалифицированы, чтобы грамотно решать дела	26,1	41,0	32,9	26,3	57,4	16,3	18,3	56,0	25,7

Понимание процессов функционирования современных обществ невозможно без понимания процессов социальной мобильности — это мнение Сеймура Липсета, одного из наиболее авторитетных политических социологов XX в. Механизмы социальной мобильности не только обеспечивают запас прочности, особенно важный в кризисных ситуациях, но и определяют возможности и направления институциональной и структурной модернизации общества. Они аккумулируют импульсы будущего развития, мотивационный потенциал перемен, задавая вектор дальнейшего социального движения. Анализ мобильности позволяет судить не только о текущем состоянии общества, но и его перспективах.

В советском обществе каналы вертикальной мобильности всегда находились под жестким бюрократическим контролем. Допуская некоторую свободу движения на начальных стадиях карьеры, система контроля становилась тем строже, чем ближе «карьерист» подвигался к высокостатусным позициям. При этом отсутствовали внутренние механизмы селекции и гратификации: продвижение определялось решением «вышестоящих и контролирующих инстанций». Для обеспечения социального движения требовалось внешнее напряжение ситуации кризиса, слома, перетасовывавшие высокостатусные группы и освобождавшие места для новых выдвиженцев. В этом смысле репрессии являлись необходимым, ключевым, элементом функционирования всей системы мобильности в целом: без них система оказалась бы неработоспособной. Смягчение режима — отказ от регулярного физического уничтожения элит — привело к резкому снижению скорости движения социальных лифтов. Безликое словечко «застой» очень точно обозначает не только (а может быть, не столько) замедление темпов экономического роста, сколько практически полную склеротизацию каналов вертикальной мобильности. Данные, иллюстрирующие сказанное, приведены в таблице 1¹. В советском

¹ По данным исследования «Социальные перемены в России. Элита». Исследование было проведено осенью 1993 г. нынешним коллективом Левада-Центра. Состоялось 1812 интервью с деятелями государствен-

обществе сталинского образца длина карьеры до занятия первой номенклатурной должности составляла в среднем восемь лет, с окончанием репрессий скорость продвижения вверх резко упала. На первых этапах некоторый импульс движения задавался заменой «сталинских соколов» на новых функционеров, однако к середине 70-х гг. данные фиксируют серьезные сбои в работе механизмов восходящей мобильности: длина номенклатурной карьеры выросла почти в 3 раза. Потенциальный карьерист мог надеяться занять вождельный пост лишь накануне наступления пенсионного возраста.

Таблица 1
ДЛИНА КАРЬЕРЫ ДО ЗАНЯТИЯ ПЕРВОЙ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ПОЗИЦИИ

Период	Среднее число лет до занятия первой номенклатурной должности
до 1953	8
1954–1961	9
1962–1968	11
1969–1973	14
1974–1984	18
1985–1988	23
1989–1991	22

К середине 70-х гг., помимо замедления собственно темпов восходящей мобильности, сократилась вариативность карьер: появился некий пропускной пункт, через который надо было обязательно пройти, чтобы быть допущенным к высокостатусным позициям. Роль этой «точки входа» в большую карьеру играла должность руководителя среднего звена: только в этой позиции потенциальный карьерист становился виден системе и мог быть отобран для дальнейшего продвижения. В таблице 2 приведены данные о стартовых и предноменклатурных позициях респондентов, занимавших номенклатурные посты в советское время².

ния, науки и культуры СССР, занимавшими номенклатурные должности в 1988 г., а также с представителями российской элиты, занимавшими должности, сопоставимые с номенклатурными, в 1993 г.

² По данным исследования «Социальные перемены в России. Элита».

Таблица 2

ВЕРОЯТНОСТЬ ПОПАДАНИЯ В НОМЕНКЛАТУРУ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (в % по столбцу, приведены только анализируемые позиции из списка занятий)

Род деятельности	Респонденты, занимавшие данную позицию в начале карьеры	Респонденты, занимавшие данную позицию перед получением первой номенклатурной должности
Руководитель среднего звена	8	46
Партработники и работники массовых организаций на не номенклатурных должностях	1	13
Специалист без подчиненных	41	25
Рабочий	31	3

Хотя примерно треть советских номенклатурщиков начинали свою трудовую биографию как рабочие, шансов попасть в элиту непосредственно «из рабочих» практически не было. 3% «элитных рабочих» — это те парадные стахановцы и ткачи, которые, заняв выборные должности в Советах высокого уровня, украшали президиумы больших съездов. Возможность отбора специалистов в высокостатусные группы существовала, причем динамика их мобильности достаточно точно отражает все перипетии «романа» власти и интеллигенции (см. табл. 3).

Доля тех, кто пришел на номенклатурные позиции непосредственно «из специалистов» росла вплоть до начала 70-х гг., оказавшихся переломными, — приток специалистов на номенклатурные должности упал и больше не повышался вплоть до конца советского режима. В то же время росли шансы на занятие номенклатурной должности для руководителей среднего звена. Если в 1954–1961 гг. доля пришедших в высокостатусные группы из «партхозактива» составляла 23% — меньше, чем доля специалистов, то к 1974 г. эта цифра выросла до 50%. В 1985–1988 гг. 57% тех, кто вошел в номенклатуру, вошел в нее через должность руководителя среднего звена. Система больше не нуждалась

лифт наверх, попасть в который можно было только через должность руководителя среднего звена. При этом сама скорость подъема все более замедлялась. Общество становилось все более закрытым, социальные перегородки — точнее, перегородка, отделявшая общество от номенклатуры, — все более непроницаемыми.

Высокая скорость, можно сказать, стремительность, карьерного подъема в сталинский период развития советского общества часто интерпретируется как признак легкости достижения высоких статусов для человека «из низов», массовой восходящей мобильности¹. Однако стремительность продвижения по каналам мобильности отнюдь не тождественна высокой мобильности. При анализе социальной мобильности необходимо учитывать множество параметров: сколько каналов подъема существует и какова их природа, какие фильтры стоят на входах в социальные лифты и кого они отсекают, легко ли возникают новые «пути наверх», какими способами они конституируются, как устроена система гратификации. Представьте, что существует одна-единственная тропинка, ведущая на вершину горы. С какой бы скоростью по ней ни бежали, много поднимающихся привести на вершину она не сможет. К тому же

Таблица 3

ВЕРОЯТНОСТЬ ПОПАДАНИЯ В НОМЕНКЛАТУРУ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ (% рассчитан по столбцу, приведены только две сравниваемые позиции из списка занятий)

Должность, занимаемая непосредственно перед вступлением в номенклатурную	Год занятия первой номенклатурной должности				
	54–61	62–68	69–73	74–84	85–88
Специалист без подчиненных	26	30	31	24	17
Руководитель среднего звена	23	38	35	50	57

в «человеке со стороны». Вертикальная мобильность в советском обществе окончательно обрела характер медленного продвижения по строго выверенным ступенькам карьерной лестницы. Фактически существовал единственный

³ Такая точка зрения разделяется многими социальными историками. Например, она была совсем недавно высказана докторами исторических наук И. Орловым и А. Лившиным в очень интересной передаче «Советская повседневность и массовое сознание в 20–30 годы», прозвучавшей на радио «Эхо Москвы»: <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/566469-echo/>

размеры самой вершины ограничены, довольно скоро возникнет затор (если только не начать тем или иным способом избавляться от уже добежавших). Совсем другая ситуация, если тропинок много, ведут они на разные вершины, у социальных акторов есть возможность прокладывать новые дорожки и открывать новые горные хребты. Даже если скорость подъема будет ниже, возникает система, обеспечивающая многим «карьеристам» высокие шансы добраться до одной из существующих вершин или создать свою, новую, которая в дальнейшем, возможно, будет расцениваться как желаемый, социально значимый статус.

Становление тоталитарной системы в России привело к тому, что любая карьера — инженера, ученого, писателя, не говоря уже о «начальниках» — не могла реализоваться вне поля государственного влияния и контроля. В стране, более 80% населения которой на момент начала советской истории составляло крестьянство, были перекрыты все каналы восходящей мобильности, связанные с самозанятостью, развитием и умножением собственности. Оставался фактически единственный путь наверх — государственно-бюрократическая карьера. В какой мере она была доступна для «неразвитой крестьянской массы, обремененной мелкобуржуазными предрассудками»? Обратимся к данным исследования, проведенного коллективом Левада-Центра в 1993 г.¹ Респондентов подробно спрашивали о деталях трудовой биографии — должностях, которые они занимали, времени, когда это произошло, населенных пунктах, где они тогда жили. Для кодирования профессий использовался кодификатор ISCO-88, адаптированный для условий российского рынка труда. Кодирование производилось непосредственно в региональных отделениях, проводивших опрос.

Полученные данные позволяют сравнить карьерные достижения респондентов, трудовые биографии которых реализовывались в различные периоды советской истории. На рисунке 1 визуализированы формальные показатели успеха в разных поколениях — доли респондентов, ставших руководителями к моменту достижения выделенных контрольных возрастов. Группировка осуществлялась по времени начала трудовой биографии. В качестве «руководителей» рассматривались те респонденты, которые

занимали должность, входящую в первый фасет кодификатора — «Законодатели, крупные чиновники, управляющие, директора, руководители подразделений на крупных предприятиях».

Траектории карьер различных когорт имеют в основном схожую форму: самые высокие темпы карьерного роста приходится на возраст 26—35 лет, далее вероятность возможного продвижения по карьерной лестнице снижается. Однако есть заметные различия в уровне достигнутого. Наиболее успешной выглядит карьера поколения, вступившего в трудовую жизнь в период с 1954 по 1961 гг. Именно в этой когорте доля тех, кто сумел войти в страту руководителей, максимальна. К 35 годам представители «поколения XX съезда» существенно опережали своих ровесников в других анализируемых группах по числу «руководителей» и далее только увеличивали преимущество.

Поколения, начавшие трудовую биографию в 1962—1984 гг., имеют (с учетом неполного достижения контрольных возрастов) практически совпадающие «траектории успеха», хотя в каждой следующей анализируемой группе заметно некоторое отставание.

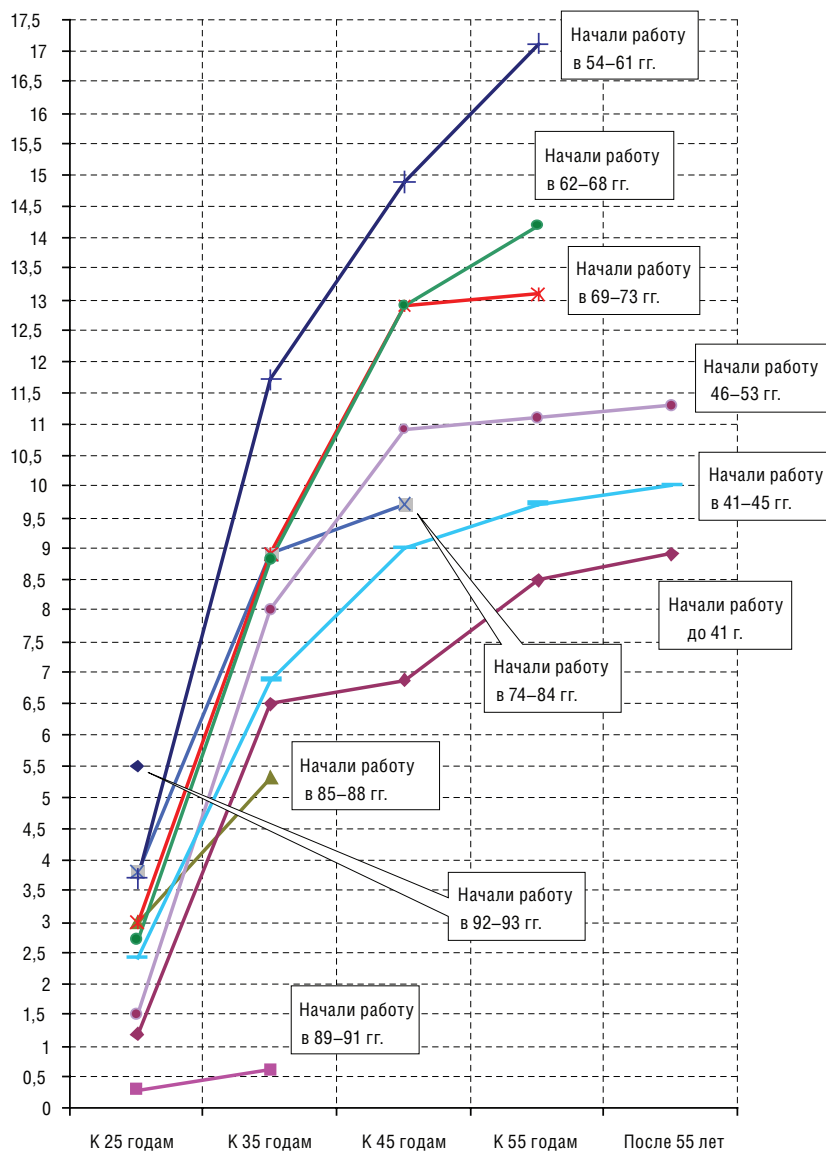
Несколько различаются стартовые позиции когорт. Шанс занять руководящую должность в возрасте до 25 лет был максимально высоким у респондентов, начавших трудовую биографию во времена гайдаровских реформ. Это самый успешный страт среди всех анализируемых групп (к сожалению, данные не позволяют проследить дальнейшую судьбу «реформенного» поколения, поскольку исследование было проведено в 1993 г.). Провалившимися кажутся карьеры тех молодых, кто начал трудовую деятельность в период перестройки, в 1989—1991 гг. Это было время «вторых эшелонов» — тех, кто уже достиг достаточно высоких позиций и ожидал, когда же наконец освободится долгожданное место. Однако следует помнить, что на момент опроса не все респонденты достигли контрольных возрастов, поэтому доля руководителей в рассматриваемой группе в конечном итоге может оказаться выше.

В поколениях, начавших свою трудовую карьеру в сталинский период советской истории, формальные показатели успеха самые низкие. Так, в группе, начавшей работать до войны, доля респондентов, когда-либо в своей жизни занимавших руководящие позиции, составляет к 55 годам (практически к пенсионному возрасту) чуть менее 9%. В поколениях, приступивших к работе в годы войны или в последние годы сталинского режима, этот показатель не-

¹ «Социальные перемены в России. Население». Исследование проведено в июне 1993 г. по репрезентативной российской выборке. Опрошено 5002 человека в возрасте от 16 до 89 лет.

Рисунок 1

ДОЛЯ ЗАНЯВШИХ ДОЛЖНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ К ОПРЕДЕЛЕННОМУ ВОЗРАСТУ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВРЕМЕНИ НАЧАЛА ТРУДОВОЙ БИОГРАФИИ

сколько выше, однако уступает аналогичному индикатору в других возрастных когортах. Иными словами, у нас нет оснований говорить о сталинском времени как периоде особой легкости достижения высоких статусов рядовыми социальными акторами, эпохе, когда перед «простым народом» были открыты все двери. Напротив, именно в это время вероятность карьерного успеха для большинства населения была ниже, чем в другие периоды советской истории. Скорость движения по номенклатурным каналам, действительно, была максимально высокой, но это не синоним массовой восходящей мобильности. И дело не только в количественных показателях достигнутого. Воспользуемся методами «мягкой» социологии,

которые позволяют интерпретировать данные опроса как биографические интервью, и восстановим, насколько это возможно, индивидуальные карьеры и достигнутые статусы отдельных респондентов.

В выборке насчитывается 244 респондента, начавших работу до 1941 г., из них 21 человек занимал руководящие позиции. Восстановленные биографии некоторых опрошенных приведены в конце статьи. Респонденты родились в 1912–1923 гг. Начали работу в среднем в 17 лет (медиана практически совпадает со средним). Четверо имеют высшее образование, при этом только один респондент (Р6) закончила дневной институт в непрерывном цикле, получив специальность врача, после чего приступила

к работе. В остальных случаях высшее образование было либо ускоренным, либо прерывалось. Так, респондент Р15, проучившись три года в институте, получил специальность преподавателя и начал работу. Позже, будучи призван на срочную службу, четыре года отучился в академии. Респондент Р17, проучившись в институте три года, начал работать инженером, а через два года продолжил свое образование в форме вечернего обучения. Респондент Р21 закончил академию уже будучи офицером, пройдя войну и службу за границей. Для большинства опрошенных этой группы полученное образование сводится к школе-семилетке плюс различные профессиональные курсы. Некоторые респонденты доучивались уже в зрелом возрасте без отрыва от работы.

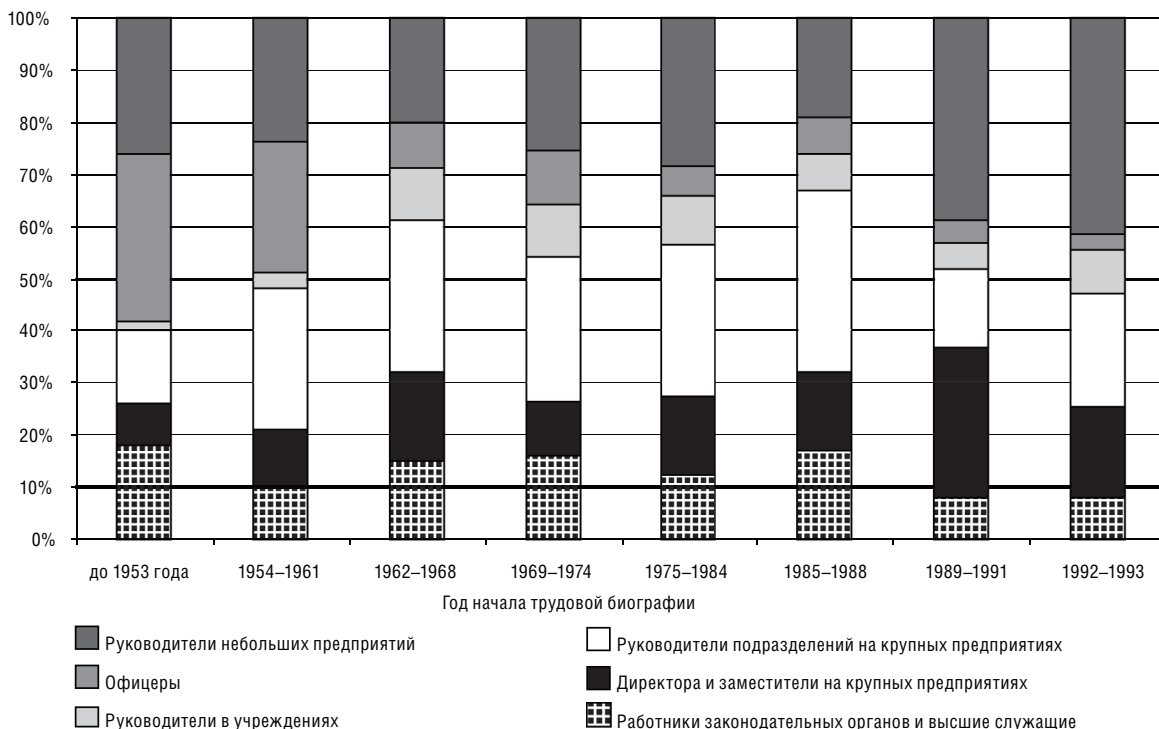
Основным каналом восходящей мобильности для первых советских поколений являлась армия (см. рис. 2). Отметим, что армия выступала не только как собственно профессия и карьера (см. биографии респондентов Р2, Р14, Р21), но являлась трамплином для продвижения в гражданской жизни после демобилизации. Так, респондент Р8 в 1941 г. был призван в армию, демобилизован в 1945. Вернулся в тот же сельский район, откуда был призван, и вскоре занял должность «руководитель производства в области сельского хозяйства» (эта формула, скорее

всего, означает «председатель колхоза»). Членом партии не был. Другой респондент (Р9) был призван в армию в 1934 г. из Ростова-на-Дону, где он работал электромехаником. Через четыре года, оставаясь в армии, вступил в партию. В 1941 г. стал членом партийного бюро, занимал пост до 1960 г., когда демобилизовался и начал работу в местном совете в маленьком городе (менее 10 тыс. жителей) в Новосибирской области. Далее – председатель колхоза, затем работник райкома в той же Новосибирской области.

Служба в армии позволяла «детям врагов народа», получив статус красноармейца, добиться другого типа отношений с властью, открывала перед ними возможность карьеры. Респондент Р14, отец которого был репрессирован, работал бухгалтером-счетоводом в селе в Кемеровской области. В 1941 г. был призван в армию, в 1944 г. закончил одногодичное военное учебное заведение в Москве, где затем проходил всю дальнейшую службу. Вышел в отставку в 1971 г., принадлежа к «высшему офицерскому составу».

При анализе мобильности советских поколений сталинского времени трудно избавиться от ощущения, что к классическим осям анализа – собственность, власть, престиж – следует добавить еще одну: сохранение жизни. Можно назвать мобильность этих поколений «мобильностью выживания», когда целью и смыслом

Рисунок 2
СООТНОШЕНИЕ ЗАНИМАЕМЫХ РУКОВОДЯЩИХ ПОЗИЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ КОГОРТАХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВРЕМЕНИ НАЧАЛА ТРУДОВОЙ БИОГРАФИИ

достижения становится не более высокое положение в общественной иерархии, а сохранение жизни; статусом, к которому стремятся, — статус живого, живущего. Дело не только (или не столько) в многочисленных войнах, выпавших на долю этих поколений. Система регулярно продуцировала условия, которые до основания разрушали все накопленные социальными акторами ресурсы и проблематизировали саму возможность выживания. Сталинский режим умел и в недолгие «мирные» годы создавать такие обстоятельства жизни, что простое физическое выживание следует рассматривать как удачу, в некотором смысле — успешную мобильность.

Обратимся к биографии одного из респондентов (P1). Она родилась в 1921 г. в селе, недалеко от Ленинграда. У родителей была земля, по словам респондента, надел среднего размера, и дом. Семья прошла через конфискацию имущества. Респондент получила типовое образование: она закончила школу-семилетку плюс ПТУ, где приобрела профессию «изготовитель обуви и других изделий из кожи». В 1938 г. P1 приступила к работе в Ленинграде, где снимала даже не комнату — угол, с 1942 г. — на военной службе, службу проходила в блокадном Ленинграде. В 1945 г., демобилизовавшись, начала работать продавцом. В 1953 г. заняла должность «руководитель в торговле» — наиболее вероятно, стала директором магазина. В 1975 г. получила квартиру. В 1979 вышла на пенсию. В том же году попыталась работать «подручным, уборщиком в учреждениях», но проработала меньше года. В партии не состояла.

В биографии респондента P1 «успехов выживания» было несколько: переход из социальной категории «раскулаченные» в категорию «рабочие», переезд из голодной деревни в крупный город, армейский паек в блокадном Ленинграде. И, может быть, главный успех: сельской девчонке, сапожнику по профессии, удалось устроиться продавцом в послевоенном, голодном Питере.

Преодоление угрожающих жизни системных обстоятельств, не связанных с характером или здоровьем опрашиваемых, присутствует в биографиях многих респондентов. Вот только несколько примеров. Респондент P2 родился в 1922 г. в Твери, его отец был бухгалтером. У семьи был участок земли и дом. Однако в 1938 г. респондент P2 приступает к работе в сельском хозяйстве в Кемеровской области. Информация о причинах переезда в анкете отсутствует, но, скорее всего, переезд не был добровольным: при первой возможности респондент уезжает

в г. Пестово Новгородской области, где работает изготовителем инструментов, живет в общежитии. Отец еще одного респондента (P14) был репрессирован, находился в лагере. Семья прошла через конфискацию имущества — земельного участка. Сам респондент оставил школу и в возрасте 12 лет начал работать в сельском хозяйстве, в школе доучивался заочно. Респондент P17 родился в сельском районе в Житомирской области. В 1931 г. в возрасте 14 лет переезжает в Житомир, живет в общежитии, учится в школе — подростку удалось перебраться из умирающей от голода украинской деревни в город в то время, когда режим делал все, чтобы не допустить в города голодающих крестьян.

Вернемся к респонденту P1. Есть еще одно обстоятельство, которое весьма наглядно присутствует в этой биографии и которое мне кажется важным для понимания работы механизмов мобильности советского образца. Респонденту P1 удалось достичь статуса руководителя, более того, она занимала свой пост на протяжении 26 лет до момента выхода на пенсию. После этого респондент P1 некоторое время проработала уборщицей, т. е. резко потеряла статус после прекращения допенсионной трудовой деятельности. Аналогичная ситуация присутствует и в биографиях других респондентов. Так, P2, имея офицерское звание, занимая служебную квартиру, в возрасте 41 года был демобилизован из армии. Начал работать транспортным служащим, первое время снимал угол. Респондент P14 после демобилизации, скорее всего, в звании полковника, приступил к работе в должности нормировщика/табельщика. Респондент P16, выйдя на пенсию, стал работником охранной службы.

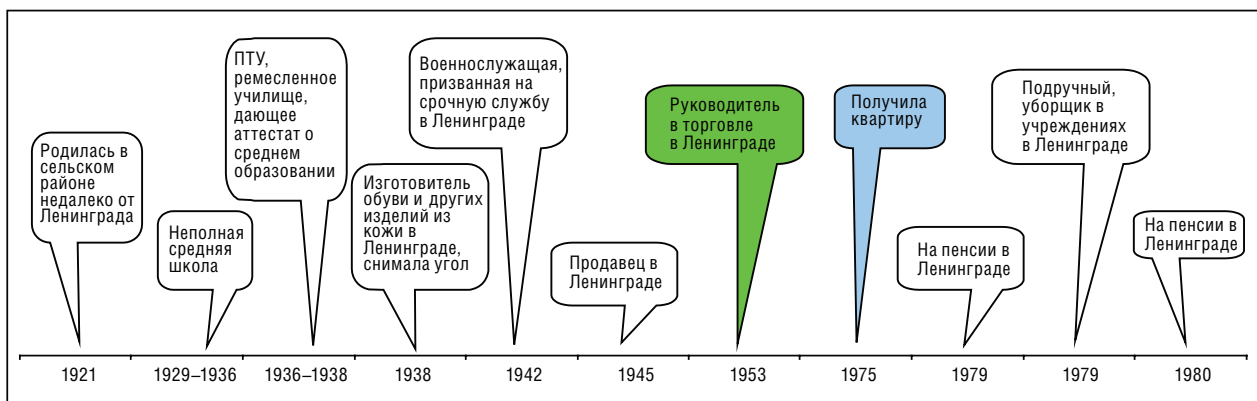
Иными словами, резкая потеря статуса при выходе на пенсию — обстоятельство системное. Не случайно эта тема так часто драматизировалась в советском искусстве. В советском обществе у социальных акторов не возникало статусного *набора*, который при потере одного из статусов сохранял бы положение социального актора в общественной иерархии или хотя бы демпфировал снижение позиций. Напротив, механизмы мобильности были «заточены» так, чтобы лишить социальных акторов независимых от государства подпорок. Даже у тех, кто занимал высокие должностные позиции, не было возможности конвертировать свой должностной статус: деньги как универсальный посредник отсутствовали, социальные сети, за исключением самых узких — родственных и дружественных, были разрушены. В такой ситуации любое

достижение временное, оно не становится «собственностью» социального актора и не приводит к аккумуляции ресурсов. Статус как бы выдается во временное пользование и отбирается в любой момент. В распоряжении «успешных» акторов остается только полученная «за время должности» квартира, которая понемногу теряет свою ценность, старея вместе с домом и превращаясь в коммуналку с появлением семейных детей и внуков, да личное имущество, если его удастся приобрести за время работы.

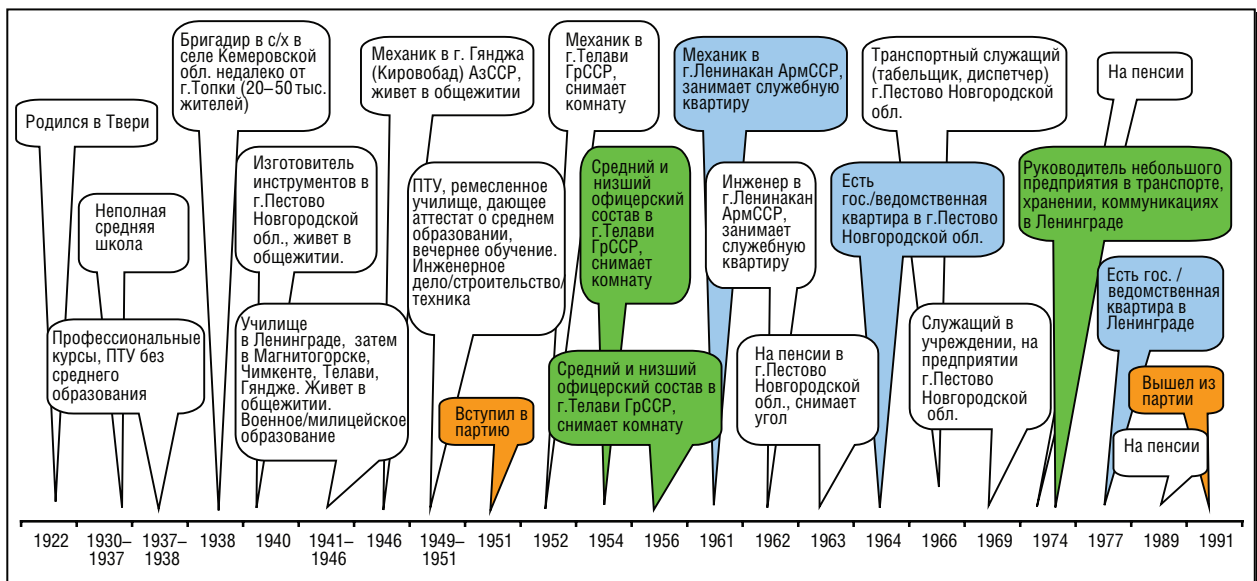
Советское общество было «обществом ненакопления» – сложившаяся система препятствовала аккумуляции социальных ресурсов как внутри жизни одного поколения, так и на межпоколенном уровне. Тем самым купировались все импульсы развития, идущие «снизу», от потребностей, ресурсов и интересов социальных акторов, т. е. именно те потенциалы, которые

являются необходимой основой успешного саморазвития и саморегулирования социальной системы. Накапливающийся социальный ресурс – «дрова, которые необходимо бросать в топку прогресса». Советское общество было похоже на тяжелое транспортное средство, из которого вынули двигатель, поэтому приходится изо всех сил толкать его снаружи, удивляясь, что оно медленно едет и все дальше отстает от других внешне похожих устройств. Механизмы саморегуляции и развития оказались вытеснены механизмами бюрократического перераспределения и контроля. Либеральные реформы 90-х гг. дали толчок к изменению ситуации. Однако государственно-силовые перераспределения мест в социальной иерархии, свидетелями которых в последние годы мы все чаще являемся, подтверждают, что импульсы, лишённые институциональной опоры, затухают быстро.

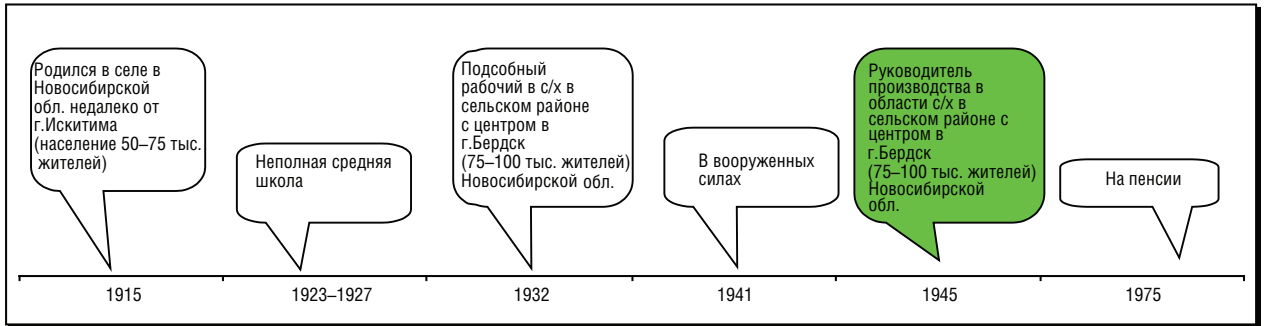
Респондент Р1

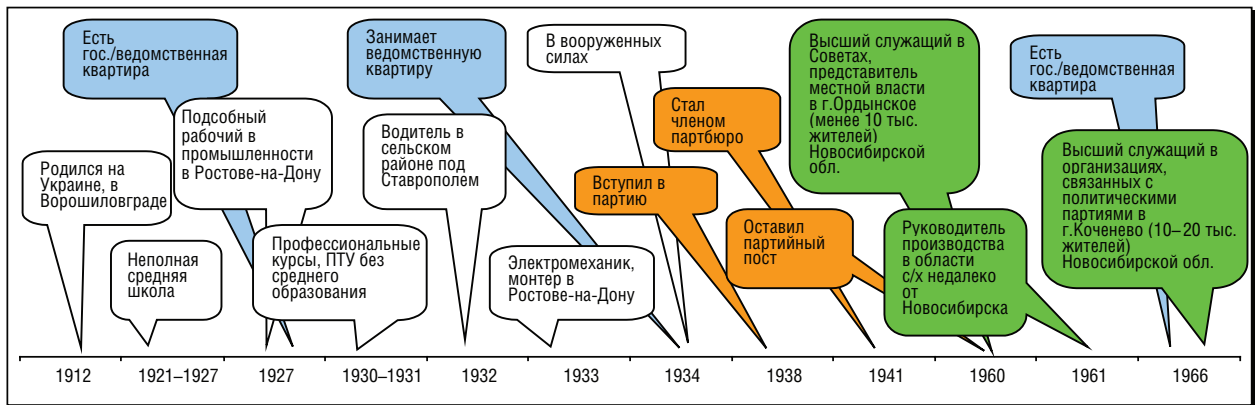
Респондент Р2

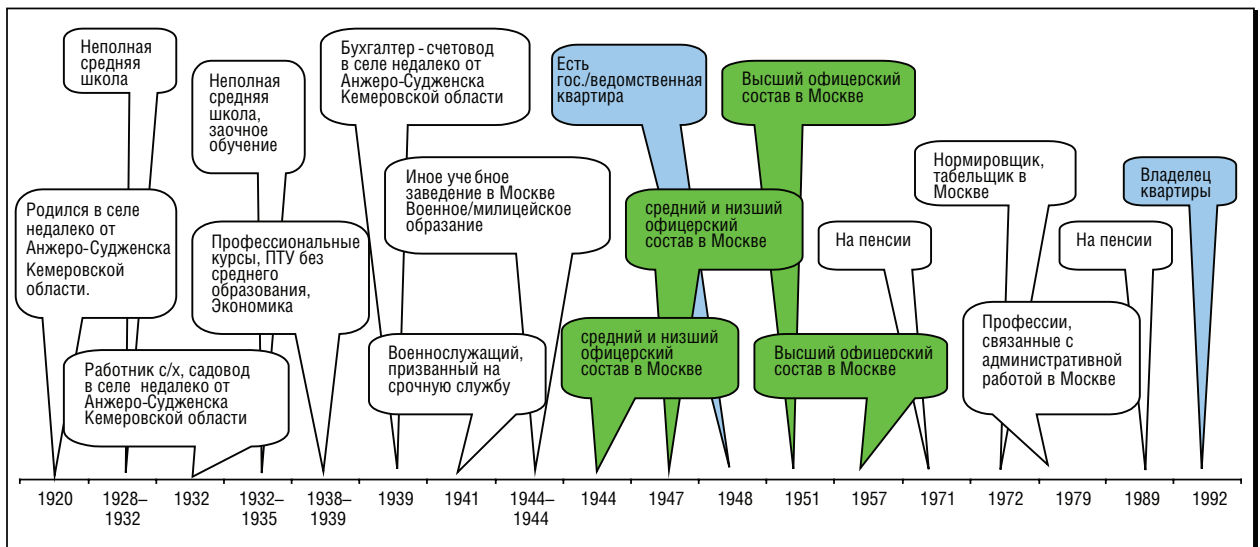
Респондент P8

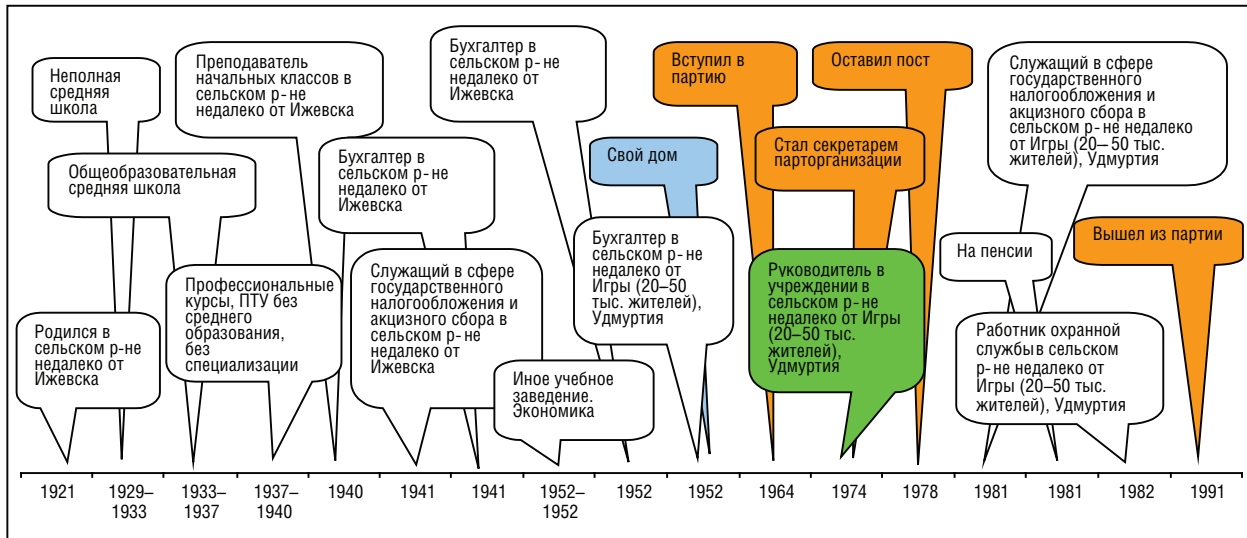
Респондент P9

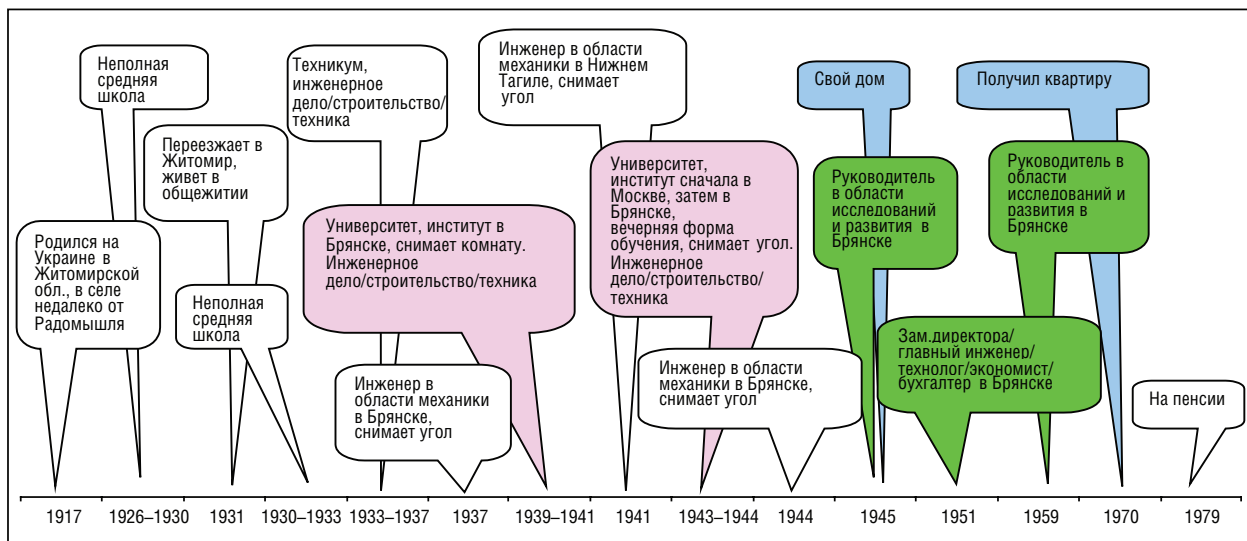
Респондент P14

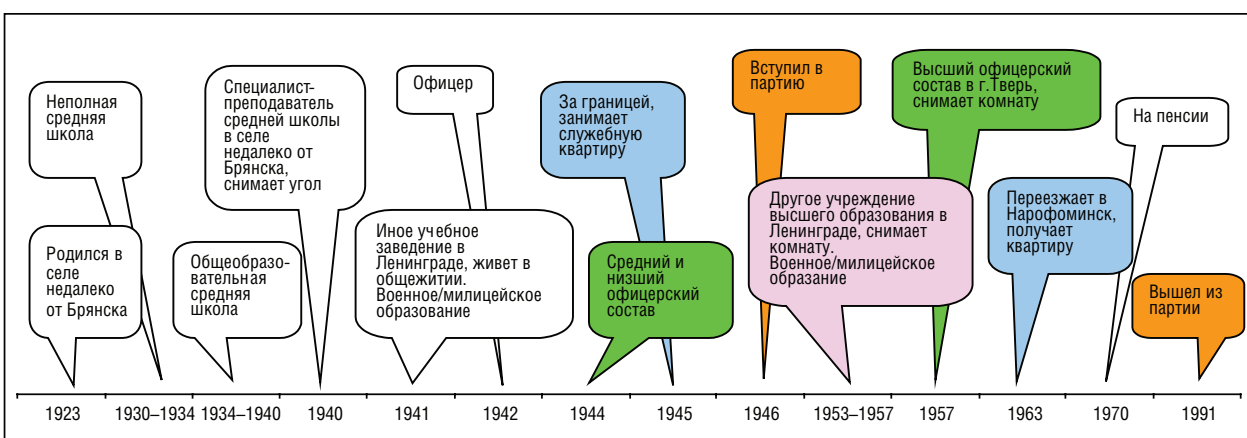
Респондент P16

Респондент P17

Респондент P21

Екатерина ЛАПИНА-КРАТАСЮК

Политика и медиареальность: формирование общественного мнения о последней кавказской войне

На российском телевидении сегодня царят единодушие и оптимизм. Отдельные каналы все менее отличаются друг от друга: утренняя «фольклорная» накачка, дневное шоу о народной медицине и семейных ценностях, отечественный сериал в будничные праймтайм и праздничный концерт в торжественных случаях в произвольном порядке перемежаются советскими фильмами, «танцами со звездами» на льду, в цирке и на ринге и даже некоторыми реалиями. На этом фоне серьезная политическая, экономическая и культурная проблематика выглядит дурным тоном. Поэтому, несмотря на умножение новостных программ (кроме традиционных информационных программ, появляются разнообразные «Другие новости», официальный девиз которых «В мире и без политики много интересного!») содержание их все более предсказуемо, а функции все более декоративны. Российское телевидение сегодня только объединяющий, но отнюдь не информационный источник, что особенно очевидно в дни серьезных политических событий: выборов или военных конфликтов. Роль пространства свободного обмена информацией (при всей сложности определения этого понятия в «информационном мире») и мнениями берет на себя русскоязычный Интернет (Рунет), который остается относительно неподконтрольным средством массовой коммуникации: властные структуры и субъекты активно осваивают Рунет, но пока как равноправные участники этого медийного пространства.

С другой стороны, в последней трети XX в. исследовательские вопросы, сформулированные в предыдущие десятилетия по отношению к новостям и комментариям — сфере, в которой «массмедиа распространяют неведение в форме фактов»¹, — и традиционному для теории массовых коммуникаций объекту изучения, перестают удовлетворять исследователей.

Позитивистский подход к изучению новостей, в частности, гипотеза политической повестки дня (*agenda-setting*)², подвергнут се-

рьезной критике как представителями феноменологической³ и постмодернистской⁴ парадигм исследований медиа, так и самими социологами⁵. Функционирование «новостных жанров» традиционных медиа — прессы, радио и телевидения — в качестве основного инструмента политической манипуляции может быть поставлено под сомнение не только с позиций «глобального» теоретического скепсиса, но и в процессе анализа «локальной» социокультурной ситуации в ее медийном преломлении. С одной стороны, актуальные до сих пор привычки советского телесмотрения, для которых характерно «шизофреническое» соединение медийной зависимости и агрессивного недоверия к содержанию СМК, не позволяют политической повестке дня сформироваться в ее «консенсусном», витальном, а не чисто декоративном варианте. Последнее является «медийным» отражением негативной идентификации, которую социологи называют одной из специфических черт постсоветского общества⁶. С другой стороны, монологичность современного российского телевидения, унификация контента всех, доступных широкому зрителю телевизионных каналов приводит не к «зомбированию» аудитории доминирующим политическим содержанием, а к распространению аполитичности, незаинтересованности в выработке собственного мнения по ключевым общественным вопросам и уменьшению способности к ответственному политическому высказыванию.

Таким образом, кажется, что объектом изучения должны стать не информационные, а развлекательные программы; новости и комментарии если и стоит изучать, то в их

³ См.: *Altheide D.* Creating Reality. How TV News Distort Events. L., 1974; *Altheide D., Snow P.* Media Logic. L., 1979.

⁴ См.: *Baudrillard J.* The Evil Demon of Images. Sydney: Power Institute, 1987.; *Fiske J.* Television and Postmodernism // *Mass Media and Society*. L.: Edward Arnold, 1991. P. 55–67.

⁵ См.: *Williams R.* Television. Hannover, 1992; *Бурдье П.* О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.

⁶ См.: *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ А», 2004; *Левада Ю.* Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.

¹ *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. С. 45.

² См.: *Klapper J.* The Effects of Mass Communication. N.Y., 1961; *Jyengar Sh.* Is Anyone responsible? How Television Frames Political Issues. Chicago, 1991.

эстетическом и «перцептивном»¹, но не политическом измерении.

Несмотря на сказанное выше, я позволю себе в этой статье поставить достаточно «архаичный» исследовательский вопрос: какими средствами и с помощью каких медиа строится сегодня в России общественная повестка дня? Ответ кажется очевидным, но одно из последних наиболее обсуждаемых и значимых политических событий — грузино-южноосетинская война, разразившаяся в августе 2008 г., предоставила новый материал к вопросу о том, как складывается сегодня в России общественное мнение.

Интерес к последнему определил выбор в качестве методологии анализ общественного мнения о войне в комбинации с изучением медийных предпочтений аудитории. Я попытаюсь еще раз ответить на вопрос, является ли Интернет в России информационной альтернативой телевидению, пространством формирования гражданского общества. Следует сразу оговориться, что компактный формат моей статьи не предполагает масштабного исследования, поэтому в качестве источника читателю предлагается анализ всего одного, весьма ограниченного и локального по своей природе *case study*: **итоги опроса студентов 3, 4 и 5 курса (от 18 до 22 лет) одного из московских вузов.** Исследование проводилось в сентябре—октябре 2008 г. (через месяц-полтора после окончания военных действий в Южной Осетии). В опросе приняли участие 50 студентов (48 девушек и 2 юношей), обучающихся по специальности «культурология».

Предварительные замечания. Прежде чем перейти к интерпретации результатов опроса, мне хотелось бы тезисно изложить некоторые положения, объясняющие специфику интерпретации. Формат данной статьи не предполагает более подробного обсуждения этих положений: это относится к перспективам исследования.

Первое. Произошедшее за последние годы увеличение числа Интернет-пользователей не только в столицах, но и в целом по России²

¹ См.: *Gornyykh A., Ousmanova A. Aesthetics of Internet and Visual Consumption. On the RuNet's essence and specificity // Control+Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2006. P. 198–214.*

² Следует отметить, что, несмотря на быстрый рост числа российских пользователей Интернета, общее их количество по-прежнему невелико. По данным Левада-Центра, более или менее постоянно пользуются Интернетом 5% взрослых россиян, от случая к случаю — 8% (данные 2008 г., N=2100 человек). В Москве пользователей намного больше. По данным опроса Левада-Центра (сентябрь 2008, 1600 человек), имеют дома выход в Интернет 22% взрослого населения России (18 лет и

и специфика профессиональной организации в медиасфере (для журналистов Интернет — первый и главный источник информации³) показывают, что Рунет может составить значимую оппозицию российскому телевидению. В условиях однообразных политических инсценировок и тотальной фольклоризации на современном российском телевидении Интернет в России остается едва ли не единственным масс-медиумом, в котором равноправно представлены альтернативные точки зрения и происходит свободное их обсуждение. Однако в информационных ресурсах этот потенциал Рунета используется недостаточно: пространство для независимого политического высказывания⁴ не вполне сформировано, а «альтернативная» повестка дня создается в основном за счет широкого распространения «желтых» тем и рубрик.

Поэтому политическая проблематика в Рунете развивается вяло — одни сайты привычно помещают портреты, другие также привычно карикатуры на первых лиц государства, а пользователь быстро соскальзывает к обсуждаемым и быстро обновляемым рубрикам скандалов и происшествий. Настоящей новостью становится не принятие нового закона, а пуск адронного коллайдера: это событие в сентябре сотрясло Рунет до основания, породив волну тревожных и веселых эсхатологических предположений.

Второе. Определить место новостей в Интернете гораздо сложнее, чем на телевидении. На телевидении новости — жанр, маркированный стилистически и визуально, а главное, структурирующий весь теледень, создающий единство и рефлексивное основание программы (неслучайно контент развлекательных каналов выглядит так хаотично, зрителю сложно ощутить их как медийное единство, поэтому на развлекательных каналах и вводятся своеобразные новости без политики — «новости культуры», «новости высоких технологий», «домашние новости», «новости из мира моды» и т. д.). Инфор-

старше), по данным другого опроса (май 2008, 2600 человек), те же 22%; в целом пользуются Интернетом 28% взрослого населения (видимо, с учетом выхода на работе, в Интернет-кафе и т. п.). По другим источникам, количество пользователей в России и особенно в Москве и Санкт-Петербурге еще больше (см.: *Чугунов А. Российская Интернет-аудитория в зеркале социологии.* СПб., 2006).

³ Интервью с российскими журналистами и редакторами служб новостей проводилось в рамках другого исследования (см.: *Kratasjuk E. Construction of 'Reality' in Russian Mass Media. News on Television and on the Internet // Control+Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2006. P. 34–50.*

⁴ См.: *Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society.* Cambridge / Massachusetts, 1991.

мационное поле Рунета представлено весьма пестрой коллекцией ресурсов: он-лайн издания, он-лайн версии печатных изданий, сайты информационных газет, Интернет-версии телевизионных новостей и т. п. Следует также учитывать, что пользователи часто узнают актуальные для них новости из блогов и социальных сетей, обходя своим вниманием электронные газеты.

Несмотря на многообразие и полижанровость ресурсов, отвечающих за информацию, Рунет часто замирает и информационно пробуксовывает в ситуациях важных политических событий. Например, значимым кажется молчание блоггеров в дни выборов президента России¹.

Третье. Увеличение групп политически индифферентных и демонстративно аполитичных авторов и пользователей Рунета приводит к тому, что политические темы развиваются лицами и ресурсами с инфантильным типом самовыражения: через лозунги, ругательства и угрозы. В такой ситуации только война способна заставить высказываться людей с самыми разными позициями и сталкивать различные точки зрения в дискуссии, т. е. создавать информационную ситуацию, давно невозможную на российском телевидении.

Грузино-южноосетинский конфликт (и участие в нем России) стал событием, которое вновь продемонстрировало политический потенциал Рунета. Освещение этой войны на телевидении было предсказуемо однозначным: разыгрывался сценарий «организованность против дикости»², первые лица российского государства выступали в роли организованной сплоченной «цивилизаторской» силы, а их политические оппоненты были представлены как банды трусливых дикарей и вероломных заокеанских боссов. Наиболее карикатурно, как не вполне вменяемого человека — жующего галстук или прикрывающего руками голову — выглядел телевизионный портрет М. Саакашвили. Кроме того, «по отношению к президенту Саакашвили в официозных российских медиа на протяжении последних лет утвердился эпитет "фашист"³, что позволяет использовать наи-

более устойчивые культурные воспоминания и символы для подтверждения «подлинности» транслируемых по телевидению образов.

Несмотря на то, что во многих иностранных медиа проскользнула идея о том, что Россия «информационную войну проиграла», высказывание Рунета об этой последней кавказской войне было полноценным и продуктивным. Официальная точка зрения, широко представленная в Рунете, количественно компенсировалась альтернативными взглядами и идеями. В дни конфликта Рунет оперативно реагировал на происходящее, поставляя пользователям свежую визуальную информацию (для сравнения — репортажи Первого канала представляли собой комбинацию обильных комментариев и совершенно неатрибутируемых картинок: темные кадры, смутные очертания, залпы орудий вдалеке — то, что могло быть снято в любом месте и служить базой для самых разных военных репортажей⁴). «Разительным контрастом (телевизионному — Е. Л.-К.) информационному одногласию выступил Интернет. Помимо регулярной деятельности больших информационно-аналитических порталов (Polit.ru, Grani.ru, **Ежедневный журнал**, Кавказский узел и др.), здесь немедленно проявилась взрывная активность индивидуальных блоггеров, и первым общественным запросом стал призыв присылать живые устные свидетельства, документы и фотографии с мест событий, обмениваться этой информацией по сети ЖЖ. Далее процесс развивался с впечатляющей быстротой⁵. После окончания войны в Сети стали в большом количестве появляться развернутые рассуждения, вопросы и приглашения к дискуссии, а также попытки реконструировать исторический и культурный контекст конфликта. Отсутствие этих элементов было заметно как в российских, так и американских телевизионных новостях, посвященных войне. Но именно развернутость и дискуссионность, попытка проследить исторические причины территориальных разногласий сделали информацию о последней кавказской войне в Рунете «неконкурентоспособной»: однозначность, краткость и четкое наименование правых и виноватых оказались гораздо более востребованной формой представления августовских событий, и «разбужен-

¹ См.: More Than a Poet? Why Russian Writers Didn't Blog on the 2008 Elections. (<http://www.russian-cyberspace.com/issue1/ellen-rutten.html>) [Эл. ресурс. Проверено 22.02.2009].

² О подобном сценарии освещения событий 11 сентября на немецком телевидении говорила в своих лекциях профессор Хильда Хоффманн.

³ Дубин Б. Виртуальная война и ее реальные последствия: общественное мнение России о кавказском конфликте 2008 г. // Вестник общественного мнения. 2008. № 5. С. 40.

⁴ О споре на подобный «нейтральный» визуальный материал во время освещения войны во Вьетнаме подробно написано в книге Е. Эпштейна «Новости ниоткуда». См.: Epstein E.J. News from Nowhere: Television & News. N.Y., 1973.

⁵ Дубин Б. Цит. соч. С. 36.

ная» войной общественность не смогла создать альтернативный инфантильному тип высказывания, который был бы принят страной. Последнее не значит, что развернутое и дискуссионное высказывание вообще не может быть принято в современной России. Но в случае этого конкретного исторического события (короткой и победоносной войны) у российского общества возникла возможность пусть кратковременного, но объединения в рамках «позитивной» идентичности. «Победа в войне» с 1945 г. и вплоть до последнего времени является ключевым элементом, конструирующим российский социальный дискурс¹, поэтому простая схема интерпретации событий, эксплицирующая образы врага и героя, оказалась более востребованной.

Исследование: структура медиареальности. Результаты проведенного среди студентов исследования, с одной стороны, подтверждают сказанное выше, но, с другой стороны, позволяют сделать некоторые выводы относительно того, как формируется мнение «нового» российского поколения.

Анкета, предложенная студентам, состояла из двух основных частей. Целью первой было определить, какие средства массовой коммуникации (далее – СМК) наиболее популярны у респондентов и каковы для них основные источники получения новостей. Вторая касалась мнений студентов о последней войне на Кавказе, их оценок достоверности информации об этой войне в СМК, а также вариантов атрибуции ответственности за произошедшее. Таким образом, предполагалось выяснить, с помощью каких медиа формируется мнение молодых людей и насколько оно самостоятельно и рефлексивно.

Среди главных источников информации респондентами были названы телевидение и Интернет. Так, среди основных новостных каналов телевидение упомянули 84%, а Интернет – 80% опрошенных. Твердо поставить телевидение на первое место мешает не только небольшая количественная разница в ответах, но и тот факт, что Интернет был упомянут как первый и главный источник информации 48%, телевидение же оказалось во главе списка только у 36% студентов. Далее, на третьем месте по значимости среди источников информации оказываются «люди» («родственники, знакомые, друзья»),

¹ Дубин Б. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. 2008. № 4.; Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ А», 2004. С. 20–58

т. е. «лидеры мнений»². Их упоминают 48% опрошенных, но только 4% на первом месте. В ответах студентов часто упоминается пресса (40% упоминаний, 12% – на первом месте). Возможно, что столь высокий рейтинг прессы объясняется традиционным выбором «статусного» источника. Наконец, последним в списке новостных источников оказывается радио, его упомянули лишь 24% опрошенных, никто – на первом и 12% – на втором месте по значимости. Здесь студенты не уточняют, о каких радиостанциях идет речь, респонденты ограничиваются лишь упоминанием самого слова «радио», хотя в ответах на другие вопросы редко, но называются отдельные радиостанции, в основном – «Голос Америки», «Радио "Свобода"», «Эхо Москвы».

Таким образом, на этом этапе результат вполне предсказуем: медиареальность для группы, участвовавшей в опросе, формируется телевидением и Интернетом, подвергается проверке с помощью «лидеров мнений» и лишь в некоторой степени зависит от прессы и радио.

Более интересные результаты были получены при определении того, какие телевизионные каналы и информационные ресурсы Интернета являются наиболее популярными среди студентов, участвовавших в опросе.

Телевидение. На первом месте оказался канал «Культура» (48% заявляют, что смотрят регулярно), чуть меньше голосов набрал Первый канал, который студенты в силу привычки все еще называют ОРТ (40%), и на третьем месте – развлекательный канал СТС (32%). Далее следуют каналы НТВ (24%), Муз-ТВ (20%) и MTV (20%). Одинаковое количество голосов – 16 % – у каналов Euronews и Россия, 8% студентов смотрят 2X2, BBC и CNN, остальные из названных каналов – WorldFashion, РЕН-ТВ, Вести – Спорт, ТВЦ, ТВ1000, Звезда, Домашний и т. д. – набрали не более 4 %.

Выбор «Культуры» – это, в определенном смысле, протест против официального «политического» телевидения, использующего слишком простые методы воздействия на аудиторию; определение себя в качестве культурной элиты, выражающееся в выборе аполитичного, но не развлекательного (как это делают «массы»), а интеллектуального контента. Глубокое теоретическое содержание и телевизионный формат – вещи плохо совместимые, а канал

² Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.O. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Election. N.Y.: Columbia University Press, 1948.

«Культура» – продукт холдинга ВГТРК: разделение аполитичной аудитории на «интеллектуальную элиту» и «массы» вполне может быть частью общей стратегии официального российского телевидения, направленной на уменьшение возможности критического политического общественного высказывания.

Результаты популярности других каналов в нашем опросе соотносятся с данными рейтингов: согласно исследованиям компании Gallup Media, первое и второе место по популярности среди российских телезрителей с большим отрывом занимают Первый и второй канал (РТР), на третьем находится канал НТВ. Результаты нашего опроса дают немного измененный порядок этих каналов: Первый, НТВ, РТР, но важнее другое – то, что развлекательные каналы – СТС, МТВ и МузТВ, т. е. каналы без новостей (**ПроНовости** и **другие псевдоинформационные программы** относятся к светской хронике и т. п.) – вклиниваются в наш опрос между пунктами «официального» рейтинга в качестве полноправных сегментов телевизионного мира. Несмотря на многочисленные заявления студентов о том, что телевизор они не смотрят, результаты исследования показывают, что молодая аудитория знакома с официальным содержанием (Первый канал, в соответствии со своим названием, занимает одно из первых мест по популярности) и достаточно активно вовлечена в телевизионное развлечение (доказательством чему является высокий «рейтинг» канала СТС и музыкальных каналов).

Еще одно противоречие, выявленное в результате опроса, связано с заявлением многих студентов о том, что они в основном смотрят и доверяют иностранным каналам. Студенты называют только один иностранный канал – EuroNews, но и он не попал в пятерку лидеров. Таким образом, в отношении телевидения выявлены две основные тенденции: с одной стороны, студентам важно продемонстрировать свою независимость от российского телевидения как от основного государственного СМИ. Но в то же время они достаточно активно вовлечены в практики телесмотрения, причем их выбор (а группа молодых телезрителей не является приоритетной для создателей телевизионного продукта) почти совпадает с данными официальной статистики.

Интернет. Является ли Интернет для респондентов источником альтернативных новостей, как они это утверждают? Среди приблизительно сорока «новостных» сайтов, названных сту-

дентами, в первую очередь упоминаются почтовые серверы Mail.ru и Yandex.ru. Эти же ресурсы фигурируют в ответах на вопрос: «Где Вы читаете новости в Интернете?»: в качестве источников информации о текущих событиях Mail.ru и Yandex.ru оказываются для студентов намного важнее других информационных ресурсов. Этот результат легко объясним: пользуясь электронной почтой, студенты попутно читают новостные сообщения, расположенные на стартовой странице. Но также очевидно и другое: большая часть опрошенных не предпринимает дополнительных усилий по поиску новостей в Интернете (например, не заходит на сайты на других языках), а довольствуется той информацией, которая является наиболее доступной, фоновой, т. е. обладает основными чертами телевизионного контента. Повестка дня, содержание и интонация этих двух серверов также напоминают соответствующие составляющие теленовостей, хотя и с преимуществами, обеспечиваемыми форматом Интернета.

Далее, одно из первых мест по популярности в качестве информационного источника занимает **rbc.ru (РосБизнесКонсалтинг)**, и упоминание этого сайта в ответах студентов позволяет существенно скорректировать выводы, сделанные в предыдущем абзаце. Rbc.ru – один из немногих ресурсов, которому удается сохранить статус новостного не за счет очевидной «официальности» или «оппозиционности», а за счет осознанной стратегии нейтральности, которая в сегодняшнем «информационном» поле России выглядит почти маргинальной. Обращение к этому ресурсу – это уже знак сообщества образованных специалистов, которые также достаточно аполитичны, но зато разбираются в темах, требующих компетенции (например, рубрика «Экономика» на rbc.ru занимает первое место, а «Политика» – только третье).

Информационный сайт **gazeta.ru**, чьей целью, по крайней мере изначально, было формирование независимого (или даже оппозиционного) общественного мнения, также упоминается довольно часто.

На третьем и четвертом месте по популярности представлены очень разнородные списки сайтов, получившие одинаковое количество голосов респондентов: lenta.ru, polit.ru, rian.ru (агентство РИА Новости), Коммерсант.ru и, наконец, Живой Журнал. Список сайтов, упоминавшихся не более трех раз и не в первую очередь, состоит из utro.ru, новостей на сайте Google.ru, сайта ИТАР-ТАСС, Вести.Ru и онлайн газеты «Взгляд». Эти списки показывают,

что для группы студентов в целом не важны такие характеристики сайтов, как государственное финансирование/независимость, жанр (информационное агентство, электронная газета, электронная версия бумажного периодического издания, блог) и статус: новости с этих ресурсов потребляются в едином потоке.

Таким образом, потребление новостей, транслируемых по телевидению и представленных в Рунете, не очень отличается по сути: ответы студентов позволяют реконструировать сложную структуру каждого из медиумов и демонстрируют детальное знание самых разных телеканалов и сайтов, в то время как ежедневно респонденты обращаются к весьма ограниченному количеству каналов и ресурсов, выбранных по принципу экономии усилий. Контроль над этим коротким списком позволяет существенно влиять на общественную повестку дня. Например, на первых местах в ответах респондентов нет блогов, в которых и разворачивается общественная дискуссия (так, блогеры одними из первых дали интерпретацию событий, происходивших в Цхинвали), а общая доля сайтов на иностранных языках, которые могли бы представить альтернативные точки зрения, в ответах студентов составляет не более 1%. Политика, несмотря на активное пользование Рунетом, продолжает восприниматься как готовый список тем и сюжетов, а не как пространство дискуссии и формирования общественного мнения.

Война: оценка ситуации. Рассмотрим теперь, какое представление о последней войне на Кавказе сложилось у студентов при такой структуре потребления новостей. Эти данные любопытно сравнить с результатами общероссийских опросов, подробно представленными в статье Б. Дубина «Виртуальная война и ее реальные последствия: общественное мнение России о кавказском конфликте 2008 г.». Так, по данным исследований, «официальную картину происходящего, многократно транслированную по всем телевизионным каналам, сразу же приняли от 70 до 80% взрослых жителей России», «те же самые 70–80% (точнее, 73 и 82%)... одобряли в августе 2008-го деятельность, соответственно, Д. Медведева и В. Путина, около 60% — деятельность российского правительства»¹.

Результаты опроса студентов дали похожий результат, но с некоторыми значимыми откло-

нениями. Большая часть респондентов возлагает ответственность за случившееся на политических оппонентов России. Почти треть (32%) опрошенных считают, что в развязывании войны виноваты США, 28% — Грузия, и лишь 20% студентов написали, что инициировала конфликт Россия — 48% всех опрошенных. Даже те из них, кто возложил ответственность на конкретную страну, в той или иной мере склонялись к ответу «виноваты все», причем местоимение «все», кроме правительств названных стран, подразумевает в некоторых случаях и глав Европейского союза (около 4% респондентов). Студенты были склонны оценивать войну с этических позиций («Война — это всегда плохо, и те, кто в ней участвуют, всегда виноваты»), но радоваться победе и «не судить» победителя. Лишь 16% отметили, что ответить на вопрос об ответственности им мешает недостаток информации или указывали на некорректность постановки самого вопроса. Именно такой ответ изначально ожидался от студентов-культурологов, которые имеют навык «историзировать» и реконструировать контекст любого события.

В то же время на вопрос «Одобряете ли Вы действия российского правительства в последней кавказской войне?» 52% респондентов ответили отрицательно, что существенно отличается от данных в целом по стране, демонстрирующих большее единодушие. Одобрили действия властей 32% опрошенных и не были уверены в ответе все те же 16% студентов, указывавших на недостаток информации и необъективность СМИ в освещении конфликта. Среди комментариев респондентов, одобрявших действия правительства, встречались фразы типа «Можно было бы и пожестче», «Одобряю жесткий ответ, который дал понять новую продвигаемую правительством внешнюю политику», но одновременно одобрение часто мотивируется «необходимостью защиты мирных граждан», тем, что «у России не было другого выхода» и т. п. Этические оценки также высказывались достаточно часто: «Нет, вообще не одобряю войну», — и т. п.

Таким образом, в формировании мнения студентов большую роль играют базовые этические ценности и привычные для образованного слоя России установки недоверия по отношению к власти, унаследованные еще от советских времен. Формирование собственного мнения и критического суждения о важных политических событиях весьма затруднено из-за одноплановости представления последних в СМИ, но осознает это только небольшая часть опрошенных.

¹ Дубин Б. Виртуальная война и ее реальные последствия: общественное мнение России о кавказском конфликте 2008 г. // Вестник общественного мнения. 2008. № 5. С. 37, 42.

Другая часть более или менее воспроизводит официальную версию событий, что и приводит к парадоксальным сочетаниям ответов.

В ситуации войны и ее «военного», патриотического освещения на телевидении Интернет был единственным СМК, который мог равноправно представить альтернативные точки зрения, т. е. выступить как институт «публичной сферы». Во многом Рунет в плане содержания с этой задачей справился. Но это не имело особого влияния ни на массовое сознание, ни даже на мнение активных пользователей, к которым, безусловно, принадлежат опрошенные студенты. Кстати, в ответ на вопрос «Какому СМИ Вы доверяете?» наиболее часто встречался ответ «Никакому» и достаточно часто назывались иностранные телеканалы и радиостанции (BBC, Euronews, CNN, «Голос Америки», «"Радио Свобода"») и телеканал «Культура». Интернет-источники были упомянуты всего два раза: это он-лайн версия печатного издания (Коммерсант.ру) и информационный сайт (Газета.ру), причем ресурс этого жанра упомянут всего один раз. То, что мнение студентов складывалось под влиянием передач Первого канала и канала РТР, не повлияло на высокую репутацию иностранных каналов, реальные обращения к которым не часты из-за сохраняющегося языкового барьера. В то же время Рунет такой репутации еще не завоевал.

Таким образом, проведенный опрос подтвердил следующие наблюдения. В ситуации

современных российских СМК роль Рунета как инструмента политического оповещения заметно возрастает. Это подтверждается активным вовлечением наиболее мобильной части сообщества — молодого поколения — в сетевые типы коммуникации и декларированием отказа от телесмотрения. Правда, фразы «У меня вообще нет телевизора» или «Телевизор не смотрю» вступают в противоречие с осведомленностью студентов о структуре и содержании телеканалов. Телевидение остается в России основным источником массовой коммуникации, отказ от телесмотрения вряд ли возможен в ситуации, когда другие медиа неразвиты, подавлены или выполняют роль специализированных СМК. Так, Интернет в России нельзя назвать массовым медиумом. Но не только этот фактор, а также то, что формы политической дискуссии, сложившиеся на настоящий момент в Рунете, не вполне используют преимущества медийного формата Сети, позволяют утверждать, что пространство независимого политического высказывания в современных российских медиа пока остается амбициозным проектом. Достаточно большая часть студентов в ходе проведенного опроса продемонстрировала готовность к критическому суждению и самостоятельным мнениям, но развернутого материала по общественным проблемам для формирования таких мнений и суждений сегодня в России явно недостаточно.

ПРОБЛЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Галина ЗВЕРЕВА

Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России

Кораблю, как человеку, имя нужно позарез.
Имя вы не зря даете, я скажу вам наперед:
Как вы яхту назовете, так она и поплывет!

Е. Чеповецкий. Песня о названиях кораблей

Введение. В 2008 г. в России состоялась официальная легитимация понятия «российская нация» в значении «политическая нация». В информационной среде это событие было оценено как долгожданное обретение обществом «общероссийской идентичности», подведение черты под многолетними поисками объединительной идентификационной формулы, которые велись в публичной политике, публицистике и социальных науках постсоветской России.

В статье рассматриваются технологии разработки, властного учреждения и диссеминации понятия «российская нация» в обществе. Ее цель — обсудить вопрос о конструировании «реальности 2000-х» на основе политического дискурса: как утвержденная формула коллективной идентичности переводится в социально-политические практики лояльности, сотрудничества, солидарности, — практики единения «народа» и «государства».

Концепт «российская нация» бытовал в публичной сфере и в науке 1990-х — начала 2000-х гг. Что нового или особенного появилось в содержании официального понятия «российская нация» и в технологиях его продвижения? Основной тезис статьи состоит в том, что в процессе дискурсивного производства и распространения «общероссийской идентичности» государственная власть, опираясь на опыт советской партийной пропаганды, активно использует организационные технологии, характерные для современной корпоративной культуры. Это обстоятельство накладывает особый отпечаток на смыслы продвигаемых понятий и облик конструируемой реальности.

Идея «общероссийской идентичности» в государственных документах. Идея коллективной российской идентичности была впервые представлена в тексте российской Конституции 1993 г. и выражена в новом понятии «многонациональный народ России»¹. Введение этого понятия в государственные документы отражало потребность федеральной власти в замене идентификационной формулы «новая историческая общность — советский народ» другой объединительной конструкцией.

Понятие «многонациональный народ России», трактуемое в духе гражданской идентичности, было призвано отразить принципиально иной тип взаимоотношений между российскими гражданами и государством — Российской Федерацией². Несмотря содержащуюся в этом понятии «гражданскую» интенцию, оно, как и семантика ряда других ключевых слов, вошедших в Конституцию РФ, выглядело спец-

¹ «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации» // Конституция Российской Федерации. 12.12.1993 (http://www.consultant.ru/popular/cons/1_1.html).

² «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» // Конституция Российской Федерации, 12.12.1993 (http://www.consultant.ru/popular/cons/1_1.html).

ифическим по отношению к терминологии, используемой в международных правовых документах. Слова «народ», «национальная принадлежность», «национальное развитие», используемые для характеристики федеративного устройства России, закладывалось как общегосударственное (политическое, гражданское), так и этническое содержание. Такая трактовка базовых понятий стала воспроизводиться и в других государственных документах¹.

В 1996 г. указом первого президента Российской Федерации была принята «Концепция государственной национальной политики РФ»². Текст «Концепции государственной национальной политики РФ» формировался в сложных социально-политических условиях середины 1990-х гг., в остром противоборстве различных тенденций («парад суверенитетов» в российских «национальных республиках», попытки укрепления центральной федеральной власти) и столкновении разных концепций устройства нового российского государства и общества³.

Основу документа составляет общегосударственная консолидирующая идея с советскими этнофедералистскими коннотациями в духе «дружбы народов». Понятие «многонациональный народ России» (в его общегражданском значении) отсутствует. Российская Федерация определяется как «многонациональное государство», конгломерат «народов» (включая «коренных»), этнических («национальных») общностей, «национальных меньшинств».

В роли гаранта устойчивости «многонационального государства» выступает «русский народ», понимаемый как этническая общность, который «является опорой российской государственности». Как подчеркивается в тексте доку-

мента, «благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов»; от его «национального самочувствия» и учета его «потребностей и интересов» во многом зависит стабильность «межнациональных отношений» в российском государстве.

Поиск объединительной идеи в начале 2000-х гг. нашел свое выражение в новых документах о государственном «нациестроительстве». Один из них — проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» (2003 г.)⁴. Этот документ создавался с целью заменить собой «Концепцию государственной национальной политики 1996 г.». В процессе долгого обсуждения в структурах федеральной и региональной законодательной власти его статус, название и содержание претерпели серьезные изменения. Сопоставление разных версий документа (2003 г, начало и конец 2006 г.) дает возможность увидеть связь между динамикой дискурса «государства-нации» и изменявшимся социально-политическим контекстом его бытования.

В законопроекте 2003 г. говорилось, что «государственная национальная политика основывается на следующих принципах: сохранения государственной целостности и федеративного устройства Российской Федерации; равенства прав граждан и народов Российской Федерации на национальное развитие; признания объединяющей роли русского народа, его языка и культуры в российском обществе; свободного определения каждым гражданином своей национальной принадлежности...» «Народ» характеризуется как этническая общность. Понятие «национальное развитие» однозначно подразумевает «этническое» (этнокультурное) содержание. Базовые понятия: «национальная самоидентификация», «национальная принадлежность» — истолковываются тоже в этническом, а не в общегосударственном и гражданском смысле: «Граждане Российской Федерации имеют право на национальную самобытность, то есть лично или совместно с другими лицами сохранять, выражать и развивать свои культурные, языковые и иные этнокультурные особенности, не ущемляя соответствующие права лиц другой национальности. Граждане Российской Федерации имеют право

¹ См.: Правовые аспекты этнических отношений в России / Под ред. Н.А. Ворониной и М. Галдия. М., 2004; *Тишков В.А.* После многонациональности: Культурная мозаика и этническая политика в России // Знамя. 2003, № 3 (<http://magazines.russ.ru/znamia/2003/3/tishh-pr.html>); Толкование этих понятий в текстах российских законов и их рабочее применение неоднократно были предметом критического обсуждения в экспертном сообществе. Детальный дискурсивный анализ текста Конституции РФ и конституций республик в составе РФ содержится в статье: *Соколовский С.В.* Концептуализация этнического в российском конституционном праве (http://www.indepsocres.spb.ru/library/sokolovs_2.doc).

² Концепция государственной национальной политики РФ, утвержденная указом Президента РФ № 909 от 15.06.1996 (http://www.scrf.gov.ru/documents/degree/1996_909.shtml).

³ О социально-политическом контексте создания документов такого рода см. подробно: *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России (Институт этнологии и антропологии РАН. Сер. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». Документ № 100). М., 1996 (<http://www.iea.ras.ru/lib/neotl/12092002003237.htm>).

⁴ См.: Проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» № 369190-3, внесенный депутатами Государственной Думы (В.И. Никитин, С.К. Смирнова, А.А. Аслаханов и др.) 22.09.2003 (<http://www.legislature.ru/monitor/raznoe/369190-3/html>).

на национальную (этническую) самоидентификацию, то есть свободно определять и указывать свою национальную принадлежность».

Важное место в тексте занимает положение о «правах народов России», особой роли и правах «русского народа»: «...Русский народ, один из коренных народов Российской Федерации, является опорой российской государственности и несет основную ответственность за развитие и обеспечение благополучия и процветания Российского государства. Состояние межнациональных отношений в Российской Федерации во многом определяется самосознанием и интернациональным менталитетом русского народа.... Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления при разработке и реализации федеральных, региональных и местных программ социально-экономического и национально-культурного развития народов Российской Федерации обязаны учитывать потребности и интересы русского народа. Положения настоящей статьи не ущемляют прав других народов Российской Федерации».

В этом документе более четко, по сравнению с текстом «Концепции национальной политики» 1996 г., выражена мысль о приоритете этнического по отношению к общегражданскому началу и сделан акцент на этнофедералистском принципе организации «государства – нации».

В начале 2006 г. после очередной переработки проекта Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» он был представлен в Государственную Думу в ином виде, с обновленным содержанием понятийного аппарата¹. В документе устанавливались «принципы и цели государственной национальной политики Российской Федерации, основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации в целях обеспечения единства и целостности Российской Федерации, согласования общегосударственных интересов и интересов народов Российской Федерации, утверждения общегражданской идентичности – российской нации».

Введение в текст документа новых понятий: «общегражданская идентичность», «российская нация» – свидетельствовало об изменениях,

наметившихся в определении вектора государственной «национальной политики». «Российская нация», как говорилось в документе, – это «историческая, социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судьбой, совместной созидательной деятельностью по укреплению единого государства». В определении «российской нации» проступало привычное генетическое понимание ключевого понятия «нация» (род – племя – народность – нация). Главная же мысль – это установка на конституирование «государственной нации» (принадлежность народа государству). Вместе с тем, в этом документе сохранялось положение об особом статусе «русского народа» как «государствообразующего народа, самоопределившегося на всей территории Российской Федерации».

Осенью 2006 г. после очередного витка публичных обсуждений проект Федерального закона вернулся в комитет Госдумы по делам национальностей. Его наименование и содержание претерпели очередные изменения. Обновленная редакция законопроекта получила название «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений»².

Замена ключевого словосочетания «национальная политика» на слова «политика в сфере межэтнических отношений» выглядела новацией по отношению к прежнему языку описания. При определении статуса «русского народа» из него выпало слово «государствообразующий»: «Русский народ, самоопределившийся на всей территории Российской Федерации, был и остается социальной, языковой и культурной основой гражданской российской нации». Содержание понятия «российская нация» приобрело более строгую форму: «Российская нация – общегражданская общность, консолидированная на основе единого государства». Понятие «многонациональный народ» было сохранено, но изменилась его трактовка: «Многонациональный народ Российской Федерации – общность граждан Российской Федерации различных национальностей, объединенных государственным единством, общими интересами и духовными ценностями и осознающих свою принадлежность к общности российской нации». По характеру изменений этого проекта Федерального закона заметно, что в содержании понятия «российской нации» несколько усиливалось гражданское звучание.

¹ Федеральный закон «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (проект) (<http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/3A2741584A914D6B432571BB005B7A6E?OpenDocument>).

² См.: там же.

Однако, как показал ход дальнейшего обсуждения текста законопроекта в 2007 г., именно из-за попыток «расставания» с советским этнофедеративным опытом и акцентирования идеи «политической нации» этот документ получил множество негативных оценок от политических и государственных деятелей федерального и регионального уровней¹ и в итоге снова был отложен.

Рассмотрение этих текстов позволяет говорить о том, что в процессе выработки официального дискурса «нациестроительства» «постоянными величинами» остаются положения о преемственности Российской Федерации с «тысячелетней историей» Российского государства и СССР. Отсюда — использование формулы «многонациональный народ» с его противоречивым этно-политико-гражданским содержанием. К разряду констант можно отнести идею «цивилизационной уникальности» российского государства и общества, мысль об особом статусе и исторической роли «русского народа».

«Переменными величинами», которые обуславливают изменения в официальном языке и речи, являются преобразования системы государственного управления в начале 2000-х гг. (строительство «вертикали власти»), распространение в обществе социальных практик «низовой» ксенофобии и радикального русского национализма, развитие социально-политических и культурных форм этнократии в регионах России. Это обуславливает повышенное внимание структур государственной власти, правящей политической элиты и официальных политтехнологов к выбору слов и дискурсивных конструкций.

Прагматическая забота о терминологии выражается в корректировке официального языка, с помощью которого создается общая «идентификационная карта». Источниками «вдохновения» для такой работы служат дискурсивные пространства, образуемые общественными науками и публичной сферой (речевые практи-

ки политических и общественных организаций и движений, публицистики, массовых медиакоммуникаций).

Дебаты о нации: русская или российская?

Рассмотрение особенностей складывания дискурсивного поля коллективной идентичности усилиями постсоветской науки, политики и публицистики и его динамики в начале 2000-х гг.² позволяет обнаружить несколько ведущих позиций в представлении идеи нации.

Одна из них — утверждение о доминировании этнического начала в постсоветской формуле государственно-национальной идентичности: «Россия впервые уже стала государством-нацией. Причем государством именно этническим. ... Это совершенно новая реальность, и пока этот новый и важный факт нового российского государства и как следствие новой российской идентичности просто еще не осознан... Какой тип нации может сложиться в России: гражданский, при котором полиэтническое и мультикультурное гражданское общество овладевает государством, или этнический? ... Россия будет на этом этапе развиваться по этнической формуле. Потому что это единственная основа, на которой складывается национальное государство»³.

Основу другой, не менее распространенной позиции составляет идея о «цивилизационной природе» коллективной идентичности в России: «Органичной для России политико-культурной моделью является модель государства-цивилизации. ... Россия складыва-

¹ Примером такой негативной реакции может служить характер обсуждения этого законопроекта в Областной думе города Саратова. Так, сотрудница региональной общественной организации заметила: «Меня не устраивает неконкретность документа. Русский народ почему-то не назван коренным. Много говорится о коренных малочисленных народах, а о коренных многочисленных — ничего. Получается, русскому народу — никаких гарантий. Сам документ порождает конфликт». Журналист местной газеты подвел итог: «Общим мнением участников дискуссии стало следующее: дать четкие определения словам "этнос", "малочисленные народы", а также определить роль русского народа в законопроекте и расписать бюджетные отношения» // Неделя области. № 56 (275). 13.12.2006 (<http://www.nedelia.ru/?nums-2006-056-page3>)

² См. подробнее: Малахов В.С. Ностальгия по идентичности // Логос. 1999. № 3; Он же. Осуществим ли в России русский проект? // Отечественные записки. 2002. № 3; Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова и др. СПб., 2002; Социальные неравенства этнических групп; Представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002; Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003; Он же. Этнополитический маятник: Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004; Шнирельман В.А. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России. М., 2004; Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М., 2004; Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005, Vol. 9. № 2. С. 6–24; Русский национализм. Идеология и настроение / Сост. А. Верховский. М., 2006; Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Марун. М., 2006; Pro et Contra. 2007. Vol. 11. № 2 (специализированный выпуск: Национальное строительство. Статьи А. Миллера, В. Тишкова, Э. Паина, О. Малиновой).

³ Никонов В. [Выступление] // Патриотизм и национализм. Стенограмма круглого стола. Фонд «Либеральная миссия» 18.02.2004 (<http://www.liberal.ru/sitan.asp?Rel=92>).

лась не как гражданская нация, а как исторический проект определенного союза народов, ядром которого являются русские. Этот союз и является реальной основой политической нации России... Россия уже оформилась как локальная цивилизация, но еще не научилась осознавать и оборонять себя в этом качестве. ... Российская нация есть общность тех, кто причастен делу государственного и цивилизационного строительства России. Русский народ является органическим ядром этой общности, а коренные народы, лояльные России, — ее полноправными участниками»¹.

Третья позиция строится на установке о России как «национальном государстве», которому исторически присуща «многонародность». Она предполагает доминирование политического принципа в утверждении «русской нации» как «общероссийской идентичности»: «Необходимо более последовательно утверждать понятия "нация" и "национальное" в общегосударственном и гражданском смысле, не отвергая существующую практику использования данного понятия в этническом смысле. Сосуществование двух разных смыслов для такого политически и эмоционально нагруженного понятия, как "нация", возможно в рамках одной страны. ... Главное — объяснить, что эти две формы общности не являются взаимоисключающими, и понятия российский народ, российская нация, россияне не отрицают существование русского, татарского осетинского, якутского и других народов нашей страны. Поддержка и развитие языков и культур народов России не противоречит признанию российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны»².

В ходе дебатов о нации постоянно возникают вопросы о соотношении эссенциализма и конструкционизма в идее национальной идентичности. Нация есть в России или ее нет? Если есть, то какая она: этническая, имперская, государственная, политическая, гражданская? Если же она сознательно конструируется, то кто ее «делает»: элита, государство, общество? И тогда вся проблема состоит лишь в том, чтобы «приучить сограждан правильно называть то, что уже есть»?³

¹ Ремизов М. Проект Государство-цивилизация 02.09.2005 (<http://www.intelros.org/drevo/remizov1.htm>)

² Тишков В. О российском народе и национальной идентичности в России // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения. 2007. № 72 (http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html)

³ См. об этом подробно: Миллер А. Нация как рамка политической жизни. С. 6–20; Тишков В. Что есть Россия и российский народ.

Мысль о необходимости принять социально-конструкционистскую установку в отношении российской (русской) коллективной идентичности становится в таких спорах доминирующей: «Нация — это не просто продукт этнокультурной унификации и "длительного исторического формирования", а тем более это не кровно-биологическая субстанция, а результат целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению среди населения представлений о народе как о нации, ее ценностях, символах, устремлениях... Национальная идентичность утверждается через многие механизмы и каналы, но прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственный язык, символы и календарь, культурное и масс-медийное производство»⁴.

Сложности решения этой задачи вполне сознаются теми, кто соотносит себя с «национально-ориентированной» российской элитой и видит себя в качестве лидеров такого «проекта»: «Россия, которая возникла 14 лет тому назад, это не просто новые границы. Это начало процесса создания новой русской нации. Или российской? Или той и другой? А вообще, что такое нация? Кто и что создает нацию? В чем заключается национальная идентичность? Кому-то эти вопросы покажутся банальными, но на них нет общепринятого ответа... Перед современной российской элитой стоит та же задача — создать российскую нацию... Словам нужно вернуть смысл, чтобы понимать самих себя и понимать других. Чтобы понимать и то, что все мы, жители России, единая нация... Прежде чем вести разговор о формировании национальной идентичности в России, необходимо уточнить, о какой нации и национальной идентичности идет речь: о русской или российской. И ответ на этот вопрос не так прост... В России исторически сложилось так, что ее население никогда не рассматривалось как единая нация. Вот почему попытка назвать всех граждан России русскими может быть воспринята негативно представителями других этнических групп. В то же время название "россияне" воспринимается с иронией большинством русских.... В принципе возможно и то и другое

С. 21–41; Паин Э. Россия между империей и нацией. С. 42–59; Малинова О. Конструирование идентичности: возможности и ограничения. С. 60–65 // Pro et Contra. 2007. Vol. 11. № 2.

⁴ Тишков В. О российском народе и национальной идентичности в России // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения, 2007. № 72 (http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html).

решение. Но любое из них придется "внести" в сознание наших граждан — и вопрос в том, в какой "упаковке" это будет сделано. Но решать придется, потому что в коллективном человеческом сознании ничего не существует без правильного слова-названия, которое со временем станет общепризнанным»¹.

Однако конструкционистские трактовки проблемы далеко не исчерпывают ее понимания. Участники дебатов постоянно подчеркивают, что создание и продвижение идеи коллективной национальной идентичности в России в той или иной форме неизбежно обусловлено спецификой социально-политической реальности и особенностями культурной, ментальной, коммуникативной среды².

В ходе публичных обсуждений-поисков формул коллективной самоидентификации участники споров задаются вопросом, возможно ли на практике достигнуть широкого общественного согласия в понимании направлений и содержания российского «нациестроительства». Для многих из них оптимальный путь видится в том, чтобы, не дожидаясь обретения такого согласия (которое представляется практически невозможным), озаботиться, чтобы российская «интеллектуальная элита» и «власть» могли бы совместно осуществлять миссию производства и продвижения смыслов в сфере гражданского и политического «нациестроительства»: «Российская Федерация пребывает в процессе активного национального самоутверждения, и обращение к национализму в его гражданском варианте крайне полезно. Это относится в первую очередь к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и его интересах. Именно общество, прежде всего в лице его интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство... В современной ситуации важно, как будет называться в Российской Федерации гражданская нация, понимаемая как историческая и социокультур-

ная общность жителей страны. Важно, чтобы эта общность была признана как основополагающая и легитимирующая страну как национальное государство, наряду со всеми остальными государствами мира»³. В такой позиции содержится надежда на то, что ведущая роль в «союзе» интеллектуальной элиты и государственной власти должна принадлежать именно элите, поскольку она обладает способностями концептуализировать реальность и говорить от имени народа, «которому принадлежит это государство».

Публичные «разговоры о нации» в значительной степени носят сценарный характер. Их направление определяется как общественными запросами, так и потребностями государственной власти, для которой важно улавливать динамику социально-политических умонастроений⁴. Это позволяет понять особенности использования дебатов о нации федеральной властью и партией «Единая Россия» в период проведения выборной кампании 2006—2007 гг. в Государственную Думу.

«Русский проект» и его «перезагрузка». В процессе подготовки к выборам в Государственную думу активисты партии «Единой России» разработали Программное заявление партии, в котором содержалось идеологическое обоснование «единства народа, политического лидера и общенациональной политической партии»⁵. Продвигая в обществе установки «единороссов» как «государственно-народные», партийные функционеры включали в них элементы актуальных умонастроений «элиты» и «массы».

³ Тишков В. Что есть Россия и Российский народ // Pro et Contra. 2007. Vol. 11. № 3. С. 21–41

⁴ См.: Юсуповский А. В чем устарела концепция национальной политики? В поисках точного диагноза этнополитических проблем РФ // Политический класс. 29.11.2006 (<http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=659.119.11.2006>).

⁵ Г. Габриелян (Центр социально-консервативной политики партии «Единая Россия»): «...На первый план выходит разработка конкретной тактики и практических механизмов. Итак, последовательность действий представляется следующей: объективный и постоянный мониторинг ситуации; анализ ситуации; разработка сбалансированной идеологии и ее корректировка в связи с меняющимися обстоятельствами и реакцией общества на них; предложение общественной дискуссии, курируемой соответствующим подразделением партийных идеологов; утверждение программной стратегии партии по данному кругу вопросов; разработка тактики в практическом осуществлении вышеозначенной стратегии, например, в продвижении и принятии соответствующих законов и правоприменительной практики; включение непосредственных механизмов пропаганды данного направления партийной деятельности». См.: Габриелян Г. Л. Нам необходимо стать нацией (материалы для новой программы партии «Единая Россия») 6.09.2006 (<http://cscpr.ru/clauses/45/1960/?PHPSESSID=4f66c18a185b493474cb6f4c351cf96c>).

¹ Механик А. Освоение российской локальности // Эксперт. 2005. № 1–2 (<http://www.expert/2005/01/01ex-proekt5/>).

² «Первый этап формирования наций — это создание образа единого гражданского «мы» в масштабе страны. Однако любое воображение должно опираться на некую реальность, иначе созданный образ либо быстро тает (как, например, иллюзии перестройки), либо сталкивается с противоположными представлениями. Нации не конструируются по воле правителей, не задаются раз и навсегда формальным правовым статусом гражданина — они самоопределяются в ходе социальной практики, и процесс этот непрерывный». Паин Э. Россия между империей и нацией. // Pro et Contra. 2007. Vol. 11. № 3. С. 42–59.

Один из таких опытов — ресемантизация текста Программного заявления партии «Единая Россия» в процессе его истолкований с учетом публичных дебатов о нации. Проговаривая положения этого текста в публичной сфере, партийные идеологи обращали общественное внимание на то, что в документ включены новые понятия и используются новые значения базовых слов: «российский народ», «россияне», «национально-государственные интересы», «интересы всей нации», «национальный успех». Отсюда делался вывод, что важнейшее место в Программном заявлении, как и в политике российского государства, отныне будут занимать вопросы самоидентификации «суверенной политической нации» на базе «многонационального народа»: «Под многонациональным народом Российской Федерации понимается не арифметическая сумма воле народов как этнокультурных общностей или населения субъектов Федерации, а сущностная характеристика полновластия и верховенства всего российского народа. ... Важнейшей характеристикой этой социальной общности является ее определение как политико-правового феномена — гражданского сообщества, а не новой этнокультурной общности, не новой нации в этнокультурном смысле, но нации политической, возникшей вследствие возрождения многонациональным народом России своей суверенной государственности — демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления»¹.

Между тем, в самом тексте Программного заявления партии, утвержденного съездом «Единой России»², тезис о «российской политической нации» четко не выражен, что, вероятно, связано с отсутствием у руководителей

и активистов партии согласованной позиции по вопросам государственного «нациестроительства».

Это во многом объясняет обстоятельства рождения и продвижения «Русского проекта», который был заявлен в начале 2007 г. лидерами «Единой России» от имени одного из партийных клубов — Центра социально-консервативной политики: «Сегодня, все более актуальным становится проектное мышление, и сегодня мы начинаем "битву за слово", то есть за честное и откровенное обсуждение русской проблематики»³.

Цель проекта, как пояснял один из его руководителей Иван Демидов, в том, чтобы помочь самоопределиться народу, который хочет ответить себе на вопрос «кто я». Проект предполагал проведение под контролем «партии власти» публичных дебатов в российском обществе по вопросам о том, что означает «русскость» сегодня, как она соотносится с российской государственностью и православием, что такое «национальная идентичность» в условиях глобализации. Организаторы проекта акцентировали общественное внимание на необходимости вернуть «правильное понимание» словам «русский» и «национализм». Именно для этого российскому обществу предлагалось ответить на «Десять Русских Вопросов». В числе первых вопросов: Россия для русских? Что такое русская нация?

В рамках «Русского проекта» был открыт одноименный сайт (в рамках Интернет-портала «Единой России») и для «патриотической общественности» специально организован «Русский клуб», материалы заседаний которого размещались на сайте. Активисты «Единой России» стремились убедить общество, что под «русскими» подразумеваются все граждане России, а проведение открытых дискуссий необходимо, чтобы помочь выразить имеющиеся, но не вполне осознанные массовые умонастроения.

Этот ход «Единой России» был расценен в обществе по преимуществу как тактический, рассчитанный на то, чтобы привлечь к себе

¹ Султыгов А.-Х. Стратегия национального развития 24.10.2006 (<http://edinros.er.ru/er/text.shtml?48579>).

² Основной упор в тексте этого документа сделан на понятие «многонациональный российский народ» и цивилизационную специфику России: «Мы опираемся на традиции российской цивилизации, среди которых сегодня особенно востребованы патриотизм и способность к модернизации, уникальное сочетание опоры на общегражданские принципы с заботой о статусе и развитии всех российских народов». «Российская нация» в тексте упомянута лишь однажды: «... Страна, которая стала общей Родиной для всех россиян, где полноценно развиваются национальные культуры и языки, уважаются национальные и религиозные чувства каждого человека, искореняются любые проявления ксенофобии и национализма, создаются благоприятные условия для сбережения и развития народов, укрепления российской нации» // Россия, которую мы выбираем. VII съезд принял Программное заявление партии «Единая Россия». 02.12.2006 (<http://edinros.er.ru/er/rubr.shtml?110100>).

³ «Единая Россия» открывает «Русский проект». 05.02.2007 (<http://edinros.er.ru/er/text.shtml?47840>); Единорусский проект. 05 февраля 2007 г. (<http://www.og.ru/articles/2007/02/05/22043.shtml>).

Как заметил депутат Госдумы от «Единой России» Андрей Самошин: «Тот, кому удастся разрешить "русский вопрос", дать правильное определение тому, что такое русский народ, каковы его чаяния и каково должно быть его место в государстве, тот сможет завоевать голоса миллионов граждан». Самошин А. Тот, кто сможет разрешить «русский вопрос», завоеует голоса миллионов // «Русская линия». 5.02.2007 (www.rusk.ru/st.php?idar=170374)

в качестве электората часть приверженцев «низового» русского этнонационализма. Однако сами организаторы проекта (Иван Демидов, депутаты Госдумы от партии «Единая Россия» Андрей Исаев, Павел Воронин, журналист Михаил Леонтьев, генеральный директор телеканала «Московия» Андрей Писарев, главный редактор православного журнала «Фома» Владимир Легойда) определяли содержание своей работы как начало реализации продуманной партийной стратегии по сплочения народа (народов) вокруг государственной власти. По их мнению, процесс общероссийской консолидации должна возглавить ведущая политическая партия России, которой предстоит стать «партией русского народа и партией русской цивилизации»: «Мы обязаны заставить государство работать в интересах большинства — русского народа, не обижая другие народы»¹.

На протяжении 2007 г. в русле общественных дискуссий о нации при участии партии «Единая Россия» были проведены несколько научно-практических конференций в разных регионах России по общей тематике «национальной (цивилизационной) идентичности». Репрезентативный состав участников — ведущие научные институты Российской академии наук, представители интеллектуальной элиты страны, общественные и политические деятели — должен был подтверждать общенародный характер этих акций. Однако в процессе вербально-образного конструирования национально-государственной идентичности из публичных дебатов о нации в «Русский проект» отбирались не «общегражданские», а этнополитические предложения, из которых складывались контуры националистической модели «русской России». Тем самым функционеры «партии власти» открыто демонстрировали российскому обществу, «кто решает, что надо знать».

Жизнь этого политического начинания оказалась короткой. Националистическая маргинализация «Русского проекта», негативные общественные реакции на высказывания его радикальных активистов, завершение выборной кампании в Государственную Думу в конце 2007 г. — все это привело к тому, что деятельность «проектировщиков», как и одиозные собрания «Русского клуба», были свернуты, а сайт «Русского проекта» закрыт. Тем не менее этот первый не вполне удачный опыт конструиро-

вания нации «сверху» был учтен и использован федеральной государственной властью и партией «Единая Россия».

В начале 2008 г. стало известно, что руководители партии «Единая Россия» собираются продолжить объединительную работу по «консолидации нации». По словам координатора Центра социально-консервативной политики, члена президиума генсовета «Единой России» Юрия Шувалова, «Русский проект» ни в коем случае не закрывается, наоборот, наступает новый этап, теперь его существование будет возможно в новом качестве. Русская идея имеет право на существование, однако она должна иметь надэтнический характер, тем самым задавая цели и идеалы всем народам, живущим в нашей стране, но не подавляя их, не ущемляя их прав»².

Новации в деятельности по созданию коллективной идентичности выражались в ревизии «Единой Россией» наиболее жестких установок «Русского проекта». Этот пересмотр был сформулирован в своеобразном манифесте Центра социально-консервативной политики с броским названием «Русская матрица. Перезагрузка». Обновление позиции по «национальной» теме в России началось с отказа от главного вопроса «Россия для русских?», инициированного «Русским проектом»: «Вопрос "Россия для русских?" — это не русский вопрос, его звучание чуждо русской культуре, русской истории, русскому духу. ... Россия тут низводится до уровня географического пространства, ресурсного фактора, который можно и нужно "потреблять", причем привилегированно потреблять определенной этнической группе. ... Духовное самоопределение русского народа в контексте православного миропонимания позволяет четко обозначить, что русский национализм, национализм служения, творчества, утверждения вечных (и, заметим) общечеловеческих ценностей исключает любые формы ранжирования народов или рас».

Основной акцент в тексте сделан на корректировку понятия «русская нация», которому придан надэтнический, политический характер. Однако при этом ключевое слово «русские» трактуется как этническое большинство, «государствообразующий народ»: «Русская нация — это духовно-политическая, а не этнополитическая категория. Это сверхэтническая (политическая) общность, совокупность

¹ «Единая Россия» открывает «Русский проект». 05.02.2007 (<http://edinros.er.ru/er/text.shtml?47840>).

² Холмогорова В. Взяли под крыло // Эксперт Online. 26.02.2008 (<http://www.expert.ru/articles/2008/02/26/krylo/>).

граждан России, принимающих деятельное участие в судьбах страны посредством государства, формируя гражданское общество и право, исходя из идей и ценностей духовной культуры России. Вполне естественно, что русские, несмотря на негативные демографические тенденции составляющие подавляющее большинство населения нашей страны, выступают "государствообразующим народом" России. Однако это мыслится не как привилегия, а как обязанность утверждать свой статус через обращенность к универсальным духовным ценностям и к решению общечеловеческих проблем¹. Двойное толкование «русскости» в этом тексте сохранялось, но политическая игра с русским этнонационализмом, которая отличала «Русский проект», отодвинулась на задний план.

«Перезагрузка» была продолжена в ходе новых межрегиональных конференций на темы о «духовных основах развития страны» и «формировании общероссийской идентичности (русскость и российскость)», организованных при деятельном участии «Единой России». На них приглашались депутаты Государственной Думы, представители региональных органов государственной власти, представители общественных организаций, образовательных и научных учреждений.

Смысл этих масштабных «государственно-гражданских» собраний состоял в том, чтобы представить их как процесс всенародного обсуждения идеи «нации». Функция этих конференций состояла в том, чтобы демонстрировать дискурсивную солидарность с продвигаемой идеей коллективной идентичности и подтвердить актуальность формулы «общероссийской идентичности» (как государственной, цивилизационной).

Учреждение «российской нации». Весной 2008 г. было создано новое российское общественное движение — Общероссийский союз общественных объединений (ОСОО) «Российская нация». В Совет этого Общероссийского союза, как отмечалось в средствах массовых коммуникаций, вошли «видные государственно-политические и общественные деятели, руководители всех крупнейших федеральных национально-культурных общественных объединений».

Цель движения — распространение и упрочение в обществе идеи политической и гражданской нации в России. Согласно мнению участников нового движения, впервые эта идея «была утверждена» высказыванием Владимира Путина о российской нации, которое содержалось в его выступлении по вопросам международных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г.²

В официальных кругах создание ОСОО «Российская нация» было названо «гражданской инициативой», «ярким примером гражданского действия», а его значение определялось тем, что это поможет если не закончить, то ограничить «бесплодные, изрядно затянувшиеся дискуссии по поводу того, что такое нация, гражданская это общность или этническая. Продвижение понятия «российская нация», обозначающее политическую идентичность россиян и гражданское единство при всем многообразии взглядов и ценностных ориентаций, имеет очень большое значение. Оно поможет общественному мнению, политикам и экспертам преодолеть архаичное восприятие нации как кровнородственного феномена и переориентироваться на современные представления о нации как феномене политическом и гражданском, что очень важно для развития консенсусной политической культуры»³.

При «перевод» на понятный язык это означало, что организацию «гражданской инициативы» в создании российской политической нации взяли на себя федеральная власть и партия «Единая Россия» (в ходе «перезагрузки» идею «взяли под крыло», как это чутко уловили журналисты).

Таким образом, «общероссийская идентичность» в форме «российской нации» учреждена, конституирована речевым актом высказывания «национального лидера» и назначена к бытованию в социальной реальности: «По

сути, идейно-политическая категория "россий-

¹ Волобуев С. Русская матрица. Перегрузка. Центр социально-консервативной политики (клуб) 22.02.2008 (<http://www.cscp.ru/clauses/5/c/2949/>).

² См.: Путин В. Выступление на рабочей встрече по вопросам международных и межконфессиональных отношений 05 февраля 2004 г., Чебоксары: «...Мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Используют все свое культурное богатство и многообразие в интересах всего общества и всего государства. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство» (<http://www.putin2004.ru/putin/press/4023D18A>).

³ Фадеева М. Этнонациональный дискурс и Стратегия-2020. 08.01.2009 (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=196>).

ская нация" может быть с полным основанием определена как доктринальная категория курса Президента России В. В. Путина¹.

Новому общественному движению «Российская нация» отведена роль проводника этой «доктринальной категории» государства и «партии власти». Поскольку в задачи движения входят «нормализация» дискурса политической нации и обеспечение «практического действия государства и общества по обустройству России», его деятельность поддерживается информационно-медийными ресурсами. Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация» учредил мощный одноименный Интернет-ресурс, который был размещен на Интернет-портале партии «Единая Россия». Как подчеркивают его создатели, он предназначен для «всестороннего освещения Плана Путина в сфере нациестроительства, укрепления традиций национального единства и духовно-нравственных ценностей российского общества, сохранения этнокультурного наследия народов России, противодействия терроризму, экстремизму и ксенофобии, укрепления межнационального и межконфессионального согласия, развития межкультурного диалога... В первую очередь, речь идет об утверждении идеологии российской нации»². Соответственно, этим замыслам выстроены основные разделы Интернет-ресурса: «Российская нация: этнокультурное многообразие — гражданское единство», «Национальная идеология. Национальная политика» и другие, где публикуются программные выступления лидеров российского государства и руководителей ведущих политических партий (в первую очередь, «партии власти»), научно-публицистические статьи по вопросам нациестроительства в современной России.

Одновременно ОСОО «Российская нация» организовал издание журнала «Вестник Российской нации»³, миссия которого — «быть манифестом российской нации, общенациональ-

ной дискуссионной площадкой по актуальным вопросам внутренней и внешней политики России». Важнейшее место в журнале занимает «освещение тематики нациестроительства как специального направления гражданско-государственного действия в сфере идеологии».

Идея целенаправленного нациестроительства воплощена также в учреждении общественного ордена «Российская нация» (март 2008)⁴ и реализуется в практиках награждения городов России (Омск, Иваново, Малгобек, Челябинск и др.), государственных и общественных деятелей федерального и регионального уровней. Основанием для награждения являются «особые заслуги перед российской нацией и государством, значимый вклад в обеспечение национального единства, укрепление российской государственности, развитие гражданского общества, социально-экономическое развитие России, сохранение межэтнического и межконфессионального согласия, профилактику ксенофобии и экстремизма, поддержку русского языка, традиционной культуры и языков народов Российской Федерации, укрепление обороноспособности и защиту Отечества»⁵.

Содержание понятия «российская нация». Официальное содержание понятия «российская нация» включает политический, государственный, гражданский, этнокультурный компоненты и выражает идею «единства россиян». Однако истолкования этого понятия заметно отличаются друг от друга.

Из Интернет-издания «Российская нация»: «Понятие "российская нация" является концентрированным выражением идеи гражданского единства россиян независимо от национальности и вероисповедания, социально-профессионального статуса и возраста, уровня доходов и политических убеждений, места жительства и других обстоятельств»⁶.

Из официального описания ордена «Российская нация»: «Идейно-политическое понятие "российская нация" является доктринальной категорией курса В.В. Путина, олицетворяющей гражданско-политическое и духовное единство россиян независимо

¹ <http://www.rosnation.ru/index.php?D=13>

² «Электронное периодическое издание «Российская нация» — средство массовой информации научно-публицистической и общественно-просветительской направленности, нацеленное на утверждение идеологии российской нации, общероссийской гражданской идентичности» (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=13>).

³ Главный редактор журнала — Абдул-Хаким Султыгов, координатор Партии «Единая Россия» по национальной политике и взаимодействию с религиозными объединениями. В составе научно-консультативного и редакционного советов журнала — директор Института антропологии и этнологии РАН Валерий Тишков и директор Института социологии РАН Михаил Горшков.

⁴ В официальном описании этого ордена говорится: «2008 — год учреждения ордена, символизирующий завершение двух президентских сроков России Владимира Путина, утверждение российской нации и российского национального государства в XXI веке» (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=41>).

⁵ http://www.council.gov.ru/inf_ps/chronicle/2008/05/item7531.html

⁶ <http://www.rosnation.ru/index.php?D=13>

от социально-профессионального статуса и возраста, национальности и вероисповедания, политических взглядов, места жительства и других обстоятельств. Речь идет о гражданской солидарности, основанной на общности духовно-нравственных ценностей и исторической памяти, устремленности в будущее, утверждении России как суверенного демократического государства, как "свободного общества свободных людей"¹.

Несмотря на внешнюю монолитность формулы «российской нации», она продолжает использоваться в официальном языке с разными прилагательными — политическая, гражданская, цивилизационная. Использование такого понятия, как «зонтичной» формы, выглядит удобным, поскольку позволяет нивелировать общественные разногласия, «покрывать собой» и «поглощать» разные представления о том, какой должна быть доминанта коллективной идентичности в современной России. В официальных истолкованиях «российской нации» присутствуют как идеи «монолита», так и идеи упрочения «этнокультурного наследия народов России».

Идея «монолитного единства» выражена, к примеру, следующим образом: «В век глобальных трансформаций крайне необходима консолидация общества, формирование гражданской ответственности за мировоззренческую культуру, развитие толерантности и взаимопомощи между людьми. ...Мы сами для себя должны решить — что же такое Мы?! И здесь главная задача общества — превращение народа из толпы в Nation, сплоченную едиными целями, единими стремлениями. Главная черта Nation — монолитность. Но монолитность не в раблепном поклонении вождю, монолитность не в единообразии, монолитность не в нищете, но монолитность в Единстве — это главная черта Nation»².

А идея возвышения «этнокультурного многообразия» проговаривается так: «Термин "российская нация" — сравнительно новое понятие, которое вышло на авансцену общественно-политической жизни в период правления Владимира Путина. Очень важно, чтобы эта знаковая общественно-политическая категория, олицетворяющая идею гражданского единства россиян, не стала достоянием адептов унификации, противоречащей историческому опы-

ту полиэтничной и многоконфессиональной Российской Федерации. По сути, под этнокультурным многообразием российской нации понимается многонациональный российский народ — "нация наций". Это понятие отражает, с одной стороны, исторические традиции единства россиян разных национальностей и вероисповеданий, а с другой стороны, специфику российского федерализма, являющегося важнейшим институтом сохранения этнокультурного наследия народов Российской Федерации, национальных (родных) языков»³.

Ориентиры властного дискурса коллективной идентичности сугубо прагматические, они всецело обусловлены решением актуальных политических задач, диктуются актуальными социальными и геополитическими контекстами. Это обуславливает возможность оперативного использования базовых слов с плавающими значениями, смещение акцентов в политическом дискурсе, практики совмещения несовместимого в одном и том же тексте.

Характерный пример — текст, произведенный в конце 2008 г. ведущими функционерами партии «Единая Россия» (Андрей Исаев, Юрий Шувалов, Андрей Писарев, Иван Демидов) с учетом «перезагрузки», — «Структура идеологии партии «Единая Россия»: Российский консерватизм»⁴. В этом документе активно используются такие слова, как «нация», «российский народ», «национальный успех», «национальный консенсус», «общественная солидарность». Определение миссии партии: «Успех российского народа (нации) как во всемирно-исторической перспективе, так и на данном этапе его развития. Модернизация на базе национального консенсуса». Определения народа-нации: «Российский народ — совокупность людей и этносов, образующих российское государство, относящих себя и относящихся к великой Русской цивилизации. В понятие народ входит не только нынешнее, но и предшествующие и будущие поколения, что предопределяет ответственную политику и перед ними». «Нация — совокупность всех живущих представителей народа». «Приоритет национального консенсуса, прекращение латентных форм гражданской войны, формирование

¹ <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=41>

² Боголюбова Г. Главная черта Nation — монолитность 04.03.2008 (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&rText=1>).

³ Гильмутдинов И. Федерализм и этнокультурная самобытность — слагаемые российской нации 19.03.2008 (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&rText=1>).

⁴ ЦИК «Единой России» разработал Структуру идеологии партии «Единая Россия»: Российский консерватизм. 26.12.2008 (<http://edinros.er.ru/er/text.shtml?58802/110030>).

единой нации, приоритет национальных интересов над классовыми, поиск согласия между всеми крупными социальными группами народов». «Национальный вопрос. Единая нация, в перспективе единый народ. Русская цивилизация по языку и самоопределению. Уважение нацменьшинств». Создателей документа мало заботит корректность формулировок и степень их совместимости. Главное – назвать и многократно повторить ключевые слова, чтобы они выглядели как опознаваемые сигналы-символы в коммуникациях.

Противоречие, которое обнаруживается при вербальном развертывании «общероссийской идентичности», снимается основным «зонтичным» принципом удержания «государственно-гражданского единства». В конечном счете учрежденное понятие «российская нация» покрывает и вбирает в себя все возможные идентичности: цивилизационную, этническую, религиозную, региональную, социально-групповую и т. п. В нем реализуются принципы иерархической и сетевой организации множества идентичностей. Дискурсивная «общероссийская идентичность» с общим именем «российская нация» не исключает иерархии ролей участников «признания» и многообразия внутренних взаимодействий разных групп, эффективность которых обеспечивается лояльными модераторами.

Понятие «российская нация» предполагает гетерогенность «голосов» как информационного «множества», скрытого под поверхностью «зонта». Главное, чтобы во всех «голосах» звучали базовые слова «российская нация» и «общероссийская идентичность», хотя бы и с разными значениями, оттенками, расширениями. Важно их включение в информационную среду, чтобы сами эти слова постоянно звучали и передавались. Хаотичное движение таких слов и их «забалтывание» создает эффект постоянного присутствия, материализует их посредством «признания», «конвенции», «солидарности», «сотрудничества».

В процессе продвижения «российской нации» формулы коллективной «общероссийской идентичности» и корпоративной солидарности сливаются воедино в простую, легко опознаваемую идею «Мы-группа». Рядовые участники процесса «признания» концепта и адаптации к формуле «российская нация» вынуждены самоопределяться как часть целого в артикулируемом пространстве сотрудничества и совместных действий.

«Российская нация» как рассказ. Назвать коллективную идентичность «общероссийской» и дать ей имя «российская нация» далеко не достаточно для успешного продвижения такого идеологического продукта в информационно-медийной среде. Вязкие, многословные определения «российской нации», запускаемые в общество, способны скорее отвратить адресата, нежели привлечь к себе. Общее имя, обретаемое группой (российским обществом), требует простого конвенционального повествования, разворачивания героического и полезного рассказа о «самих себе» с использованием разделяемых установок, базовых слов с общими значениями.

Опыты составления официальных рассказов об «общероссийской идентичности» выглядят как складывание лапидарного формульного текста. Один из примеров такого рода содержится в тексте официального описания общественного ордена «Российская нация»¹. Краткий рассказ построен на новой политической мифологии, утверждаемой с того времени, когда в России был введен новый государственный праздник – День народного единства (4 ноября 2005 г.). Вехи повествования о рождении и развитии феномена «российской нации» неразрывно связаны с историей «российского национального государства как глобального цивилизационного проекта».

В рассказе выделено несколько опорных знаков: правление царя Ивана III, олицетворяющее «начало становления мощного централизованного российского государства»; Смутное время и его преодоление с помощью «единения народа, его ратной и трудовой доблести, совместной борьбы против иноземных захватчиков», которое стало «исторической демонстрацией единства полиэтничного и многоконфессионального российского народа, отправной точкой формирования российской гражданской нации»; Февральская революция, которая «открыла нереализованную в начале XX века демократическую страницу отечественной истории»; 2008 г., символизирующий «завершение двух президентских сроков национального лидера России В.В. Путина – утверждение российской нации и российского национального государства в XXI веке».

В повествованиях такого рода идея «российской нации» оказывается в тени идеи «российского национального государства». За пре-

¹ См.: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=41>

делами рассказа остаются атрибуты, которые в разных версиях воспроизводятся в определениях «российской нации» (политическое и духовное единство россиян, гражданская солидарность, общность духовно-нравственных ценностей и исторической памяти и проч.). Здесь не предполагается обозначение критериев включения в «российскую нацию» и исключения из нее, зато идея вечного противостояния «нации» внешним и внутренним угрозам звучит вполне отчетливо.

Диссеминация понятия «российская нация». В ходе государственно-партийного продвижения понятия «российской нации», официально трактуемого как «гражданская инициатива», выстраиваются разные способы коммуникации с различными аудиториями.

Для «народа» понятие коллективной идентичности трактуется эссенциалистски. «Для себя» государственная власть принимает позицию конструкционизма. Как подчеркивает Владислав Сурков: «Тот, кто говорит, формирует реальность»¹. Для «массы» транслируется формульное представление «российской нации» как «исторической и сегодняшней реальности» в виде информационно-медийного продукта, готового к потреблению. «Обществу» предлагаются практики «демократии участия», управляемые имитационные дискуссии с возможностями для конкурентных высказываний, внесения декоративных поправок и уточнений в понятие «российская нация» и «рассказы о нации».

Для «своих» акцент сделан на технологиях продвижения сконструированного продукта (как его продвигать, как включать в массовое сознание). Важная роль отводится пропагандистской деятельности идеологических клубов «Единой России» и предполагается активное включение в эту работу бюрократической и интеллектуальной элиты: «Для достижения успеха в этом направлении потребуются глубокое переосмысление концептуально-терминологического арсенала, связанного с пониманием содержания и методов утверждения атмосферы солидарной среды, а также, что не менее важно, создание мощного информационно-пропагандистского аппарата, оснащенного компетентными кадрами, способного во взаимодействии со средствами массовой информации эффективно работать

на формирование объединяющих всех россиян смыслов и ориентиров»².

Задачи продвижения и закрепления в общественном сознании готовых формул и рассказов о «российской нации» и «общенациональной идентичности» в значительной степени перекладываются на интеллектуальную элиту. В конце 2008 г. в Государственной Думе были проведены парламентские слушания на тему «Роль гуманитарных наук в формировании общероссийской идентичности», в которых приняли участие сотрудники научных институтов, преподаватели университетов России, редакторы научных журналов. Участники встречи пришли к общему мнению, что, «решить проблему идентичности, не привлекая гуманитарную науку и гуманитарное знание, невозможно... Общегражданская идентичность не возникает сама по себе. Это результат целенаправленных усилий всех общественных институтов: науки, образования, СМИ, общественных и политических организаций. А главное – государства»³.

Здесь обнаруживается некоторое противоречие между утверждением государственной власти о «российской нации» как реальности и высказываниями о том, что «общероссийскую идентичность» еще предстоит создавать. Однако оно снимается тезисом, составляющим важнейшую часть риторики власти: «российская нация» и «общероссийская идентичность» уже существуют реально в государстве и обществе, но граждане России это пока слабо сознают. Власть предлагает интеллектуальной элите роль трансляторов, «рассказчиков о нации»⁴, а не «проектировщиков нации», на которую рассчитывали многие ее представители в ходе дебатов о нации в начале 2000-х гг.

Российское государство и «партия власти» берут на себя функцию главных «демиургов» коллективной идентичности. Это по-

² Александров А. Российская нация – историческая реальность. 12.03.2008 (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&rText=1>).

³ Гуманитарные науки – инструмент достижения общенациональной идентичности (<http://www.spravedlivo.ru/news/7773.smx>).

⁴ «Партия "Единая Россия" выступила одним из организаторов недавно прошедшей научно-практической конференции "Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации". Конференция стала итогом социологического исследования в 14 субъектах Российской Федерации, проведенного по заказу Министерства регионального развития Российской Федерации. ...Проведенная работа стала важным шагом в направлении содержательной популяризации доктринальной категории политического курса В.В. Путина и Д.А. Медведева – идейно-политического понятия "российская нация". Цит. по: Султыгов А.-Х. Российская нация – это этнокультурное многообразие в гражданском единстве. 17.11.2008 (<http://edinros.er.ru/er/text.shtml?33978>).

¹ Сурков В. «Это тексты мои, а не власти» // Коммерсантъ. 28.04.2008 (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=79>).

нятие непрерывно нагружается все новыми идеологическими значениями. Так, родившаяся в структурах государственной власти мысль о необходимости создать «Концепцию сохранения духовного наследия Российской нации» представлена как политический проект «партии власти» и встраивается в «Стратегию развития России до 2020 года»¹. При этом одновременно наблюдается сдвиг к «прошедшему времени» — своеобразное возвращение к идеологической риторике «дружбы народов». Одно из свиде-

тельств тому — подготовка в Государственной Думе «окончательной редакции» документа «Концепции государственной национальной политики РФ» с соответствующими этнонациональными коннотациями. В процессе властного продвижения новой базовой установки «российская нация» она по своему идеологическому наполнению все больше начинает походить на «новую историческую общность — советский народ».

¹ «В контексте резкого обострения межкультурного противостояния решение о подготовке Концепции сохранения духовного наследия Российской нации в качестве политического документа своевременно и в высшей степени актуально. Очевидно, что в этом документе должны найти отражение вопросы обеспечения прав граждан и народов на культурную, цивилизационную российскую идентичность, как важнейшие условия реализации цивилизационной стратегии развития России до 2020 года». Цит. по: «Единая Россия» обеспечит право граждан и народов на российскую культурно-цивилизационную идентичность. 01.05.2008 (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=82>)

Владимир Румский

Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей¹

Понимание идентичности. В современной науке отсутствует единое толкование понятия идентичности. По-видимому, впервые использовал идентичность в качестве научного понятия Зигмунд Фрейд в своем труде «Толкование сновидений», впервые опубликованном в 1900 г., где он применил термины «идентичность восприятия» и «идентификация», а также обосновал положение о том, что сновидение поддерживает преэксистентность и идентичность личности индивида, что это вполне здоровое и нормальное явление психической жизни, восстанавливающее психическое равновесие с помощью переработки информации, полученной индивидом за день. По Фрейду, в сновидении проявляется бессознательное, которое не менее, а иногда и более существенно, чем сознание, определяет деятельность индивида. Зигмунд Фрейд показал значимость идентичности в функционировании человеческой психики, что способствовало активному изучению проблем идентичности в современной психологии и введенной им в человеческую культуру психоаналитике.

К настоящему периоду проблемы идентичности изучаются не только в психологии и психоаналитике, но также в социологии и философии, а концепции идентичности существенно различаются у разных авторов. В социологии это понятие стало объектом изучения и средством анализа социальных групп, социального поведения, разнообразных социальных процессов и явлений. Для большей определенности дальнейшего изложения опишем кратко то понимание идентичности, которое представляется наиболее адекватным задачам анализа воздействия использования сети Интернет на социальную активность и идентичность.

Идентичность — это состояние сознания индивида, в котором он по совокупностям тех или иных своих личностных характеристик узнает себя, признает устойчивость собствен-

ной личности, отделяет себя от окружающей его действительности, определяет свою принадлежность к той или иной социальной группе и, наоборот, признает невозможность принадлежности к другим социальным группам. Для индивидов идентичности — это источники значений, ценностей и основания для совершения ими социальных действий. Идентичность определяется многими совокупными характеристиками личности, имеющими биологическую, психологическую, социальную и культурную природу.

Идентичность обеспечивает единство личности индивида в течение длительного периода времени, позволяет ему быть самим собой в различных ситуациях. Но при этом идентичность постоянно меняется, обеспечивая адаптацию личности к изменениям окружающего ее социума, приводя к сосуществованию различных идентичностей индивида в одни и те же моменты времени, а в некоторых случаях и к кризисам из-за отставания адаптации идентичности к изменениям окружающей действительности. Идентичность является значимым фактором выживания человека как вида, приобретенным в процессе его эволюции.

Наиболее интенсивно идентичность индивида развивается в детстве и в подростковом возрасте, но ее развитие не останавливается до самой его смерти. Психическое развитие личности в первые дни и годы жизни определяется биологическими и социальными факторами. Идентичность начинает формироваться в первые минуты жизни, когда не сформированы вербальные структуры сознания. Поэтому основы идентичности никто не может описать вербально, поэтому вряд ли мы их когда-нибудь поймем.

Если взаимоотношения ребенка, родителей и ближайших родственников, находящихся с ним в постоянном контакте, складываются правильно, у ребенка формируется нормальная идентичность. Но сама эта норма является социально обусловленной, она определяется той культурой, в которой воспитывается ребенок, стереотипами взаимоотношений индивидов и их поведения в окружающем его социуме.

¹ Статья является дополненным и исправленным текстом выступления на симпозиуме «Пути России. Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения» (24 января 2009 г., Интерцентр-МВШСЭН, Москва).

Формированию адекватной для данного социума идентичности индивида мешает, например, в детстве, неспособность к идентификации с родителями, а в подростковом возрасте, напротив, неспособность к отказу от полной идентификации с ними, к дистанцированию от родителей. Это противоречие является одной из причин конфликтов подростков и их родителей, нередко приводит к личностным кризисам в пубертатном периоде развития индивидов.

Субъективно многие идентичности воспринимаются как социальные роли в коммуникации с другими индивидами. Усвоение тех или иных социальных ролей сопровождается формированием у индивидов соответствующих стереотипов поведения и оценок реальности, использования ими тех или иных практических схем. К примеру, игры помогают детям осознать сущности разных социальных ролей и сформировать собственную идентичность как принятие одних ролей и дистанцирование от других.

В современной науке идентичность является не только психологическим, но и социальным понятием, что позволяет изучать идентичности социальных групп и коллективные идентичности. Идентичность группы позволяет ее членам определять, кто принадлежит этой социальной группе, а кто нет. Поскольку индивиды в своей деятельности почти всегда взаимодействуют с представителями тех или иных социальных групп, они вынуждены постоянно подтверждать собственную идентичность и проверять идентичности других индивидов, т. е. постоянно осуществлять те или иные идентификации.

Идентификацию можно понимать как процесс, который приводит индивида или социальную группу к достижению состояния определенности их идентичности. Идентификация осуществляется во взаимодействиях индивидов, этот процесс и приводит к постоянному развитию идентичности при сохранении целостности личности, чтобы обеспечить успешную коммуникацию с другими индивидами. Благодаря идентификации индивиды включаются в систему социальных связей и отношений, а также определяют значимые для себя социальные группы, как правило, по признакам доверия, лояльности и солидарности с их членами¹. Принадлежность к значимым социальным группам позволяет индивидам реализовать свои разнообразные потребности в самосохранении, защите, признании, самореализации и другие,

что мотивирует индивидов на проведение идентификации. В процессе идентификации индивид либо распространяет свою идентичность на кого-то другого, либо заимствует идентичность от кого-то другого, либо смешивает, даже путает свою идентичность с идентичностями других. Идентичность включает в себя все значимые для личности идентификации, осуществленные в течение его жизни, и все постоянные, устойчивые социальные роли, которые индивиду приходилось исполнять. При этом идентичность преобразует результаты отдельных идентификаций в единую систему, уникальную для каждой личности.

Идентичность может пониматься как взаимное отражение индивидов в их сознании: изнутри – вовне и извне – вовнутрь. Индивид ощущает самого себя через социальные взаимодействия с другими, он как бы отражается в других и так понимает себя. Способность к отражению в социальных взаимодействиях является для человеческого индивида важнейшим условием формирования личности, а неудачи в поисках индивидами отзеркаливающих их объектов могут приводить к фрустрации, к ярости, к бессознательной агрессии. Такая бессознательная агрессия возникает, когда есть угроза значимого для индивида или социальной группы нарушения структуры идентичности или потери ее целостности. Агрессия в свою очередь может приводить к актам насилия представителей одних социальных групп против чужих для них представителей других социальных групп. Оправдываться эти акты насилия могут по-разному, но субъективно чаще всего оцениваются теми, кто применяет насилие как противодействие разрушению их идентичности. В подростковом возрасте и даже в средних и старших возрастах такая бессознательная агрессия приводит иногда к физическим столкновениям представителей разных социальных групп, а настоящий период – к актам ксенофобии и национализма. Причина таких социальных действий чаще всего в бессознательном, а не в тех обоснованиях своих действий, которые представители этих социальных групп высказывают публично.

Другим проявлением реакции бессознательного на неадекватность идентичности в советский и постсоветский период в нашей стране, по-видимому, является описанный Л.Д. Гудковым² перенос нашими гражданами недовольства

¹ См.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2008. С. 196.

² См.: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004.

жизненной неустроенностью на других и иных индивидов, независимо от реальных действий последних. В таких условиях развивается негативная идентичность, формируемая в противостоянии другим, «врагам», иностранцам и т. п. Существенное смягчение и даже исчезновение ситуации противостояния иностранцам и зарубежным странам после распада СССР многими российскими гражданами воспринимается болезненно, связывается с разрушением привычной идентичности, требует для восстановления привычной для них структуры идентичности хотя бы образа врага, если его нет в реальности.

Косвенным подтверждением необходимости для российских граждан образа врага могут служить представленные в таблице 1 ответы респондентов на вопрос «Есть ли враги у России?», который в течение многих лет включался в анкеты опросов Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра).

Таблица 1¹
ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОС «ЕСТЬ ЛИ ВРАГИ У РОССИИ?» (в % к числу опрошенных при каждом замере)

Варианты ответов	Год проведения опроса			
	1994	1999	2003	2008
Да	41	65	78	68
Нет	22	14	9	14
Затрудняюсь ответить	37	22	14	18
Число опрошенных	3000	2000	2000	1500

Как видим, в 1994 г. существенно меньше респондентов (41%), чем в 2008 г. (68%), утверждали, что у России есть враги. Кроме того, в 1994 г. на этот вопрос довольно многие респонденты затруднялись ответить (37%), в последующие годы затруднений с ответом стало существенно меньше (в 2008 г. – 18%). Возможно, такая определенность более 2/3 респондентов связана с изменением международной обстановки в период с 1994 по 2008 гг., например, с ростом опасности терроризма. Но весьма вероятно и то, что необходимость образа врага для поддержания системности идентичности создала запрос на его образ у большинства российских граждан, а элиты через средства массовой информации способствовали реализации этого запроса в общественном сознании.

При этом результаты исследований не подтверждают представление о том, что такая негативная идентичность будет в нашей стране наблюдаться все реже с уходом из жизни пред-

ставителей старших возрастов. Причина в том, что для подростков и молодежи негативная идентичность тоже становится значимой, если их социализация проходит в окружении носителей негативной идентичности.

Стабильность и изменчивость идентичностей в постсоветской России. Необходимость образа врага для обеспечения системности идентичности большинства российских граждан сходна с идентичностью советских граждан времен существования СССР. Тем не менее большинство идентичностей российских граждан являются нестабильными, постоянно подверженными изменениям.

Стабильными, по данным исследований Института социологии РАН периода 1992–2002 гг., оставались только идентификации с ближним кругом общения, включая семью, друзей и коллег, а идентификации с более широкими социальными общностями были нестабильными. Особенно заметные изменения в ходе проведения исследований наблюдались в идентификациях по критерию соотнесения себя с тем или иным социальным слоем².

Этот вывод соответствует данным Левада-Центра, представленным в таблице 2, о том, кем осознают себя с гордостью российские граждане.

Легко видеть, что наиболее стабильны идентификации российских граждан с ролями отца или матери, сына или дочери, хозяина в своем доме, специалиста в своем деле, соответствующими наиболее близким для респондентов социальным общностям. Весьма стабильными являются идентификации с ролями гражданина России и русского человека, по-видимому, в силу того, что они социально одобряемы в современной России и постоянно поддерживаются деятельностью публичных политиков, руководителей государства и средствами массовой информации. Вероятно, теми же воздействиями объясняется и существенный рост идентификации с ролями сына или дочери своего народа. Очень динамично рос уровень идентификации с ролью жителя своего города, села, района, что, по-видимому, объясняется запросом российских граждан на некоторое расширение идентификации и наиболее понятным способом реализуется в идентификации себя с жителями близких территориальных общностей.

¹ Общественное мнение – 2008. М.: Левада-Центр, 2008. С. 137.

² См.: Данилова Е., Ядов В. Контекстуально-лабильная социальная идентичность – норма современных динамичных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10.

Таблица 2⁶

Ответы на вопрос «КЕМ ВЫ ОСОЗНАЕТЕ СЕБЯ С ГОРДОСТЬЮ, ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРИБАВЛЯЕТ ВАМ УВАЖЕНИЯ К СЕБЕ? (ОТМЕТЬТЕ ВСЕ, ЧТО ПОДХОДИТ)» (в % от числа опрошенных при каждом замере; прочерки означают, что вариант ответа в этом году респондентам не предлагался)

Варианты ответов	Год проведения опроса			
	1989	1999	2003	2008
Отцом (матерью) своих детей	42	57	56	53
Сыном (дочерью) своих родителей	18	24	27	33
Хозяином в своем доме	15	32	32	30
Хозяином на своей земле	11	9	9	11
Жителем своего города, села, района	11	21	35	34
Сыном (дочерью)/частью своего народа	8	10	8	30
Специалистом в своем деле	22	23	23	22
Советским человеком	31	13	14	12
Гражданином России	–	–	45	47
Верующим человеком	4	7	11	15
Русским человеком	–	43	49	50
Членом своего кружка, компании	3	3	8	4
Работником своего предприятия, учреждения	9	9	13	9
Человеком своего поколения	12	19	25	20
Человеком, занимающим видное положение	0	2	2	1
Человеком, достигшим своим трудом материального благополучия	–	9	9	20
Представителем рода человеческого	9	9	13	8
Ветераном Великой Отечественной войны	7	2	2	1
Участником войны в Афганистане	4	1	1	0
Участником великих строек, стахановцем, целинником	2	2	1	–
Участником национального движения, Народного фронта	0	0	1	–
Членом КПСС/коммунистом	2	3	2	2
Участником демократического движения/демократом	–	0	2	1
Либералом	–	–	–	0
Патриотом своей страны	–	–	16	16
Сторонником президента В.Путина	–	–	7	9
Другое	1	1	1	
Затрудняюсь ответить	15	8	3	4

Можно сделать вывод, что новые идентичности у российских граждан формируются двумя основными способами: через постепенное включение себя в территориальные общности и через формирование новых символов включенности в самые широкие социальные общности типа «российских граждан» и «сыновей или дочерей своего народа». Но эти последние социальные общности остаются для российских граждан во многом символическими, при-

надлежность к ним чаще всего не предполагает включения в какие-то дополнительные виды деятельности, не влечет дополнительных обязательств, дополнительной ответственности, обязанности проявлять доверие, лояльность и солидарность по отношению к членам этих социальных общностей. Поэтому такие изменения идентичности, осуществляемые обоими описанными выше способами, не приводят у российских граждан к существенным изменениям социальных практик, особенно привычных и повседневных.

В их социальные практики постепенно, но довольно активно в последние годы включается разнообразная активность в сети Интернет.

¹ Данные опроса Левада-Центра за 2008 г. предоставлены автору Б.В. Дубиним, остальные см.: Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. С. 137.

И эта активность, напротив, существенно изменяет идентичности, повседневные и некоторые другие социальные практики. Чтобы показать, как это происходит, начнем с описания изменений социальнойности в условиях постмодерна. Эти условия сформировались не на всей территории России, но в них живет и действует подавляющее большинство наиболее активных наших граждан. Именно они начинают и своей деятельностью распространяют новые социальные практики и новые идентичности в социальные группы, к которым они не принадлежат. Поэтому анализ деятельности этих активных граждан может помочь понять тенденции ближайшего развития идентичностей в российском обществе в целом.

Постмодерн и новые закономерности социальнойности. С развитием постиндустриальной экономики в социумах возрастает культурное и социальное многообразие, и потому унификация идентичности перестает быть социальной нормой. Попытки осмысления этих социальных процессов привели в 60–70-х гг. XX в. к кризису в социальных теориях, а его осмысление — к широкому использованию в социальной науке концепции постмодернизма.

Современное состояние общества в соответствии с этой концепцией может быть описано понятием «постмодерн», а состояние осознающего его сознания — понятием «постмодернизм». В своем буквальном значении постмодерн означает то, что наступает или наступило после (приставка «пост») современности (корень «модерн»). Странники концепции постмодернизма, тем не менее, не всегда пытаются уточнить, что они имеют в виду под «современностью» и под «постсовременностью». Обычно началом современной эпохи считается начало эпохи Возрождения, т. е. распад феодального общества в Европе, а началом постмодерна — рубеж XIX и XX вв., когда были замечены его первые проявления. Массовыми проявлениями постмодерна в развитых странах стали через несколько десятилетий, примерно с 60–70-х гг. XX в.

Наиболее ярко состояние постмодерна представлено в современной культуре, именно эти проявления первыми были замечены исследователями. Но явления постмодерна существуют и в политике, экономике, общественной жизни. Суть постмодерна в состоянии радикальной плюральности, в высокой степени индивидуализма в мотивах, целях и результатах деятельности индивидов. В условиях постмо-

дерна динамичность, изменчивость идентичности становятся закономерными, а потому постоянно меняются смыслы и ценности индивидов, их совокупности представлений о социальной реальности.

Постмодернизм не представляет какой-то единой концепции, а развивается в нескольких не связанных друг с другом проектах, для сторонников которых наиболее существенны их отличия, а не сходство. Унификация постмодернизма как социальной теории не является ценностью для его последователей. Такой подход создает существенные проблемы для социальных теорий, которые пытаются использовать концепцию постмодернизма: такие теории с высокой вероятностью распадаются на отдельные несвязанные направления в составе постмодернистских проектов.

И тем не менее, опыт постмодерна с 60–70-х гг. XX в. можно считать хорошо описанным, а многие его закономерности, не сводящиеся к описанным ранее в социальной науке, известны. В частности, в постмодерне отсутствует определенность в отделении субъектов от объектов социальной деятельности. Субъекты и объекты в постмодерне связаны символами и знаками деятельности, представляющими не всегда осознаваемую структуру социальных связей, необходимых для ведения той и или иной деятельности или возникающих в ходе ее осуществления.

Под влиянием философских концепций структурализма и постструктурализма постмодернисты отождествили сознание человека с письменным текстом, считая только текст более или менее достоверным способом фиксации человеческого сознания. Из этого положения был сделан вывод, что литература, культура, общество, история и даже сам человек могут быть прочитаны как тексты. И тогда вся человеческая культура представляется единым текстом, называемым интертекстом, в котором все человеческие индивиды являются и авторами, и читателями. Никакой автор не может претендовать на выделение собственного вклада в интертекст, он скорее просто по-новому скомбинировал ранее написанные цитаты, а потому авторство, субъектность в создании текста, представляется постмодернистам проблематичным. Но тексты существуют в процессе их чтения, а этот процесс формирует у читателя аналогичное автору постоянно меняющееся сознание, состоящее из аналогичных цитат. Эти цитаты составляют основное содержание коммуникации индивидов, по форме являющейся

обменами текстами с разнообразными ссылками между цитатами. Такое сознание в профессиональной среде журналистов и специалистов по связям с общественностью нередко называют «клиповым», потому что оно включает многократно повторяемые рекламные слоганы и образы, объединяемые в короткие видеосюжеты, называемые клипами.

Такое клиповое сознание характерно и для пользователей сети Интернет, которая включает аудио- и видеоинформацию, но во многом остается пространством распространения текстов, чаще всего коротких цитат, в разных модификациях и комбинациях появляющихся на разных сайтах. В современном Интернете действительно стирается граница между авторами и читателями, потому что в настоящий период практически любой его пользователь может открыть свой блог¹, на котором сможет размещать любую собственную информацию, читать комментарии к ней посетителей своего блога, отвечать им на их комментарии и т. п. При этом в сети Интернет очень легко при написании любого текста вставить в него любую найденную цитату. В результате в современном Интернете появились владельцы блогов («блоггеры»), постоянно обозревающие различные сферы деятельности, происходящие события, новости и т. п. Некоторых таких блоггеров читают тысячи посетителей их блогов ежедневно, журналисты традиционных средств массовой информации узнают в таких блогах детали происшедших событий, вставляют в свои публикации фрагменты комментариев из таких блогов и т. п. Происходящее в современных блогах довольно точно соответствует манипуляциям с интертекстом, описанным постмодернистами. При этом традиционные средства массовой информации теряют популярность и влияние, а в попытках удержать их тоже вынуждаются распространять клиповое сознание, например, в газетах с помощью резкого уменьшения размеров статей, крупных запоминающихся заголовков, являющихся почти всегда цитатами, образного представления информации через фотографии, рисунки, диаграммы, инфографику и т. п.

¹ Блог (англ. *blog*, от «web log», «сетевой журнал или дневник событий») – это веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости, отсортированные в обратном хронологическом порядке (последняя запись сверху). Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в отзывах к блог-записи или своих блогах). (Википедия, <http://ru.wikipedia.org/wiki/Блог>).

В ситуации постмодерна, в частности, в связи с описанной концепцией интертекста, подавляющее большинство индивидов занято воспроизводством, репродуцированием, копированием, а не производством. Производством занимаются очень немногие избранные, высококлассные специалисты, которые способны разрабатывать идеи и образцы для тиражирования. В большинстве случаев разработанные такими специалистами образцы не отличаются или почти не отличаются от получающих массовое распространение копий. Особенно заметно это в сфере современной информатики: компьютерные программы разрабатываются высокопрофессиональными программистами, но они являются нематериальными продуктами их деятельности, копии которых абсолютно идентичны образцам, и эти копии каждый пользователь, возможно, за определенную плату, может получить, использовав сравнительно несложную и доступную подавляющему большинству индивидов процедуру копирования файлов программ. Безусловно, пользователь копирует эту программу на какой-то материальный носитель информации, он может быть разным у разных пользователей, может испортиться и т. п. Но программа как нематериальный продукт остается одинаковой у ее разработчика и у любого пользователя, она только распространяется на материальном носителе информации. В современной сети Интернет в соответствии с концепциями постмодернистов очень распространен обмен файлами с музыкальными композициями, видеофильмами, программами, книгами в электронном виде и т. п.

Постмодерн не доверяет так называемым глобальным объяснительным концепциям – «великим сказаниям» или «метарассказам» в терминологии Жана-Франсуа Лиотара. Он утверждает, что постмодернизм не доверяет никаким метарассказам², которые служат только для самооправдания их распространяющих. Поэтому постмодернисты не верят ни в какую объективность, точнее, предполагают, что таких объективностей может быть много – у каждого субъекта своя. Бессмысленно выяснять то, каким является мир в действительности: действительность такова, какой ее представляет тот или иной субъект в своем восприятии, в своем воспроизводстве тех или иных существенных для него особенностей. Характеризуя науку постмодерна, Жан-Франсуа Лиотар

² См.: *Lyotard J.F. La Condition postmoderne: rapport sur le savoir. Collection «Critique».* P.: Editions de Minuit, 1979. P. 7.

утверждает, что наука постмодерна занята «поисками нестабильностей», а не детерминистских закономерностей. Он приводит пример «теории катастроф» французского математика Рене Тома, изучающей то, что противостоит понятию «стабильная система»¹. Логически рассуждая, Лиотар приходит к выводу о том, что любое общепринятое мнение или концепция представляет опасность для человека, если он будет принимать их на веру. Тогда его сознание может быть поглощено буржуазной «системой ценностей», представленной в соответствующих метарассказах. Спасение Жан-Франсуа Лиотар видит в эклектизме, действительно ставшим очень распространенным в современном обществе. А эклектизм приводит к тому, что ценность произведений искусства при отсутствии эстетических критериев определяется прибылями, которые они могут принести при продажах². Аналогичные процессы происходят и в других сферах деятельности, где распространяется эклектизм: при отсутствии содержательных критериев полезности продуктов и услуг, полезность определяется прибылями, которые они могут приносить при продажах. Последний вывод Лиотар не делает, возможно, потому что он противоречит его же противостоянию буржуазной «системе ценностей», в которой полезность в подавляющем большинстве случаев определяется именно деньгами.

В ситуации постмодерна исчезает противоположность настоящего, естественного и искусственного. Благодаря таким жанрам, как перформанс или инсталляция, переход от искусства к жизни оказывается либо незаметным, либо вовсе несуществующим. В политике, благодаря репродуцированию идеологий, более не связанных с «социальным бытием», снимается различие между правыми и левыми политиками и политическими партиями. Различие истинного и ложного в общественном мнении — в среде средств массовой информации, прежде всего, — перестает быть значимым; значимой является лишь сенсация. Но и сенсации в средствах массовой информации создаются специально и демонстрируются в своеобразных информационных шоу на телевидении, радио, в сети Интернет, в газетах. Полезность и бесполезность объектов, красивое и безобразное в моде — эти и многие другие противополож-

ности, определявшие ранее жизнь человека, теперь сглаживаются и исчезают. И главное, что исчезает, — это различие между реальным и воображаемым, они представляются равноценными и равнозначимыми в сознании человека. Копию и оригинал, правое и левое в политике, истину и ложь в средствах массовой информации практически невозможно отличить.

Как Интернет воздействует на идентичности.

При переходе от модерна к постмодерну существенно увеличивается неопределенность социальных процессов и явлений, в них наблюдаются проявления случайности, многовариантности и альтернативности. Поэтому изучение социальности в постмодерне затруднено, в сравнении с изучением социальности в модерне, для которого и были разработаны большинство современных социологических теорий, обладающих высокой степенью обобщения. Как уже было показано выше, сеть Интернет во многом эти особенности постмодерна поддерживает и развивает. Поэтому исследований социальности в сети Интернет, позволяющих подтверждать эмпирически замеченные закономерности, сравнительно немного. Дальнейшее изложение можно считать описанием гипотезы, которая пока получила только некоторые косвенные подтверждения, но, по-видимому, достаточно хорошо объясняет воздействие сети Интернет на идентичности.

Сеть Интернет является содержательно и функционально богатым средством информационной деятельности и коммуникации, которые всегда происходят в тех или иных социальных группах. Эти группы объединяет в сети Интернет общая деятельность по работе с информацией и коммуникация по близким интересам и приоритетам. Чаще всего члены таких социальных групп не встречаются в реальном мире, их объединяет только их активность в сети Интернет. Такие социальные группы можно назвать виртуальными, поскольку коммуникация в них создается и поддерживается только средствами компьютерной техники и компьютерных сетей, которые для обеспечения восприятия информации пользователями имитируют для них привычные для восприятия материального мира ощущения. Виртуальная среда сети Интернет по преимуществу воздействует на зрение и слух пользователей.

Виртуальный характер социальных групп пользователей сети Интернет не отменяет их социальные характеристики. И потому коммуникация в виртуальных сообществах, как и в ре-

¹ Ibid. P. 96.

² См.: Lyotard J.F. Answering the Question: What is Postmodernism? // Innovation/Renovation: New Perspectives on the Humanities. Madison: University of Wisconsin Press, 1983. P. 334–335.

альных, является невозможной без формирования и развития идентичностей. Несмотря на то, что коммуникация в сети Интернет опосредована техническими средствами, она осуществляется между человеческими индивидами, каждому из которых необходимо определить свою принадлежность сообществу, принять его ценности, найти свои роли в этом сообществе, определить свои сходства и отличия от других его членов и т. п. Иначе участие в виртуальной коммуникации будет проблематичным, сообщество будет отвергать индивида, не сумевшего сформировать адекватную этому сообществу идентичность. Идентичность в информировании формируется через интериоризацию пользователями сети Интернет получаемых из нее установок, представлений, стереотипов мышления, суждений, мнений, оценок, приоритетов, вкусов, образов жизни, особенностей деятельности и т. п.

Информация, находящаяся в сети Интернет и воспринимаемая ее пользователями, настолько разнообразна, что каждый из них способен найти в ней сведения, максимально точно соответствующие интересам и приоритетам индивидов. Сама информационная среда сети Интернет в этом смысле формирует определенные качества идентичности каждого ее пользователя через процедуры отбора информации, участия в формировании новостей и информировании других, в комментировании, в ведении блогов, дневников и т. п. Возможно, пользователям сети Интернет кажется, что они полностью управляют тем, какую информацию из Сети они воспринимают или создают в ней. Отбор только необходимой пользователю информации в сети Интернет сильно затруднен обилием рекламы, предложений выбора других аналогичных сайтов, новостей или текстов для прочтения, музыки для прослушивания, видео для просмотра. Поэтому в действительности подавляющее большинство пользователей подчиняются информационным воздействиям Интернета на них, их интересы, приоритеты и даже деятельность во многом направляется теми сведениями, которые они получают из сети Интернет. Но каждый пользователь своими предпочтениями тоже влияет на контент и информацию, циркулирующую в Интернете. При этом его предпочтения сформированы под сильным влиянием просмотренного им контента. Если еще учесть, что, несмотря на наличие в сети Интернет звуковой и видеоинформации, большинство сообщений и управляющих воздействий на программы и аппаратуру, выпол-

няющие запросы пользователей сети, являются текстовыми, то можно утверждать, что сеть Интернет является довольно развитой моделью интертекста, описанного постмодернистами.

С другой стороны, Интернет является интегрированной средой, в которой текстовые описания комбинируются с визуальными образами и звуками, а потому конструирование идентичностей происходит под воздействием комбинаций вербальных описаний, видео- и аудиообразов. Такое комбинированное воздействие на органы чувств приводит к усилению информационных воздействий Интернета на сознание его пользователей.

В настоящий период ведущую роль в формировании идентичности в сети Интернет играют, по-видимому, вербальные, словесные, текстовые конструкции, поскольку они наиболее распространены и легче всего поддаются модификации пользователями. Текстовая коммуникация в сети Интернет является во многом анонимной, поскольку пользователи могут сообщать о себе только отрывочные сведения или не сообщать ничего, кроме имен, так называемых «никнов», используемых для идентификации сообщений. В реальном мире коммуникация человеческих индивидов всегда содержит невербальную составляющую, даже если основная информация передается в вербальной форме. Невербальная информация в человеческой коммуникации позволяет придавать более точный смысл вербальным сообщениям, более адекватно интерпретировать их содержание. Интернет-коммуникация лишает пользователей невербальной составляющей коммуникации с весьма неоднозначными последствиями. В частности, в Интернет-коммуникации, искажается смысл сообщений, расширяется возможность манипулирования сознанием тех, кто воспринимает информацию того или иного пользователя, появляется возможность вести коммуникацию в каких-то новых ролях, которые невозможно исполнить в реальной жизни. Эти новые роли дают пользователям возможности присваивать, пробовать, примерять к себе такие идентичности, которые в реальной жизни были бы невозможно продемонстрировать окружающим, поскольку невербальные составляющие коммуникации эти идентичности разрушали бы. А в сети Интернет создание и использование таких идентичностей, которые можно назвать виртуальными, поддерживаются программными и аппаратными средствами, а главное — складывающимися социальными практиками.

Анонимность и ограниченный сенсорный опыт Интернет-коммуникации порождают для индивидов возможности экспериментирования с собственными идентичностями, создания идентичностей, отличающихся от реальных. Мотивы такого экспериментирования с идентичностями различны у разных индивидов, они могут быть связаны с адаптацией личностей к изменениям окружающего социума, который, с одной стороны, переносит коммуникацию в сеть Интернет, а с другой — в реальном мире задает индивиду ограничения для самокатегоризации.

Государство структурирует социальную активность в реальном мире и определяет легитимные практические схемы для граждан. Российское государство при этом отчуждает граждан от политики, не допуская их участия в решениях стратегических и общественно значимых проблем, только сообщая им уже принятые политические и государственные решения, стремясь полностью определить результаты выборов до их начала, вводя в действие нормы законов, которые не решают заявленных проблем и которые невозможно исполнить, и т. п. Заметной социальной реакцией многих активных групп нашего общества на такое отношение к ним государства стало обсуждение политики в блогах сети Интернет и протестная активность в реальном мире. Нередко представители активных социальных групп занимаются и тем, и другим. Но в реальном мире протестная активность проявляется существенно реже и у меньшего числа граждан, чем их виртуальная активность в обсуждениях политики в блогах сети Интернет. И эта виртуальная активность формирует соответствующие идентичности, как позитивные (членов сетевых сообществ), так и негативные (тех, кто не включается в те или иные сетевые сообщества, намеренно противопоставляет себя им).

Ограничения для самокатегоризации задает индивиду не только государство, но и общество через систему моральных и нравственных норм, общепринятых стереотипов поведения, социальных ограничений и запретов, принятых в той или иной культуре. В отличие от реального, информационный, виртуальный мир представляется индивидам принципиально безграничным. В результате их активности в сети Интернет сформированный в ней виртуальный информационный мир стал сильно дифференцированным по приоритетам и интересам, он позволяет индивидам включаться в такие социальные группы, в которые в реальном мире

включиться затруднительно или просто невозможно, он позволяет формировать новые, виртуальные идентичности по наборам очень условных признаков. Их условность вполне соответствует практикам постмодерна: в среде Интернет не требуется подробного описания и осознания новых идентичностей, поддерживается много их копий, никакая из которых не должна считаться истинной, считаться оригиналом идентичности. Наиболее просто для пользователей сети Интернет создавать свои новые идентичности в текстовой коммуникации. Для этих целей обычно оказывается достаточным назвать себя каким-то условным именем, часто псевдонимом (ником), и при регистрации в том или ином сетевом сообществе сообщить о себе очень ограниченный набор социальных характеристик, которые чаще всего никто не будет проверять на соответствие реальной личности члена сетевого сообщества.

Для работы в сети Интернет не требуется предъявления оригинала идентичности по типу предъявления паспорта гражданина — сетевые сообщества сами устанавливают те наборы признаков, которые необходимы для членства в них. И сетевые сообщества, как правило, не интересуются тем, какие еще идентичности имеют их члены. Такая ситуация в сети Интернет создает существенно большую свободу создания и использования идентичностей, чем в реальном мире, что, тем не менее, не означает полного снятия социальных ограничений, потому что индивиды остаются членами социума, прошедшими тот или иной процесс социализации. Но в рамках того, что индивид может себе вообразить, Интернет позволяет сформировать идентичность без ограничений, а также использовать одновременно несколько сильно различающихся идентичностей. Более того, если в реальном мире переход индивида из одной значимой для него социальной группы в другую нередко связан с кризисами и проблемами сознания, в сети Интернет переход из одного виртуального сообщества в другое происходит очень легко и позволяет преодолевать ограничения идентификаций с теми или иными сообществами.

Пользователи сети Интернет используют возможность экспериментирования с идентичностями очень по-разному. В Интернете можно, в частности, изменить свой образ, максимально приблизив его к желаемому, сделать его соответствующим идеалу. При этом можно полностью редуцировать невербальные проявления своего образа и в результате обеспечить почти

абсолютный контроль его восприятия другими пользователями. В виртуальном мире Сети можно менять свой пол и осваивать роли противоположных полов, что в реальном мире достигается с большим трудом и большими затратами ресурсов, а в виртуальном мире производится довольно легко. Пользователи Интернета могут формировать новые идентичности и для целей более полной реализации личности, а не для манипулирования сознанием других пользователей. В частности, уже нередкими становятся случаи, когда пользователи сети Интернет осуществляют в ней реализацию себя в профессии, в реальном мире им недоступной по каким-либо причинам: журналист, спортивный или политический комментатор, эксперт и т. п.

В силу высокого уровня информационного разнообразия индивиду в сети Интернет реализуют возможности, отсутствующие в реальном мире, практически любые свои мечты и представления, ограниченные только тем, что их реализация возможна лишь на информационном уровне. Интернет-коммуникация, ограниченная почти исключительно информационной деятельностью, оказалась очень адекватной практике постмодерна, в которой социальной нормой становится незавершенность, открытость личности и, соответственно, идентичности; воспроизведение и копирование — приоритетными видами деятельности; проекты и инсталляции заменяют объекты и т. п. Интернет-среда поддерживает мозаичность социума, характерную для постмодерна, и активность небольших социальных групп, чаще всего только виртуальную, в сети Интернет. В реальном мире многие такие активные социальные группы не могут существовать, в частности, из-за территориальной разделенности входящих в них индивидов, ограничений и даже невозможности установления их коммуникации в реальном мире в силу незавершенности их идентичностей, их отклонений от реальных образов индивидов и т. п. В результате активность представителей таких социальных групп в сети Интернет способна заменить и в большей или меньшей степени заменяет их активность в реальном мире.

У современных индивидов, постоянно работающих в сети Интернет, сознание раздваивается: по идентичностям в реальном мире они чаще всего продолжают традиции реального социального мира, а в виртуальном — нередко полностью от них отказываются, используя очень нетрадиционные идентичности. Перенос таких виртуальных, сетевых идентичностей в реаль-

ный мир затруднен в силу их фрагментарности, незавершенности, несоответствия реальным социальным ролям индивидов. В большинстве случаев их попытки переноса своих виртуальных идентичностей в реальный мир требуют их доведения до состояния завершенности, что способно просто разрушить нормально существующие в сети Интернет идентичности. Например, очень редко активным пользователям, ведущим свои блоги в сети Интернет, удается стать профессиональными журналистами традиционных средств массовой информации — газет, журналов, радио или телевидения. В качестве профессиональных журналистов такие блоггеры, как правило, становятся неинтересными аудиториям традиционных средств массовой информации и не могут повторить успехи в сети Интернет.

Распространение нового опыта формирования и использования идентичностей происходит, тем не менее, не только в среде Интернет. Активные ее пользователи распространяют такой опыт за ее пределы по своим каналам социальной коммуникации. Средства массовой информации в целях удержания внимания аудиторий активно способствуют распространению этого опыта и, соответственно, клипового сознания, изменяя макеты печатных изданий, публикуя информацию из сети Интернет, меняя способ подачи информации и т. п. Так реклама на телевидении во многом использует отработанные в сети Интернет методы воздействия на потребителей, которые, адаптируясь к этой рекламе, в свою очередь, постепенно меняют свои идентичности. В частности, в российском обществе активно формируется и используется практически отсутствовавшая в советский период идентичность потребителя, который постоянно занят выбором, приобретением и оплатой необходимых ему товаров и услуг. Реклама на телевидении не нравится большинству телезрителей, но она действует на их сознание, приводя к потребительскому выбору почти исключительно того, что рекламируют. Частный бизнес использует эту особенность сознания современных потребителей, способствует формированию у них новых идентичностей, проявляющихся, например, в лояльности тем или иным торговым маркам и брендам. Индустрия моды и современный маркетинг способствуют оформлению новых идентичностей как завершенных и достаточно богатых невербальной информацией и образцами для подражания. Кинофильмы, созданные с применением современных компьютерных эффектов и с

использованием тех или иных особенностей виртуальных идентичностей, снимают в сознании зрителей некоторые социальные ограничения идентичностей и формируют новые факторы их развития. В результате в сознании индивидов закрепляются новые идентичности, возникшие и начавшие свое развитие в сети Интернет, и таким образом эти новые идентичности постепенно переносятся в реальный социальный мир, в первую очередь в сферу потребления.

Социальные эффекты от формирования и использования виртуальных идентичностей и затрудненного, но постепенно происходящего процесса их переноса в реальный мир, по-видимому, невозможно однозначно оценить как позитивные или негативные. Позитивным является рост возможностей самореализации индивидов за счет освоения новых идентичностей и ролей в сети Интернет. К позитивным эффектам можно отнести и расширение возможностей коммуникации индивидов с использованием сетевых технологий, в частности, то, что территориальность перестает быть ограничением для такой коммуникации. Этот эффект пока не получил адекватной оценки в современной социологии, многие концепции которой до сих пор связывают социальность с территориальностью, отказывают фактически сетевым сообществам в праве относиться к реальным социальным группам. Практика развития идентичностей показывает, что для многих современных индивидов принадлежность к сетевым группам является более реальной, чем принадлежность к тем группам в реальном мире, в которые их включают социологи.

Не менее значимы и негативные эффекты от формирования и использования виртуальных идентичностей. Большинство таких явлений уже заметны в обществе, но пока не доминируют в нем. В частности, в сети Интернет многие индивиды формируют у себя устойчивые идентичности игроков в сетевые или компьютерные игры. Для таких игроков характерно возникновение так называемой игровой зависимости, являющейся, скорее всего, заболеванием, которое сознанием игроков определяется как норма. Проявляется такая игровая зависимость в постоянном желании играть в сети Интернет

нередко в ущерб своей активности в реальном мире. У пользователей Интернета может формироваться похожая Интернет-зависимость, при которой коммуникации ради общения становятся сверхценными, индивиды испытывают беспокойство, если относительно долго не входят в Сеть, не проверяют сообщения в блогах и электронной почте, не просматривают новости и т. п. Эти формы зависимости по своим социальным проявлениям во многом аналогичны ранее возникшим зависимостям от курения, алкоголя и наркотиков. Игровая и Интернет-зависимость реализуются современными информационными технологиями, но так же снижают социальную активность индивидов, как алкогольная и, особенно, наркотическая. Особенно опасны игровая и Интернет-зависимости для детей и подростков, у которых идентичности активно формируются и потому являются незавершенными, что способствует существенному сужению их интересов и приоритетов, направлению их на виртуальную реальность и на внутренние психические переживания в ущерб активности в реальном мире.

Манипуляции сознанием пользователей Интернета через стимулирование их виртуальной активности способны маргинализировать пользователей: приводить их в маргинальные социальные группы типа фашистов и бритоголовых, в маргинальные религиозные секты, способствовать усвоению пользователями маргинальных идеологий национализма и ксенофобии. В силу незавершенности идентичностей дети и подростки особенно сильно подвержены таким воздействиям на их сознание, а при этом именно они наиболее активно, в сравнении с представителями более старших возрастов, осваивают сеть Интернет. Поэтому распространение практик работы в Интернете способствует в настоящий период росту числа членов молодежных националистических, фашистских и других маргинальных группировок.

Дальнейшие углубленные исследования идентичностей в сети Интернет, а также позитивных и негативных эффектов их воздействия на социум могут показать, насколько значимыми являются и станут в ближайшем будущем описанные выше социальные процессы и явления.

Леонид АШКИНАЗИ
Марина ВЕКШТЕЙН

Национальные предпочтения при аренде жилплощади в Москве, или «Кроме ККА и Азии»

Госдума постановила, что есть две национальности: «русские» и «понаехали тут».
Анекдот

Цель данной работы — изучение декларируемых национальных предпочтений при аренде жилплощади в Москве, зависимость этих предпочтений от стоимости площади и национального состава жителей района. Материалом изучения являются объявления на крупных риэлтерских сайтах. Методика применима к любому городу или стране в целом при наличии соответствующей информации в Интернете.

При качественном сопоставлении цен продажи и аренды жилых помещений в Москве (даже если исходить из относительно малоинформативных «средних» цифр) с национальным составом жителей района становится очевидна корреляция: чем район «дешевле», тем в нем выше концентрация приезжих. Что здесь является причиной, а что следствием и корректна ли вообще такая постановка вопроса? При достаточно разившемся процессе понятия причины и следствия могут быть и не применимы, тем более, что «дешевым» район может оказаться и потому, что в нем преобладает дешевая застройка, и потому, что он неухоженный, грязный, с плохой инфраструктурой, и потому, что состав жителей (видимый и слышимый на улице) отпугивает относительно более состоятельных покупателей. Вдобавок качество инфраструктуры и чистота могут сами начать со временем определяться составом жителей как через непосредственное их влияние, так и через деятельность местных властей.

Но в начале процесса сегрегации причины и следствия могут быть определены легче. Так, по мнению О.И. Вендиной, расселение определяется стоимостью жилья, т. е. качеством застройки, а также рынком труда и притяжением к «своим». Однако силу связей определить трудно, и она изменяется со временем. Расселение коррелирует, например, с размещением вещевых рынков, но другие рынки труда не привязаны к районам города или привязаны иначе.

Или: приезжие действительно в среднем снимают более дешевые квартиры, однако будучи ограничены во времени поиска и сталкиваясь с отторжением, они вынуждены платить не торгуясь или больше, т. е. влияют на цену квартир, но только в нижнем ценовом сегменте и в сторону ее увеличения.

С развитием процесса сегрегации должен наступать момент, когда национальный состав района начнет непосредственно влиять на цену жилья, понижая статус района. Объективно изучить этот процесс было бы можно, сопоставляя цены на одинаковые по всем параметрам квартиры в разных по национальному составу районах. Сделать такой анализ трудно как потому, что трудно найти одинаковые квартиры, так и потому, что цена, по которой уходит квартира, не всегда совпадает с той, по которой она выставляется, а эта последняя определяется не только риэлтером, который чувствует рынок, но и хозяином — его потребностью в деньгах и желаемой скоростью сдачи. С другой стороны, можно в принципе ожидать, что при высокой концентрации приезжих отторжение их начнет снижаться. Такую ситуацию можно было бы считать признаком образования «национальных районов».

Поэтому мы исследовали корреляцию между национальным составом района и национальными предпочтениями сдатчика, выраженными в объявлении («только славянам», «кроме Азии и Кавказа» и т. п.) Национальный состав определяли по данным О.И. Вендиной¹. Предпочтения хозяев при аренде возникают из-за неуверенности в сохранности квартиры, отсутствии трений с соседями, которые могут

¹ См: Вендина О.И. Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований; Институт географии РАН, 2005; (<http://www.migrocenter.ru/publ/vendina/vendina.pdf>), а также: Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. 2004. № 3. С. 52–64.

кончиться обращением в налоговую инспекцию, и милицией, аккуратности оплаты, а при продаже — из-за беспокойства по последнему пункту. Когда речь идет о конкретном бизнесе, иррациональные предпочтения («просто не хочу, и все») относительно редки. В конечном итоге тревога по поводу сохранности квартиры и аккуратности оплаты происходит из-за межкультурных различий, ибо никаких данных по этому поводу хозяева не имеют и опираются в своих предпочтениях на ощущение чуждости, непредсказуемости и т. п.

Для анализа зависимости от цен использовались крупные районы с максимальной (районы 1–4) и минимальной (районы 5–10) концентрацией приезжих, по данным О.И. Вендиной (см. табл. 1, где в каждой клетке указано общее количество объявлений и процент объявлений с указанием на национальные предпочтения).

Степень отторжения немонотонно зависит от стоимости площади, возрастая от нижнего ценового диапазона (10–20 тыс. руб.) до среднего (20–45 тыс. руб.) примерно в 1,2–3 раза (пример минимального роста — от 32 до 40%, пример максимального роста — от 15 до 44%). В верхнем ценовом диапазоне отторжение падает, достигая единиц процентов и менее. Отторжение коррелирует с национальным составом жителей и достигает максимума (55–60%) в районах с максимальной концентрацией при-

езжих. При интерпретации значений отторжения в минимальном ценовом диапазоне надо иметь в виду, что в этой области располагаются не только квартиры, но и комнаты в коммунальных квартирах, что усиливает отторжение (во избежание конфликтов с соседями). В этом случае отторжение может даже возрастать при уменьшении цены (регион 5 и, особенно, 6).

Для рассмотрения типов предпочтений просуммируем данные по всем районам (см. табл. 2).

Конкретные формы отторжения — формулировки «хотим (или "только") русских», «хотим славян», «хотим россиян», «кроме Кавказа», «кроме Азии» — в среднем по всему исследованному массиву применяются в соответственно 10, 75, 3, 6, 6% случаев декларирования отторжения. Со стоимостью площади распределение форм указания отторжения связано слабо, можно лишь заметить некоторое снижение доли формулировки «хотим славян» (с 80 до 70%) и возрастание доли «кроме Кавказа» и «кроме Азии» (с 2% до 9%) при возрастании стоимости. При интерпретации этих данных надо учитывать, что здесь смешиваются реальные мотивы и, возможно, определенная стеснительность. Заметим, что встречается и указание «кроме Азии и Кавказа», для которого уже возникла аббревиатура-эвфемизм «ККА», которая применяется и парадоксально — «кроме ККА».

Таблица 1

№	Район	Диапазон цен (тыс. руб.)					
		11–20	21–30	31–40	41–50	51–60	> 61
1	Петровско-Разумовская, Владыкино, Отрадное, Бибирево	200	180	320	170	52	35
		24%	40%	60%	35%	20%	6%
2	Царицыно, Каширская, Каховская, Варшавская, Южная	110	120	206	91	28	23
		27%	40%	56%	30%	15%	4%
3	Марьино, Выхино, Красногвардейская	240	296	416	204	40	33
		15%	44%	44%	40%	22%	0%
4	Щелковская, Первомайская, Измайловская	89	135	187	87	18	41
		24%	52%	60%	48%	22%	17%
5	Внутри кольцевой линии метро	43	24	45	118	179	3350
		21%	4%	17%	23%	7%	4%
6	Сокольники, Преображенская площадь, Красносельская	37	30	40	62	52	48
		32%	27%	35%	40%	25%	0%
7	ВДНХ, Рижская, Алексеевская	72	78	153	179	100	163
		26%	53%	24%	19%	9%	9%
8	Фрунзенская, Спортивная, Воробьевы горы	6	0	11	55	44	247
		0%	0%	50%	15%	18%	10%
9	Войковская, Сокол, Аэропорт	54	44	127	105	78	580
		33%	50%	37%	38%	15%	11%
10	Строгино-Студенческая, Международная, Деловой центр, Парк победы	89	85	243	262	230	1100
		25%	35%	41%	27%	18%	7%

Таблица 2

Диапазон цен (тыс. руб.)	Типы предпочтений					Всего
	«Берем русских»	«Берем славян»	«Берем россиян»	«Кроме Кавказа»	«Кроме Азии»	
11–20	24 16%	114 79%	3 2%	3 2%	1 1%	145
21–30	20 8%	201 83%	5 2%	9 3%	6 2%	241
31–40	39 12%	253 78%	10 3%	14 4%	9 3%	325
41–50	20 7%	211 76%	9 3%	19 7%	17 6%	276
51–60	4 5%	58 75%	4 5%	5 6%	6 8%	77
более 61	5 12%	27 63%	1 2%	5 12%	6 14%	43

Для более точного сопоставления с данными О.И. Вендиной была определена с привязкой к каждой станции метро доля объявлений с указанием на национальную избирательность среди всех объявлений в диапазоне 25–45 тыс. руб. Для станций метро, в округе которых оказалось более 10 объявлений, (для большинства станции количество объявлений – от 50 до 300) полученные результаты показаны на рисунках, где на рисунке 1 – данные О.И. Вендиной, на рисунке 2 – доля объявлений с указанием на национальную избирательность. На первом рисунке плотность закрашки растет с ростом доли неграждан России. На втором рисунке каждый квадратик соответствует одной станции метро, четыре плотности закрашки – диапазоны доли объявлений с указанием на национальную избирательность 20–29%, 30–39%, 40–49%, 50–59%. Сильная корреляция очевидна.

Рисунок 1

МИГРАНТЫ В МОСКВЕ. РАССЕЛЕНИЕ ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Пространственная интерполяция данных о местах проживания в Москве лиц, не имеющих российского гражданства (N=9500 адресов)

Выводы.

1. На таком в общем «рациональном» рынке, как рынок аренды жилья, декларируемое национальное отторжение доходит – в Москве – до 60%, причем это не отдельные «отморозки» или специализирующиеся на этой деятельности «общественные» организации, а самые что ни на есть простые люди, средний (по доходам) класс.

2. Отторжение связано со стоимостью квартир, т. е. с доходами граждан. Если считать, что квартиру сдает одна семья, то максимум отторжения приходится на среднедушевой месячный доход 300 долл.

3. Национальное отторжение вызвано концентрацией приезжих, оно максимально в районах с максимальной их концентрацией. Это эффект противодействует тенденции к образованию национальных районов.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ПОЛЕМИКА

Лев Гудков

Есть ли основания у теоретической социологии в России?¹

1

Основную часть повестки дня XVI симпозиума «Пути России» составили глубокомысленные вопросы: существует ли в России теоретическая социальная наука и каковы условия ее возможности, какова судьба «спора о методе» и каковы основные формы методологической рефлексии в современной исследовательской практике, каковы причины актуализации дискуссии о кризисе гуманитарного знания и происходит ли смена поколений в производстве социально-гуманитарного знания. Настойчивость, с которой в околоакадемических кругах² возобновляются разговоры об изменении «интеллектуального ландшафта России» или даже «самой инфраструктуры производства знания в современных социальных и гуманитарных дисциплинах», поневоле обращает на себя внимание постоянных участников симпозиума и заинтересованных внешних наблюдателей вне зависимости от того, согласны ли они с такой повесткой или нет³. Вопросы, поставленные в подобной форме (существует ли у нас некая символически значимая вещь, например, «теоретическая социология в России»), не подразумевают ответа «да — нет» (раз мы говорим о них, то мы ими «обладаем», оперируем в качестве символов). Но другое дело — теоретическая деятельность, она либо есть, либо ее нет, а разговоры о том, при каких условиях она «действительно возможна», напоминают давнюю пародию на античную апорию «о куче».

¹ В основе статьи — доклад на XVI симпозиуме «Пути России» («Пути России. Современное интеллектуальное пространство». Москва, Интерцентр—МВШСЭН, 23–24 января 2009 г.).

² Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии, 2006. Можно вспомнить также неудачные попытки М. Габовича в бытность его редактором журнала «Неприкосновенный запас» инициировать дискуссию, начатую В. Воронковым, о количественных и качественных методах и др.

³ Поэтому правильнее было бы несколько переформулировать название моего доклада: «Есть ли основания для дискуссии о теоретических проблемах в российских социальных и гуманитарных науках?».

Подобные вопросы задаются не для того, чтобы получить на них определенный ответ, не в этом социальный смысл такого «вопросания». В ситуации «диалектической мнимости», когда ценностные послышки действующих подменяют предикат существования объекта, важна сама манифестация говорящих, она и есть «ответ» на поставленный ими же вопрос. Выдвижение тематики такого рода оказывается эффективным средством провокации, привлечения к себе внимания профессионального сообщества. Риторичность и противоречивость постановки самих вопросов, задающих тон на этой конференции, свидетельствуют о желании организаторов конференции и тех, кого они репрезентируют, заявить о себе как о фигурах нового поколения в отечественной социологии, противопоставляющих себя как динозаврам советской социологической номенклатуры, так и доминирующей сегодня заказной или ползучей, описательной социологии, опирающейся преимущественно на массовые опросы или исследования общественного мнения с очень плоской интерпретацией полученных данных⁴. В какой степени такие вопросы являются аккумулятивным и концентрированным выражением диффузных настроений, существующих среди вполне сформировавшегося в последние годы корпуса преподавателей социальных наук, оттесненных на периферию общественного внимания и интереса, судить трудно, но в том, что сами подобные мнения и установки есть, сомневаться не приходится. Положение социологических начальников, по-прежнему сохраняющих руководящие позиции в научно-государственной иерархии (Г. Осипова, В. Иванова, В. Кузнецова, В. Добренькова и других), по большому счету мало кого интересует, поскольку их научная ничтожность не требует особых доказательств. Кадры вчерашних идеологических борцов с буржуазной социологией сегодня заняты защи-

⁴ Приходится реконструировать, так как формальных манифестов здесь не предусмотрено.

той национальных и религиозных ценностей и государственной (национальной) безопасностью. Протесты научной общественности против безобразий на соцфаке МГУ и его руководства, казалось бы, затронувшие общие вопросы о положении дел в социальных науках, как и во многих других случаях, не имели особого успеха и лишь показали, насколько низок уровень солидарности в самой научной среде, вяло реагирующей на всякого рода пакости и проявления социальной и человеческой деградации (коррупцию, плагиат, интеллектуальное воровство и организационное рейдерство). Что уж говорить об «имманентном» неприятии серости, господствующей эклектики и т. п., которого следовало бы ожидать в профессиональной среде, но признаков коего пока не обнаружено. Самым важным здесь, в конце концов, оказывается сознание нормативности фактического, ничем не отличающегося по своей природе от массового конформизма или цинизма, без которого не было бы поддержки или условий функционирования нынешнего авторитарного режима.

С другой стороны, видимая популярность массовых опросов в России, идентифицируемых общественностью и властями с «социологией» (ставшей, за редким исключением, к тому же частью политтехнологической работы или пропаганды действующего режима), не может не вызывать сопротивления у некоторых представителей академической или университетской фракции этой дисциплины, особенно у тех, кто как-то прикоснулся к миру сложных идей. Не раз высказывая недовольство сложившимся положением дел в социальных науках, они давали самые низкие оценки опросной социологии. Споры нет, сведение всей социологии к перечислению цифр, заменяющих понимание реальности, вещь довольно скучная, а иногда и противная. Уровень интерпретаций, обычный для массовых социологических исследований, мало кого может удовлетворить, кроме самих социологов — их авторов. Российская социология едва-едва поднимается над общим уровнем массовых предрассудков и коллективных банальностей. Нет ничего удивительного в том, что те, кто хотел бы заслужить авторитет, стремятся предложить публике свое более глубокое и тонкое понимание реальности, свои определения (конструкции) происходящего. Дело за малым — за самими интерпретациями.

Но тут, как мне кажется, есть одна маленькая загвоздка: ту среду, которую хотели бы репрезентировать организаторы конференции, отталкивает не столько характер общего потока иссле-

дований, сколько специфическая ценностная нагрузка, «ангажированность» исследований, которые велись и ведутся в некоторых научных организациях, например, в старом ВЦИОМе, сегодня это Левада-Центр. (Говорю это только потому, что я никогда не встречал каких-либо критических высказываний в адрес Института социологии, ИСПИ, ФОМ и множества других социологических организаций, ведущих подобные массовые опросы.) «Манифестанты», если они действительно представляют определенное явление в отечественных социальных науках, хотели бы заниматься чистой, «деидеологизированной», наукой, высокой теорией, свободной от любой политической или социальной предвзятости, как от советского прошлого, так и от условного «либерализма», который (опять-таки, как мне кажется, — вполне вероятно, что я ошибаюсь) они отождествляют с оппозицией нынешнему режиму. К такой ангажированности социологической деятельности они относятся явно негативно, как можно судить по ряду выступлений на конференции. Причем раздражение вызывает именно определенность ценностной позиции, за которой усматривается моральная определенность, принимающая форму интереса к большим социальным проблемам, включая и прошлое родного отечества, а значит, и чувство личной ответственности за свою работу как профессионала. Эта «инаковость» профессионального отношения воспринималась обычной советской и постсоветской научной средой как «человеческая дистанция» по отношению ко всем «прочим», как высокомерие, которое приписывалось некоторым людям старшего поколения, класса Левады. Но это именно то, что хотели бы забыть как постмодернисты, так и обслуживающий начальство народец. И тем, и другим от этого хотелось бы быть «теоретически чистыми».

Формально неприятие ценностных оснований такой научной деятельности принимает вид критической оценки устаревшего концептуального аппарата или методологических подходов. Отвергая их, постмодернисты претендуют на смену образцов исследовательской работы¹.

¹ Более четко это выразил В. Вахштайн на последнем симпозиуме. Впрочем, пытаюсь подкрепить такую позицию ссылками на принцип «свободы от ценностей» Макса Вебера (цитировалась, конечно, его лекция «Наука как профессия и призвание»), он совершил типовую ошибку, а именно: принцип «свободы от ценностей» он понимает самым плоским образом: как позицию «ценностной нейтральности» ученого, т. е. как воздержание от оценок, что якобы гарантирует объективность познания. Это распространенное, особенно благодаря американским учебникам, заблуждение. Ничего более расхожее с себеровским пониманием, чем такая схема, нет. Как и большинство

Поскольку те, кто выдвигают обозначенные претензии, уже не очень молодые преподаватели, понятна их озабоченность своим статусом в академической и университетской среде.

Дело не в конкретных людях. Я хотел бы, освободившись от чисто персонального рассмотрения этих манифестаций, посмотреть, в какой степени сам факт выхода на сцену российских подражателей западному постмодернизму и их претензии на новое слово в науке отражают состояние дел в отечественных социальных

нынешних социологов, знакомых с классическими идеями в пересказе, из третьих рук, В. Вахштайн не знает основных работ Вебера, в которых тот излагает свои представления о регулятивной и конститутивной роли ценностей в социальных науках. Я имею в виду, прежде всего, большие статьи «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904) и «Смысл "свободы от ценностей" социологических и экономических наук» (1918), входившие в составленный после его смерти том методологических сочинений (*Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1968. S. 146–214, 489–540). Вебер проводил различие между «оценками» или практическими оценочными суждениями (*Werturteilen, praktischen Bewertungen*) и теоретической процедурой «отнесения к ценности» (*Wertbeziehung*), значение которой он осознал благодаря работам Г. Риккерта. Последняя, по мысли Вебера, является важнейшей конститутивной процедурой в отборе материала, различении значимого и незначимого. Ценностные идеи не только указывают выделяемые содержательные обстоятельства, подлежащие анализу, но и задают направление поиска каузального или иного объяснения. Они суть выражение познавательного интереса ученого, без которого не происходит концептуального синтеза, основы образования теоретических понятий. «Трансцендентальной предпосылкой всякой науки о культуре является не то, что мы определенную, или вообще какую-либо "культуру" находим ценной, а то, что мы – культурные люди, одарены способностью и волей сознательно занимать позицию по отношению к миру и наделять его смыслом» (Там же, с. 180) «*Gesinnungslosigkeit und wissenschaftliche "Objektivität" haben keinerlei innere Verwandtschaft*» («Отсутствие убеждений» и научная "объективность" не имеют между собой ничего общего». С. 157). Кроме того, отмечу уже не для Вахштайна, а для читателя: «Наука как профессия» не является изложением методологических принципов понимающей социологии М. Вебера, это публичная лекция и ее смысл совершенно другой – помочь учащемуся осознать этический характер своего профессионального выбора. Чтобы не быть заподозренным в произвольности своей трактовки, расходящейся с обычными в академической среде стереотипами и предрассудками ученых профессоров, отошлю читателя к недавно вышедшей очень полной (более 1000 стр.!) интеллектуальной биографии М. Вебера «Страдания мышления», написанной Йоханном Радкау. «Бесконечно часто цитируемый доклад от 7 ноября 1917 года "Наука как призвание и как профессия" лишь в очень ограниченной мере воспроизводит характер его собственных занятий наукой. Сам он был полной противоположностью тому зашоренному специалисту, которого он там изобразил в качестве специалиста современного типа. Пользуясь лишь горсточкой цитат из названного сочинения, нельзя постичь своеобразие и характер его работы». – *Radkau J. Die Leidenschaft des Denkens*. München: Carl Hanser Verlag, 2005. S. 181. К занятиям чистой теорией (или в его языке – «методологией») Вебер относился резко отрицательно, называя их «методологической чумой» (там же). Подробнее о принципах веберовского «наукоучения» см.: *Гудков Л.Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии*. М.: Русина, 1994. С. 69–135.

науках. Мне это кажется более важным и необходимым, нежели разбираться в тонкостях словесных игр «качественной» (феноменологической, этнометодологической и т. п.) социологии – российских версий европейского или американского постмодернизма 1970–1990-х гг. Тем более, что это уже приходилось делать, но в другое время¹.

2

«Большие проблемы» предполагают специфический аппарат интерпретации – язык институциональных систем, длительных массовых процессов, социетальный уровень рассмотрения проблематики изменения и проч. Напротив, сторонники постмодернистской ревизии социологии предпочитают (точнее, декларируют) методические подходы микросоциологии – анализ практик, фреймов, этнометодологические приемы, «качественные методы», позволяющих избегать больших обобщений и теоретических абстракций, тем более, как им кажется, оценок или ценностных суждений, которые они иногда отождествляют – и не без оснований – с публицистикой.

Изменения состава оргкомитета конференции «Пути России» в последние годы неизбежно повлекли за собой и смену задач ежегодного симпозиума. После того как в 2002 г. руководство Интерцентра посчитало неудобным сделать фокусом дискуссии влияние второй чеченской войны на российское общество и изменение политического режима, конференция стала медленно переориентироваться с обсуждения содержательных проблем развития российского общества и трансформации его институтов на то, «как мы изучаем» это общество, а затем, и – на «картографию интеллектуального пространства» с тем, чтобы «облегчить навигацию в нем». Не знаю, в чем состоят трудности подобной «навигации», но само по себе это обстоятельство – сдвиг тематики – не требует какого-то дополнительного пояснения в условиях усиливающегося давления нынешнего режима на автономные центры общественной мысли и влияния. Обновление повестки работы конференции – от анализа болевых точек абортивной модернизации к невинности «чистой науки» – это многократно наблюдавшийся в разных сферах и странах процесс

---

¹ См.: *Гудков Л.Д.* Проблема повседневности и поиски альтернативной теории социологии // ФРГ глазами западногерманской социологии. М.: Наука, 1989. С. 296–329.

приспособления «свободно парящих интеллектуалов» применительно «к обстоятельствам». И аргументы для подобного научного оппортунизма искать далеко не надо, они всегда под рукой¹.

Сказать, чтобы в российских социальных науках были заметны хоть какие-то признаки интереса к теоретико-методологической проблематике социального познания, нельзя хотя бы уже потому, что до сих пор не было ни сколько-нибудь значительных обзорных работ, ни серьезных дискуссий, в которых бы анализировались *парадигмальные противоречия* интерпретации получаемых отечественными социологами данных. Есть заметные расхождения в политико-идеологических установках социологов, но не в технике или характере предметных объяснений, поскольку никаких собственных теоретических или методологических идей у сторонников государственнической науки не возникает и возникать не может². Мелкотемье же и ползучий эмпиризм «качественников» особых комментариев не требуют и споров не вызывают, несмотря на некоторые усилия, принимаемые к этому.

Для дискуссии о дифференциации теоретических школ и методологических подходов нужны в первую очередь сами эти школы и подходы, производящие оригинальные предметные и эмпирические знания, признаков которых пока не видно. Независимых и свободных исследований слишком мало. Поэтому пока все сводится к школярским по стилистике, но, по сути, эпигонским демонстрациям и играм в «спор о методе»³.

Никаких принципиальных открытий не видно как со стороны, условно говоря, «СОЦИСа», так и со стороны тех, кто давно выступает с постмодернистскими манифестациями, хотя

запоминающиеся работы, безусловно, есть. Отметим, впрочем, что предметная работа при этом заметно расходитя с теоретическими декларациями⁴.

Разговоры о том, что надо бы что-то обсудить, время от времени имеют место (и нынешний симпозиум тому очевидное свидетельство), но обсуждения как-то не получается, по крайней мере на российском материале⁵.

Новые методы появляются, как известно, в форме «открытий», т. е. описаний ранее неизвестного материала или нового описания известного материала, рассмотренного с «неожиданной» стороны. Открытия предполагают смену ценностной перспективы рассмотрения материала, «новую» конституцию «предмета». Но для этого нужны «убеждения», «образ мыслей» (по-веберовски: *Gesinnung*), кристаллизацией которых и являются «ценности», а стало быть, и особая заинтересованность в реальности, что не может быть предметом обучения, институциональных конвенций. Сложность заключается в том, что **сами теории не являются нейтральными словарями и парадигмами**, их использование подчинено логике институционального поведения в науке, с одной стороны, и познавательного (ценностного) интереса — с другой. Соответственно, анализ теоретических средств вынужден принимать во внимание не только то, как согласуются в процессе иссле-

¹ Поэтому, несмотря на отдельные успехи конференции, например, на доклады культурологов в 2008 г., общий уровень представленных интеллектуальных разработок в 2008–2009 гг., на мой взгляд, заметно понизился.

² Ожидать, что на соцфаке у Добренкова или в ИСПИ и подобных им рутинных организациях могут завестись «идеи», не стоит, это абсолютно исключено. Сила таких социологических функционеров не в идеях, а в несокрушимой корпоративной солидарности научной или университетской и государственно-управленческой бюрократии, взаимной поддержке и защите чиновников от публичной критики и давления.

³ Первым симптомом потребности в прояснении парадигмальных коллизий был бы рост интереса к философии науки, к философии познания, важность которой для теоретической работы в социологии невозможно переоценить, поскольку только философия в состоянии поставить вопросы смысла и границ познания. Но в России нет (и по многим причинам не может быть) оригинальной философии, тем более — связанной с теорией социального знания или социологии.

⁴ Так, например, В. Волков, протагонист методологии «практик», в своей содержательной («эмпирической») работе декларируемые им модели использует в очень ограниченной мере, оперируя главным образом самыми обычными способами социологической интерпретации. (См.: Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.) Концептуальная основа его интерпретации коррупционного сращения полиции и бизнеса задана некоторыми идеями Ч. Тилли, Д. Гамбетты и других западных социальных ученых, хотя их практическая разработка применительно к российскому материалу носит оригинальный и нетривиальный характер. В других работах он вообще не пользуется понятиями «практик», обходясь общепринятым набором понятий социально-экономического анализа. (См.: Волков В. Госкорпорации: очередной институциональный эксперимент // Pro et Contra. 2008. № 5–6. С. 75–88.)

⁵ За образец какого-то нового подхода всегда в таких случаях берутся примеры из зарубежных исследований или манифестации западных авторов (чаще даже американцев или британцев, где проходили стажировку или защищались наши «молодые»). Именно это и заставляет подозревать, что дело не в «парадигмах» и «новых теориях», а в том, что говорящие мотивированы какими-то иными идеальными побуждениями, например, борьбой за признание, конкуренцией за авторитет и влияние в академических кругах, а не озабоченностью решения каких-то предметных научных проблем. Разумеется, это не какая-нибудь вульгарная корысть, а борьба за чистую науку, свободную как от догматизма и номенклатурной скованности советской социологии, так и от политической или коммерческой зависимости исследователей постсоветского времени.

дования языка разных научных сфер, предметных регионов («практик»), но как при этом применяются специфические языки описания, чем они отличаются от языков объяснения (генерализованных концептуальных препаратов, чистых конструкций), как последние используются (применительно к эмпирическому материалу, т. е. специально уже препарированному, описанному в выделенной перспективе фактическому массиву данных социальных взаимодействий или социального поведения), а также каковы сами правила отбора различных языков — теорий, концепций и т. п.

Теоретических дискуссий в российской социологии нет, потому что нет теоретической работы в отечественной социологии (равно как и в других гуманитарных дисциплинах)¹. Более того, следует сказать, что такая работа скорее нежелательна для большинства занятых в этих сферах². То, что сегодня у нас идет под рубрикой

¹ Редкие исключения лишь подтверждают общие заключения. Для меня образцами теоретической работы в российской социологии являются работы Ю.А. Левады. Хотя его идеи (общая концепция репродуктивных систем, сложных структур социального действия в обществах догоняющей модернизации и т. п.) и не были систематически изложены, при желании и интересе со стороны социологов они могли бы дать мощный импульс концептуальным разработкам. Другой пример — оставшиеся совсем без внимания труды Д.Б. Зильбермана, его гигантская по охвату материала и сложности типология культур, основанная на своеобразии идей, традиций и институтов. Мою высокую оценку этих достижений, конечно, можно рассматривать как проявления «кружкового патриотизма», это нетрудно, однако сам факт, что научная среда вытеснила идеи этих авторов, получивших признание у самых рафинированных российских ученых, оспорить будет сложно.

² Я не собираюсь давать обзор различных направлений и школ в отечественной социологии и не столько потому, что это дело отдельной работы, а не выступления на конференции, сколько потому, что их реально нет. Есть по-разному работающие исследователи или даже отдельные группы ученых, есть центры, практикующие какой-то один набор методических приемов в описании ограниченного круга предметных вопросов. Но они не образуют воспроизводящихся направлений в науке и не тянут на статус оригинальной школы или хотя заимствованной парадигмы в науке. За последние 8–10 лет у ряда преподавателей в возрасте примерно 50 лет в Петербурге или Москве наметился свой круг последователей из числа бывших студентов, в манере работы которых проступает общность полученного ими образования (я имею в виду, например, В. Волкова, О. Хархордина или В. Воронкова в Питере, А. Филиппова в Москве), но говорить о существовании разных школ или парадигм пока не приходится, в первую очередь потому, что они не выходят на уровень воспроизводящихся практик исследовательской работы, что нет устойчивости получаемых эмпирических результатов или теоретических интерпретаций нового материала. Здесь (в исследованиях), как и в целом в российской социологии, господствует безнадежная эклектика и приземленность в понимании собранного или анализируемого материала. Недавний III-й ВСК лишь подтвердил подобное заключение. Мне могут сразу же возразить: как это не ведется теоретической работы, если соответствующие разделы в специализированных книжных магазинах заполнены соответствующей литературой. Даже в фойе нашей конференции продавался солидный том «Теория социологии». Но если посмотреть на то, что подается под этим

«теоретическая социология», является довольно произвольным по отбору материала пересказом чужих слов и идей, в адекватности которого часто стоит усомниться. Разумеется, среди многих статей на эти темы почти всегда можно найти и несколько работ серьезных авторов, как правило, давно занимающихся историей социологии или преподаванием иной гуманитарной дисциплины. Но в целом они редки, и не потому, что хороший анализ или интерпретация — вещи сами по себе редкие, а потому, что их появление не носит характер систематической работы, т. е. они не находятся в общем силовом поле коллективного поиска и разработок. Ни те, ни другие не делают погоду в отечественных социальных и гуманитарных науках. Это индивидуальные достижения отдельно работающих преподавателей и историков социологии. Подчеркиваю этот момент специально, поскольку здесь важно, что достигнутое наиболее удачно работающими авторами не воспроизводится, не аккумулируется в общих приемах исследовательской работы (будь то эмпирические разработки или история социальной мысли). Они остаются частными достижениями отдельных ученых или авторов, пишущих на общие темы, а это указывает на отсутствие или слабость в наших науках механизмов селекции достижений в практике конкретных разработок, неэффективность системы отбора и признания подобных достижений, а стало быть, незначимость внутриинституциональных принципов гратификации и оценки продуктивной работы, имманентных для самого института, его внутренней конституции. Об этом ниже.

А пока что нет никаких признаков учета этого движения к реальности, к пониманию сложности и гетерогенности социокультурной материи социологией (это был бы первый признак собственно теоретической работы). Болезни российской социологии (социальных наук в широком смысле) давно и всем известны: это творческая бесплодность (отсюда — нужда в заимствовании флажков и символов), интеллектуальная трусость или отсутствие интереса к реальности. Рассуждения о «необходимости теории» в социологии (или шире — социальных

названием, мы увидим, что на 9/10 эти пухлые сборники представляют собой ридерз-дайжесты, содержащие без какой-либо аналитической интерпретации или разбора фрагменты переводов работ западных авторов, никак не связанных с проблематикой актуальных исследований российского социума. Предназначены они, если судить по их «имплицитному читателю», т. е. издательской и читательской адресации, студентам или молодым преподавателям в качестве иллюстративного материала или цитатников в рамках соответствующих университетских курсов. Не более того.

науках) оказываются суррогатами моральных и ценностных самоопределений, попытками привстать на цыпочки, показывая, что мы уже большие, и разыграть спектакль «сцены настоящей науки». По существу же перед нами «попытка с негодными средствами», так как не только нет интереса к собственно теоретической работе или нет соответствующей квалификации у тех, кто претендует на занятия теорией, но нет (и это, пожалуй, самое главное) интеллектуальной среды, которая могла бы воспринимать новые идеи, не говоря уже о том, чтобы их систематически вырабатывать.

Такое положение в отечественной науке не просто не случайно, оно представляет собой особенность ее внутренней организации.

Признаками того, что у нас нет потребности в теории, я считаю, как это говорил много раз, отсутствие дискуссий, прежде всего, по расхожимся интерпретациям одних и тех же данных, одних и тех же подходов, описаний, обсуждений корректности использования тех или иных предметов описания и прочее¹.

Можно спорить о том, стала ли лучше в последние 15–20 лет ситуация в этом плане или хуже, или она вообще не изменилась. Первый вопрос здесь: с чем сравнивать и как оценивать². Если сравнивать ситуацию в социальных науках с советскими временами, как это делают И.С. Кон или В.А. Ядов, то, несомненно, мы должны отмечать некоторый прогресс: расширение масштабов исследовательской работы, разнообразие ее тематики, появление новой литературы, повышение методического и технического уровня эмпирических исследований и т. п. Однако я бы отметил и очевидные проявления внутренней деградации, характеризующие состояние дисциплины в последние годы и связанные, на мой взгляд, с утратой чрезвычайно важных ценностных моментов исследовательской работы, мотивации познавательной деятельности. Поэтому сравнивать нынешнее положение, мне кажется, нужно не только с предшествующей фазой (такое сравнение дает вполне очевидные позитивные изменения), а с уровнем «должного», с тем пониманием те-

¹ Единственным исключением можно считать исследования общественного мнения, в частности, изучение электорального поведения, где ангажированность участников весьма высока, а поле расхождений в интерпретациях очень широко (несмотря на значительное сходство данных, получаемых разными центрами или, напротив, как раз именно поэтому).

² Эта тема прозвучала в недавнем очень интересном интервью И.С. Кона с Л. Борусяк: <http://www.polit.ru/analytics/2009/01/20/kon.html>

оретической работы, которое присутствует у И.С. Кона или Ю.А. Левады, с «идеальным» представлением о теории, пониманием, для чего она нужна, как связана с корректной, серьезной исследовательской работой³.

Мне приходилось часто отмечать некорректность широко распространенной практики прямого заимствования понятий или концепций западных социальных наук и их механического приложения к российской реальности. Но выводить из этого заключение, будто нам не нужен опыт европейской или американской социологии, будто российская реальность, общество и история настолько уникальны, что их изучение не нуждается в западном теоретическом аппарате, было бы неверным или недобросовестным занятием. Доказывать, что такая деятельность крайне необходима, несмотря на все недостатки и ущербность нынешней рецепции, связанной с длительной изоляцией российской науки от мирового развития, значило бы «ломиться в открытые ворота». Но это совсем не значит, что не надо менять характер освоения этого ресурса. Сегодня чаще используются «слова», оказывающиеся всего лишь ярлычками приобщенности к современному состоянию (знаками нормы, интеллектуальной моды на то, что сегодня носят в Европе или в Америке), но за рамками понимания остаются сам генезис этих понятий или их функциональный смысл, драматический характер процедур образования новых теоретических понятий, то, как появляется на свет научная «проблема», какими средствами она фиксируется, в какой концептуальной перспективе разрабатывается, какие возможности открываются с выбором именно такого-то аппарата, а что при этом неизбежно теряется, что может быть компенсировано или дополнено обращением к альтернативному подходу и т. п.

Обсуждение или анализ эффективности понятия можно вести только при условии ясного

³ При всей ограниченности условий и возможностей для социологической работы в советское время ее внутренний смысл для некоторых из тех, кого мы сегодня относим к поколению отцов-основателей, был в полной мере определен стремление к личностной эмансипации, к утверждению собственной свободы, личного достоинства, которые непосредственно связаны с качеством и широтой познавательной деятельности. Соответственно, сама социологическая работа (при условии интеллектуальной порядочности) неизбежно окрашивалась в тона сопротивления тупому и репрессивному окружению. Понять тоталитарный социум означало (хотя бы в перспективе, в муте отдаленной возможности) изменить существующее общество. Это та ценностная или этическая составляющая, которой начисто лишены молодые элиты постмодернизма и присутствие которой у людей старшего поколения так раздражает их.

понимания, в ответ на какую социальную или культурную, интеллектуальную коллизию, исследовательскую задачу, выработано соответствующее понятие, или термин, какой у него ценностный или идеологический «бэкграунд», как оно связано с историческими, культурными, групповыми или политическими интересами, каковы его функциональные возможности (генерализационные, модальные, идеографические), его смысловые ресурсы (ассоциативный ряд) и проч. Если бы это имело у нас место, т. е. началась бы серьезная теоретико-методологическая дискуссия по каким-то вполне содержательным проблемам социального знания, то, я уверен, были бы задействованы не последние по времени публикации, с которыми ознакомились те, кто учился или стажировался в зарубежных университетах и вынес оттуда то, что там на тот момент было актуальным, а гораздо более ранние пласты социологической работы, ресурсы основного корпуса позитивного социологического знания (сложившегося в 1930–1960-х гг.), сегодня остающегося по существу мало известным у нас. Чтобы обсуждать продуктивность научных понятий, необходима история этих понятий, история соответствующих концептуальных разработок, т. е. динамика смысловых трансформаций научных понятий на разных фазах работы. Ничего экзотического в таком подходе нет, сошлюсь в качестве примера на соответствующие анализы такого ключевого понятия, как «тоталитаризм», потребовавшие длительных дискуссий в среде историков, социологов и политологов.

Подобных разработок в российской социологии нет, могу утверждать это с уверенностью. В результате мы в нашей литературе сталкиваемся с массой, по существу, по функции, оценочных понятий, остающихся в предметном смысле фантомами, понятиями с неясным эмпирическим референтом («средний класс», «гражданское» или «сетевое» общество и проч.). Поэтому попытки начать «дискуссию о методах» (хотя бы в виде: что лучше — «фреймы» или «практики», как это было подано в программе нашего симпозиума) вне контекста отечественных разработок могут быть лишь имитацией профессиональной деятельности или своего рода шоу, рассчитанным на сравнительно невзыскательную публику. Такого рода суррогаты механизмов самоорганизации науки или разновидности «карго-культы», весьма вероятно, будут популярны в среде постмодернистских эпигонов, поскольку именно такое «обновление» затребовано нынешними социологами, в этом

плане принципиально отличающимися как от западных коллег, так и от уходящего поколения российских социологов или гуманитариев.

Апелляция к тому, что сегодня в России называется «теоретическими проблемами социологии», имеет совершенно другой смысл и функциональное назначение, нежели в западной социологии. Там речь идет о рационализации средств и оснований познавательной деятельности. Здесь призывы такого рода связаны с дефицитом средств и оснований профессиональной идентификации (отчасти — дефицитом специфически академической гратификации), в основе которых также неявно лежат проблемы ценностного самоопределения и мотивации научной работы, выбора объекта исследования и соответствующих средств анализа. Истошенность ценностной сферы, за символы которой идет жестокая конкуренция в образованной среде, смысловая, нравственная и культурная бедность общества, оставшаяся от тоталитаризма, — вопрос чрезвычайно чувствительный как для общества в целом, так и для такого зависимого от этих вещей института, как наука, прежде всего, социальная наука.

3

Почему, собственно, в России нет запроса на теоретическую работу? Попробую развернуть иначе этот вопрос: а как вообще возникает запрос на теоретическую работу? В каких обстоятельствах нужна теория социологии и что это такое?

Признание важности теоретической работы, значимости теории в социальных или социально-гуманитарных науках складывается, по меньшей мере, из трех источников. Во-первых, теория, генерализующая концепция, дает объяснение целого ряда темных мест в социальной жизни, т. е. оказывается не просто средством описания действительности, а принципом ее понимания, объяснения того, что происходит в обществе, истории, в самом человеке. Это важнейшая функция социального знания, предназначенного для общества, для публичной рефлексии. Подобные широкие схемы интерпретации множества явлений действительности, охватываемой данной схемой, становятся фазами самоконституции общества, если говорить о социальных науках, или фазами самоконституции дисциплин, дающих предметные конструкции целых областей знания, «предметных регионов». Их появление представляет собой концентрированный ответ на ценностные коллизии, существующие в обществе.

Познавательный интерес, требующий появления подобных теорий большого класса, мотивирован, как говорил Вебер, «бегущим светом великих культурных проблем». Таковы теории рационализации, современности, модернизации, теории личности и им подобные социальные или антропологические конструкции, включая идеи культуры, истории и проч. В зависимости от степени генерализации объяснения теория может играть роль «черного ящика», когда в ее структуре свернуто множество факторов и схем взаимосвязей, процессов или нормативной смысловой конструкции «социального действия» (института, группы и проч.). Специфика «социологии как науки о действительности» вытекает из ее методологической установки: социология — это наука, предмет которой составляют структуры социального взаимодействия, предполагающие, следовательно, акты понимания действующими друг друга. Именно сфера понимания является границей социального, а механизмы понимания (ресурсы «культуры») — тем минимумом дисциплинарной «онтологии», базовых конвенциональных конструкций дисциплинарной реальности, без которых не может обходиться ни одна наука. Другими словами, социология — это наука, в которой процесс теоретизирования исходит (логически первично) из актов субъективного смыслового полагания. Такая посылка устанавливает принцип элиминации всего, что находится за рамками понимаемого, — никакой метафизики, никакой априорной реальности. Но выделение значимого (отделение от незначимого) и важного в каких-то отношениях, интересного для исследователя материала обеспечивается исключительно личностным познавательным интересом ученого, его собственным субъективным отношением к происходящему. Подчеркиваю этот аспект, важный, как никакой другой. Способность «быть заинтересованным», таким образом, сама по себе — уже характеристика весьма развитой субъективности, возникающей только в условиях интенсивной социальной и культурной дифференциации. В познавательном ценностном интересе трансформированы внутренние личностные коллизии и заботы, моральные, групповые, идеологические, экзистенциальные проблемы. Это вовсе не естественно или спонтанно возникающая характеристика личности или общества, каких-то его групп. Готовность «загораться» чем-то, что не связано с непосредственным удовлетворением желания, — продукт длительного культивирования и самовоспи-

тания, самодисциплинирования, требующего сложной системы институциональных и групповых санкций (в том числе длительной религиозной, гражданской, политической, экономической и прочей социализации).

Способность со страстью¹ относиться к действительности, а соответственно, наделять происходящее смыслом и значением, то есть видеть в науке способ обращения с реальностью, — вещь столь же индивидуальная (и редкая у нас), как и способность к любви, но именно поэтому она так высоко ценится в европейском обществе и культуре². Новые точки зрения на реальность, новый интерес к ней, потребность в новых объяснениях и понимании материала могут появляться только как ответ на свои собственные жизненные, личностные или экзистенциальные проблемы. По существу, такого рода значения образуют ценностные основания дисциплины, подчеркиваю, не аксиоматические, а именно: ценностные, соединяющие культурные проблемы и познавательные средства и инструменты, т. е. то, что составляет внутренний этос автономной науки. Другими словами, мотивация познания непосредственно связана с принципами институциональной организации науки. Только там, где есть или где гарантирована автономия науки, независимость ее от внешних регуляций, где выражен субъективный интерес исследователя, возникает внутренняя потребность в понимании и готовности к постижению реальности, выливающаяся в разработку генерализованных средств ее объяснения. Эпигон же — это всегда имитатор чужой страсти.

Это первая плоскость вопросов о том, как возникает спрос на теоретическое знание.

Второе условие рождения спроса на теоретико-методологический анализ или причина появления новых теорий — столкнове-

¹ Такой, как, например, у М. Вебера, доведшей его до полного нервного истощения и многолетней психической болезни.

² Напротив, вся система профессиональной социализации в нынешней отечественной социологии направлена на развращение студента, на подавление у него самой возможности возникновения подобного интереса и следования ему в процессах обучения и самореализации. Непропорционально большой объем обучения маркетингу, политтехнологиям, пиару, упор на методику и технику обработки данных в ущерб исторической, гуманитарной и собственно теоретической подготовке — все это вполне сознательная и планомерная деструкция ценностной основы дисциплины. С результатами этого можно ознакомиться по взвешенному и обстоятельному анализу состояния российской социологии, данному в работах М.М. Соколова, см., например: *Соколов М. Реформируем ли соцфак МГУ? Институциональные барьеры на пути студенческой революции* // <http://www.polit.ru/analytcs/2007/05/25/socfak.html>; *Он же. Российская социология на международном рынке идей* // <http://www.polit.ru/science/2008/09/10/sokolov.html>

ние парадигм (теорий одной и той же группы фактов), предложенных или разработанных в рамках различных подходов и школ. Подобные коллизии заставляют пересматривать методы и базовые посылы общепринятых систем объяснения, конструкций фактов и принципов оценки их достоверности, надежности, валидности, корректности интерпретаций, требуют анализировать генезис тех или иных теоретико-методологических процедур, характер установления связности, причинности и т. п. функциональных отношений объяснения. Не обязательно это должно сопровождаться «научными революциями» в духе Т. Куна. Это может быть рутинная методическая работа самоконтроля проделанных объяснений и процедур получения данных, рефлексия относительно адекватности применяемых мер, подходов и способов объяснения. Нахождение новых принципов объяснения, снимающих одномерности прежних теоретических конструкций, оказывается в таких ситуациях нормальным решением постоянно возникающих в научной практике вопросов интерпретации, а сам разбор понятийных конструкций, их генезиса или границ генерализации — реакцией на социальные ожидания различных участников научного процесса¹.

И наконец, третья плоскость рассмотрения, или третий тип причин обращения к теории, возникающий из второго, — это само устройство науки как института, в рамках которого постоянно работает репродуктивная подсистема, включающая механизмы «памяти» института и социализации новых членов сообщества, а стало быть, идет непрерывная селекция и отбор значимого и проверенного знания, признанного в качестве бесспорных научных результатов, в качестве «образца» для «исторической упаковки» и примеров для преподавания, для профессионального обучения следующего поколения. По отношению к преподаванию здесь работают механизмы формализации знания, подчиняющиеся принципам объяснения функционирования института. По отношению к «истории» теоретическая и методологическая

рефлексия направлена иначе: она ориентируется на выявление скрытых посылок и условий познавательных процедур, латентного знания, общекультурных импликаций в корпус специализированных знаний, перенос социальных ожиданий и требований в научные процедуры и проч.

Суммируя, я бы сказал, что смысл и значение теоретического знания заключается в следующем. Общая теория служит не для описания реальности, а для систематизации и упорядочения способов корректного (т. е. принятого и одобряемого в академической среде) соединения концептуальных систем (разных «теоретических языков»). Тем самым назначение общей теории — дать возможность исследовательскому сообществу контролировать, т. е. проверять, сами способы, которыми соединяются в единое синтетическое целое — объясненную «реальность» — различные его элементы, теоретические понятия, имеющие *разное происхождение, разный в методологическом плане генезис*. Это нужно, прежде всего, для того, чтобы а) избежать «диалектических мнимостей», когда объясняемое и объясняющее содержат одни и те же компоненты, описывается лишь то, что объясняется средствами описания; б) определить эффективность синтеза (устойчивость процедур, генерализационный потенциал). Соответственно, критика результативности объяснения начинается с проверки условий введения понятийных элементов базовой концепции, используемой для описания (отбора таксономических единиц) или объяснения (установления причинно-следственных или функциональных связей и их конструкций). Поскольку и отбор материала, и способ интерпретации заданы не *онтологически*, т. е. какой-то априорной картинкой реальности (в социологическом отношении это означает — обеспечены догмами, жесткими групповыми конвенциями держателей нормы реальности), а мотивированы специфическим ценностным интересом исследователя, его субъективным выбором соответствующих предметных теорий и концепций в качестве средств объяснения, то одной из важнейших задач теоретической работы всегда оказывается выявление функциональной роли ценностей исследователя. Речь при этом идет о необходимости различения практических оценок и конститутивной роли ценностей, познавательного, ценностного интереса ученого, отделяющего важное от неважного, незначимого. Иными словами, смысл теоретической — постоянной, черновой — работы заключается в

¹ В принципе здесь возможны два направления теоретической работы: первое — разработка единого дисциплинарного языка описания и объяснения, «общая теория» (какой ее видели, например, Т. Парсонс или Н. Луман), а второе, прямо противоположное направление работы — методологический и генетический анализ практики эмпирической работы, изучение того, как в ходе черновой эмпирической работы происходит использование языка разных теорий, разных концепций, часто принадлежащих разным предметным регионам, разных пластов научной культуры.

контроле условий введения предметной теории и правил ее использования для определенных задач исследовательской и аналитической работы. В самой теории не содержатся правила ее построения (=ее генезис), а лишь правила (нормы, социальные конвенции) ее использования в качестве либо препарированного и методически контролируемого описания, либо, опять же, методически строгого объяснения (параметров генерализации или установления функциональных связей между элементами рассматриваемых конструкций).

Практическое назначение теории состоит в «опускании» промежуточных фаз или цепочек рассуждения, исследования, обусловленное задачами методологической проверки корректности рассуждения. Это то свойство, что называется «красотой», или «экономностью» теории или концепции.

Правильное (корректное) использование теории заключается в установлении границ применимости – пределов использования теории, недопущении изменений модальности ее применения или переноса ее на несоответствующий материал. Нельзя допустить «одновременное» использование одной и той же концептуальной схемы или системы и как описания, и как объяснения. В противном случае мы имеем дело с диалектическими мнимостями, мифами, сменой субъектов действия (анализа, описания, объяснения и т. п.), как это имеет место в многочисленных случаях использования «архетипов», цивилизационных подходов или внеисторических «институциональных матриц».

4

Что мы имеем в нашей ситуации? Как бы значительны ни были изменения за 20 лет, прошедшие с распада СССР, институциональная организация самого института науки в нашей стране по сути своей не изменилась или изменилась несущественно. Расширился диапазон организационных форм научной деятельности, но мейнстрим социальных наук по-прежнему представлен рутинной продукцией академических институтов (это львиная доля всего социального знания) и ведущих университетов (удельный вес последних в общем раскладе гораздо более скромный). Никакой институциональной автономии при этом у них нет и в обозримом будущем не предвидится. Академические институты и университеты подчинены государству, финансируются из бюджета, планы их работы контролируются соответствующими инстанциями, задающими направление

и цели научной работы. Как и в советское время, доминирующая мотивация исследований здесь обусловлена интересами тех, кто представляет власть, основное назначение науки это обслуживание сегодняшних интересов властей. Поэтому все планы научной работы, общая направленность и характер преподавания¹ заданы ориентацией на власть, на ее сформулированные или предполагаемые запросы (которые вообще-то могут и не быть сформулированными, их зачастую надо угадать, важно объяснить властям ту пользу, которую могут принести им соответствующие разработки). Адаптация постановки проблем, приспособление исследовательской работы к видению действительности лицами, располагающими властью, деньгами, административными ресурсами, оказывается более важным фактором, нежели концептуальные ресурсы самой дисциплины. «Этос» государственной сервильности в постсоветской российской социологии определяет институциональные каноны исследовательской работы. Организационные формы научной деятельности в этом плане могут несколько отличаться друг от друга, равно как и сами формулировки задач, но функция и суть их остается примерно той же самой: необходимость обеспечения эффективности государственного управления².

Иными словами, производство знания, как и в советское время, ориентировано на практические интересы номенклатурного или заменяющего его руководства, которое выступает и главным оценщиком достоверности знания,

¹ Разумеется, эти задачи могут быть дополнены преподаванием разного рода курсов, обеспечивающих студента ресурсами профессиональной квалификации – знанием маркетинговых технологий, пиара, теорий организаций и менеджмента и прочего, всего, что сегодня требуют управляемый рынок и суверенная демократия.

² Соответствующие пассажи и формулировки нетрудно найти в статьях и выступлениях руководителей социологических институтов Г. Осипова, В. Кузнецова, М. Горшкова, В. Жукова и других, опубликованных в «СОЦИС» или иных журналах. У А. Ослона эти аксиомы научной мотивации выражены более простодушно, а потому и более вульгарно: «Социология должна обслуживать лиц, принимающих решения». Но уж совсем в духе «Наших» эти установки науки представлены в хвастливом девизе сурковского ВЦИОМа: «Знать, чтобы побеждать». «Социология» в этом новом ВЦИОМе включена в состав политехнологической машины обработки общественного мнения, ее задачи ограничены технологией сбора социальной информации, а использование последней и толкование полученных результатов отдано начальству или тем, кто ему исправно служит. Именно такая форма и проектировалась в середине 1960-х гг. советским начальством: допустимы только методика и техника социальных исследований, а интерпретация (=общая социология) должна оставаться за истматом, т. е. партийно-идеологическими инстанциями. Но, опять-таки добавлю, этому же преимущественно учат сегодня и в лучших российских университетах, а именно: технике обработки и статистического анализа данных.

его фальсификации, верификации, оправдания и т. п. Собственные научные критерии исследовательской деятельности здесь не работают или выражены очень слабо, внутренние проблемы науки также не важны; имеют значение только внешние, экстранаучные, экстраинституциональные критерии знания и его производства. Поэтому и сегодня для основной части занятых в социологии, т. е. внутри самого института науки, приоритетны главным образом вертикальные связи, включая и вертикальный характер финансирования, сертификации кадров и их подбора, структуры авторитетов, тематики исследований и механизмов академического признания. А это означает, что отсутствуют или мало значимы механизмы внутрикорпоративной организации, внутрикорпоративные оценки деятельности работы ученых, оценки их достижения, соответственно, оценки применяемых инструментов, процедуры проверки адекватности полученных результатов и всего прочего¹.

Таким образом, отсутствие дискуссии, обсуждения полученных результатов, рецензирования, полемики, принципиальной избыточности информации и прочего, что необходимо для функционирования «нормальной науки», оказывается вполне объяснимым и закономерным. Они не нужны, поскольку не возникает проблемы конфликта интерпретаций², обусловленных разными познавательными интересами и средствами объяснения. Раз действует практика вертикального согласования полученных результатов (или ориентация на нее), то внутренних импульсов дискуссии по поводу расходящихся трактовок в такой ситуации практически и не может возникнуть. Проблема интерпретации получает исключительно нормативный характер, поскольку ее характер, направленность и сами стандарты контролируются интересами власти и управления³.

¹ Многие социологи не согласятся с моими определениями, полагая их слишком радикальными и депрессивными, однако мало кто возражает против такого типа институциональной организации социальных наук, что представляется мне более важным в данном случае.

² Как говорил один из политехнологов в сурковском окружении, приписанных к президентской администрации, «нам не нужны ваши интерпретации, нам нужны данные, а интерпретировать мы сами будем».

³ Лучшим примером здесь являются разногласия по поводу наличия и размеров «среднего класса» в России. Никем не осознается, что когда в отечественную практику, в отечественное преподавание, в отечественные исследования переносится западный материал, западные подходы, западные идеи, то этот материал вырывается из контекста их возникновения и разработки. В этих случаях концепции привносятся сюда как нечто совершенно готовое, чужое, абстрактно-отвлеченное или, напротив, использование западных понятий и терминов тянет за собой латентный и плохо учитываемый пласт оценочных значений. Тем самым при работе с ними, при отождествлении понятий и реальности

Но по тем же причинам и преподаваемая история социальных дисциплин оказывается никак не связанной с историей исследований. Это два разных и не пересекающихся друг с другом потока текстов.

А раз так, то вполне справедливы утверждения о сохраняющемся «изоморфизме», как сказал бы наш покойный коллега Ю.А. Гастев, между воспроизводством той академической серости (или беспринципности научного сообщества) и авторитарным режимом и бедностью научных интерпретаций.

Разумеется, можно найти исключения из этого общего правила, но они (о чем уже упоминалось) будут иметь индивидуальный, а не институциональный характер: импульсы, которые толкают некоторых исследователей заниматься теоретическими вещами, все-таки существуют. Правда, их положение всегда будет положением маргиналов, вытесненных на периферию общественного внимания и интереса коллег⁴. Или, другими словами, конститутивные ценности и когнитивные конвенции постсоветского российского академического сообщества *периферийны* для научных организаций этого типа.

Впрочем, такое положение вещей мало кого волнует, поскольку, как я уже говорил, проблема верификации или фальсификации результатов исследования, значимости получаемых объяснений не так важна в существующих институциональных контекстах, как демонстрация знаков «научности», в качестве которых и используются западные имена или термины. Функция такого использования западных имен, западных подходов преимущественно демонстративная, идентификационная. Западная социология используется не как «библиотека» исследовательского опыта, а либо как арсенал готовых отмычек для решения стандартных — по умолчанию — проблем социальной реальности, либо как кормовые участки для тех, кто занимается «теорией социологии» или «историей социологии». Ссылки на западных ученых в большинстве статей оте-

в наших обстоятельствах возникает эффект ложного опознания, последствием которого становится неадекватное применение понятия.

⁴ Этим объясняется, в частности, и принципиальный для отечественной организации науки разрыв между практикой преподавания и исследовательской работой. Разработка теорий связана преимущественно с историческим характером преподнесения материала западных концепций в учебных курсах (в европейских или американских университетах эти сферы более или менее соединены в одно целое). Поэтому даже вполне адекватные и серьезные аналитические работы по изложению концепций того или иного западного автора представляют собой не более чем пересказ его идей, данных вне учета проблемной ситуации, в которой они возникли.

чественных авторов — это не нормальная процедура отсылки к уже апробированной кем-то методике или высказанной гипотезе, отсылка к мнению, не подлежащему в данных случаях проверке, т. е. к уже проделанной работе, а значок собственной «квалифицированности», символ доступа к не всем доступным ресурсам, поскольку цитируются не рабочие тексты, а указываются авторитеты, которые должны подтвердить или сертифицировать «профессиональное» качество соответствующего автора. Повышенная семиотическая значимость этого цитирования, не имеющая отношения к проверке гипотез или полученным достоверным результатам, указывает на церемониальный характер научной деятельности, что ставит под сомнение сам ее смысл. Это подтверждается фактами систематических разрывов с мировой наукой, которые убедительно продемонстрированы уже упоминавшимся М. Соколовым на примерах индексов цитирования.

Главная проблема российских социальных наук заключается в бедности ее ценностных оснований, которая задается институциональными формами ее организации, соответственно, систематическим подбором людей или их принуждением и «обкатыванием». Характер этой бедности обусловлен убожеством представлений о человеке и обстоятельствах его существования, его внутренней жизни, его связях с другими, образующими «общество» вне государства. В поле внимания российских социологов оказываются главным образом те аспекты человеческого существования, которые релевантны в каких-то отношениях для задач «управления», интересов государственных структур. Самостоятельного интереса к различным сторонам человеческой жизни, особенно тем, которые представляют собой сложные формы поддержания самоидентичности или интимных отношений с окружающим миром, у российских социологов нет. Отчасти дело, конечно, в грубости самих нравов и «простоте» социальной материи посттоталитарного и механически интегрированного социума, но этим дело не исчерпывается. Более существенным следует считать вульгарность самих социологических представлений о российском обществе, порожденных органической зависимостью социальных наук от власти и глубинными ориентациями на нее, а не на «общество». Именно эта ограниченность, стерильность ценностных представлений и бросается в глаза в сравнении с характером познавательного интереса (а значит, и научной этикой) в социальных науках

европейских стран или Америки, считающихся (явно по недоразумению) образцами для российских исследователей. Возможно, именно это обстоятельство и определяет мотивацию российских эпигонов, пытающихся присвоить себе хотя бы знаки чужой полноценности. Имитация чужих, но авторитетных приемов и идей, т. е. склонность к эпигонскому заимствованию знаков «признанного», оказывается компенсацией за неспособность понимания своей реальности. Демонстрация чужих флажков позволяет закрыть глаза на историю своей страны, ее нынешнее состояние, мораль, массовую культуру, интеллектуальные и человеческие особенности ее «элиты». Или иначе и, может быть, точнее: действующая интеллектуальная (научная) организация «производителей идей» в нашем «обществе-государстве» предполагает — как условие функционирования и консолидации научного сообщества — слепоту и неспособность к пониманию своего национального и исторического прошлого, своеобразия своего «культурного» пространства, позволяя тем самым ее членам быть «свободным» от чувства ответственности за него.

Психоаналитик, вероятно, связал бы вытеснение у некоторых постмодернистов латентного чувства ущербности или неполноценности, подавляемого рессантимента, с их интересом к насилию самого разного рода: это может быть и замороженность левым марксизмом и революционизмом, и радостное принятие радикальной критики позитивной академической социологии или, напротив, интерес к антимодерности и склонность к политическому или философскому консерватизму, в ряде случаев даже — фундаментализму и т. п. Едва ли можно считать случайным в нашей литературе повышенное внимание к фигурам, к которым позитивистская либеральная социальная наука относится с явным предубеждением, к таким, как, например, Н. Хомски или К. Шмитт, при отсутствии должного внимания к основному корпусу социологической литературы (особенно относящейся к 1930—1960 гг.), включая классические работы Вебера, Зиммеля, Парсонса, Мертона и еще очень многих других. Для меня важен сам факт использования чужой критики теории для собственных нужд. Конфронтационный характер идеологических отношений легко переносится на нашу почву, меняя, правда, свою направленность: здесь не академический истеблишмент становится причиной отторжения, а как раз наоборот — ангажированные, но не академические научные группы и исследовательские

структуры. Как и в низовых слоях общества, у слабых в социальном плане или переходных групп, компенсаторное любование силой, насилием, пусть даже это чужое насилие, принимающее вид «настоящего бандитского шика», как говорил Мандельштам, сохраняется и в социальных науках в качестве важного ресурса самоутверждения и самоидентификации.

5

Таким образом, настроения среднего поколения российских социологов, выступающих с идеями постмодернистской ревизии социологии, интересны не собственно своим теоретическим «радикализмом», или «новационностью» (этого как раз и нет или маловато будет), а своей «симптоматичностью», «избирательным родством» с массовыми представлениями, образующими базу коллективной идентичности. Теоретической оригинальности в предлагаемых подходах или концепциях в действительности как раз и нет (иначе сама демонстрация заимствований была бы не так важна). Более того, элементы эклектического постмодернизма в размытом и менее концентрированном виде уже давно вошли в обиход основной массы университетских преподавателей, знакомых с социологией по свежим переводам новейшей литературы, ссылками на которую полны нынешние учебные пособия и курсы. (О качестве их или характере отбора сейчас не говорю.) Смесь раздражения, стеба, апатии, комплекса ущемленности в сочетании с функциональной необходимостью фигур «врагов» представляют собой чрезвычайно характерные и устойчивые реакции на происходящее основной массы населения нашего общества. Явно не будучи способным справиться с напряжениями, вызванными перспективами трансформации тоталитарного социума, необходимостью собственных усилий и веры, российское общество реагирует на текущие процессы вялым раздражением и цинизмом, характерным для людей, которых долгое время донимали моральными прописями: «Оставьте нас в покое». Оно предпочитает дисквалифицировать сами источники внутреннего морального или ценностного «инога», чем сделать такие же шаги, какие предприняли общества других стран. Это понятная реакция астенического поколения, приходящего вслед за поколением «хронической мобилизации», поколения детей советских «идеологических погромщиков» и их жертв. Собственное бессилие оборачивается стойким негативизмом к любому акту сознательного и ценностно выраженного

отношения к реальности, в первую очередь — к необходимости аналитического понимания источников насилия и принуждения, будь то в прошлом или в настоящем страны. (Тот же психоаналитик мог бы рассказать, какую смещенную реакцию агрессии вызывают попытки проникнуть в зону травматического сознания пациента, какие мощные защитные силы вступают в игру, когда дело касается самых важных, а потому и очень болезненных точек самоидентификации, вины, рождающейся из сознания своей несостоятельности и т. п.)

Таким образом, дело не в смене поколений¹ и не в акциях или манифестациях постмодернистов, а в проблеме ценностей исследователя в нашей науке, в механизмах самостерилизации ученых или исследователей. Здесь мы сталкиваемся с теми же явлениями или процессами, что уже зафиксированы нами в других сферах общественной жизни: устойчивости механизмов примитивизации, ценностной девальвации, декультурализации социальных отношений. Это не раз описанные в работах Левада-Центра стратегии пассивной адаптации населения, снижения уровня запросов, «понижающий трансформатор» человеческих отношений, массовый цинизм и показная религиозность, ригоризм и репрессивность в оценках. Именно эти проявления, казалось бы, должны стать предметом теоретической работы социологов, явно оказавшихся перед необычными проявлениями человеческой природы, реверсными движениями модернизационных процессов и культурной инволюции. При первом приближении к этим проблемами можно сказать, что здесь модернизационные или культурные новообразования нейтрализуются гораздо более примитивными и архаическими регулятивными механизмами и их соединениями.

Но пока нет никаких признаков подобного движения к «реальности». Вместо этого идет постоянное снижение интеллектуального уровня науки (разумеется, по отношению к **должному** и **ожидаемому**, а не к фактическому уровню советской и постсоветской науки).

Циническую позицию, которая мне мерещится за модой на постмодернизм, я рассматривал бы как признак слабости или творческого бесплодия, все равно, к какой бы сфере общественной жизни это ни относилось: к науке, к социальным отношениям или к литературе. Кстати, о литературе.

¹ В строгом смысле слова, смена поколений не меняет институциональную структуру отечественной науки.

Я глубоко убежден, что возможности развития у российской социологии связаны с перспективами ее кооперации с другими гуманитарными дисциплинами, возможностями обмена методами (концепциями) и материалом. Для меня признаками изменения ситуации в социологии было бы именно обращение социологов к материалу символических форм, оказывающихся предметом рационализации гуманитарных наук. Бедность своих антропологических конструкций российская социология могла бы компенсировать вторичным анализом того, что репрезентируют история, искусство, литература, кино. Именно их опыт и наработки могли бы дать импульс для собственной теоретической работы социологов (что, по сути, и делается постоянно в западных социальных науках — все научные бестселлеры последних лет связаны именно с такого рода работами). Эти сферы и, стало быть, науки, которые ими занимаются, оказываются гораздо более чувствительными к изменениям смысловых структур, моральных взаимоотношений в обществе, меняющих системы социальных связей. Если бы мы были чуть опытнее и внимательнее, мы могли бы задолго до нынешней фазы увидеть, предугадать нарастание многих явлений и тенденций, например, потребность в авторитаризме, эрозию и разложение элит, слабость солидарных отношений, блокирующих модернизационные процессы и многое другое. Однако ткнуть туда с теперешним концептуальным аппаратом социологии совершенно невозможно, ибо понятийные средства не позволяют фиксировать, анализировать и объяснять сложные формы и структуры взаимодействия, такие, как смыслопорождающие действия, игровые структуры и т. п.

Видимо, отсюда же проистекает популярность научных суррогатов или интерес к промежуточным или внедисциплинарным формам интерпретации, к эссеистике в духе М. Фуко, Ж. Батая, Ж. Делеза и других французских постмодернистских интеллектуалов. Их многообразие, нестрогость, неопределенность, если не сказать — мутность мысли, живописность, частые двусмысленности, вызывающие вполне оправданное нареkanie и раздражение позитивистски настроенных ученых, не отменяют функциональной значимости их работы. Они внимательны к внутренним движениям человеческого сознания, они тоньше чувствуют смысловую и социальную диалектику негативных сторон модернизации или становящегося современным общества. Они (или же — их эпи-

гоны) пытаются ощупать то, что не поддается терминологическому закреплению, то, для чего нет в общепринятых концепциях понятийных средств описания и объяснения, а именно: текстуру сложных смысловых отношений и конструкций. Как правило, даже в случае удачных заимствований такие описания принимают форму ценностно-нагруженных внутридисциплинарных или гуманитарных конвенций, не позволяющих их применение в других дисциплинах. Иными словами, для исследователей это очевидный, хотя и вынужденный паллиатив.

Для собственной социологической работы все равно приходится подобный материал переинтерпретировать, т. е., скажем, в литературных формах (т. е. — средствах литературного конструирования) увидеть нормы социального взаимодействия, проекции социальных взаимодействий и образований, социальных морфем, выступающих якобы как чисто эстетические конструкции. Нужно разбить их на отдельные элементы — времени (структурированного по типам действия), пространства, антропологии (судьбы, сюжетобразующих коллизий, типов сюжетов и типов персонажей, точки зрения автора как проекции определенных нормативных определений реальности). То же самое — и по отношению к истории или экономике. Здесь проблемы сложной мотивации экономического взаимодействия, доверия, солидарности, механизмы депривации, институционализации правил согласования смысла действия, контроля, гратификации, веры и проч. самым решительным образом требуют социологической интерпретации в категориях сложных форм социального действия. Нынешние подходы, скажем, в духе «рационального выбора» или тому подобных моделей страдают от принудительного экономического, инструментализирующего то, что по существу не является целевым действием.

6

Проблема в том, что социология (как и другие социальные или гуманитарные науки) не «видит» в силу разных причин сложные феномены, сложные, «метафорические» по характеру своего синтеза символических и нормативно-ценностных регулятивов формы социального поведения, соединения гетерогенных социальных и институциональных структур и культурных пластов, поскольку они не укладываются в ее сегодняшний расхожий и крайне бедный аппарат. Это слепота обусловлена тем, что достижения и результаты работы других дисциплин

(истории, литературоведения, философии, психологии или психоанализа, культурологии в широком смысле — наук о духе, истории идей и понятий, истории повседневности и проч.) не могут быть переведены на язык социологического знания. Нет понятий и инструментов для выражения сложных форм поведения, прежде всего — смыслопорождающих или смыслогенерирующих, смыслотранслирующих форм и т. п. Социальные науки сегодня работают либо с крайне упрощенными формами действия (целерациональными или ценностнорациональными), либо с эвристическими и мутными, «нечистыми» формами действия и взаимодействия, что создает иллюзию значительности или условия для шарлатанства.

Однако подобные теоретические разработки сложных форм социальных действий, в свою очередь, невозможны без понимания того, как происходит институционализация смыслополагания — обучение, согласование, социальный контроль, согласование интересов, принуждение или наоборот.

Поэтому, если говорить всерьез о перспективах теории социологии, есть несколько крупных задач, оказывающихся особенно важными именно для российской социологии, поскольку социальная гетерогенность здесь на порядок выше, чем в стабилизированных европейских обществах или в США. Более того, именно здесь мы наблюдаем инволюционные варианты развития, что делает шансы на генерализацию подобных теорий гораздо более высокими, позволяя предлагать соответствующие модели (предположим, что они разработаны) для других регионов, где отмечены явления или процессы абортивной модернизации. Перечислю эти задачи.

1. Разработка теории смыслопорождающего действия (производства таких действий, в которых смысл, полагаемый действующим, является не только схемой его последующего понимания, но и правилами предполагаемого взаимодействия с партнером). Она может быть реализована как типологическое описание многообразия механизмов смыслогенерации, сложных структур социального действия, синтезирующего более простые регулятивные структуры (понимания того, как это делает сам индивид в форме субъективной инновации или другого действия, соединяющего образцы социальных действий, данных разными институтами или разными пластами культуры). Если эта проблема будет решена как социологическая, т. е. будут найдены средства социологического анализа сложных культурных форм в современ-

ном обществе (а это значит — наиболее рафинированных и интимных сфер человеческого существования), то мы получим возможность для анализа уже высокодифференцированных институциональных и неинституциональных структур и форм взаимодействия, их объяснения и развития.

2. Теория сложных (синтетических) форм социального взаимодействия, смыслопорождающих механизмов по существу своему представляет решение **проблемы рациональности и ее типов, культурных обоснований синтеза идей и интересов**. Рациональность не сводится к вопросам нормативности какой-то одной схемы рационального действия, а представляет собой условия или возможности синтеза идей и интересов, соответственно, механизмов или структур соединения гетерогенности исторической и социальной, социальной и культурной регуляции и ее воспроизводства. Задача заключается в том, чтобы прояснить сами обстоятельства, в которых происходит этот синтез, правил синтезирования слоев и типов записей культурных значений, интересов и идей, социальных (групповых, институциональных) норм (прагматики) и символического репертуара.

3. Взаимодействие социологии и других дисциплин гуманитарного круга, в первую очередь истории. Последняя дает иную плоскость для последующей социологической работы — генетический аспект социальных явлений и процессов, происхождение нынешних форм социального взаимодействия, без учета и понимания которых невозможны понимание и теоретическое объяснение «причинности» или ее функциональных эквивалентов в системах интерпретации. Сегодня в общую кучу под именем «культурология» сваливаются проблемы, требующие усилия целого ряда наук: здесь и история идей или понятий, концепции визуальности, экспрессивности, теория символического, священного и мирского и проч., а также те вопросы, которыми занята практическая философия — концепции очевидности, систематического истолкования/рационализации ценностей, зла, теодицеи, смерти и проч.

4. Перспектива развития самой социологии открывается лишь с возможностями использования ресурсов и достижений смежных дисциплин. А для этого необходим не просто *аппарат перевода аналитических и концептуальных языков этих наук на языки социологии*, а выработка соответствующих аналогов работы *внутри самой* социологии (аналогичную работу пытался проделать Т. Парсонс, а еще ранее — М. Вебер; в меньшем

объеме соответствующие усилия предпринимали и другие основатели социологии и не потому, что им хотелось разработать генеральную теорию социологии, а потому, что этого требовала сама практика эмпирической работы).

Такая работа предполагает расширение представлений о типах действия, природе символов, типах антропологии, формах консолидации и более сложных, в смысле более противоречивых, процессах, чем это имеем место сейчас.

Сегодня развитие социологии блокируется ее государственно-академическим статусом. Дело не в каких-то внешних запретах и ограничениях, а во внутренних механизмах саморегуляции исследователей, парализующих автономное развитие дисциплины, т. е. отражение в теоретических задачах тех проблем, которыми озабочено общество. Дефицит теоретических средств объяснения заставляет молодых ученых обращаться к ресурсам западной социологии, которая, в свою очередь, оказывается все больше и больше в ситуации утраты к ней общественного интереса, поскольку ресурсы *этой* социологии заканчиваются. Она постепенно превращается в академическую резер-

вацию, зону интеллектуального застоя и консерватизма. Напротив, именно в России, как и в других странах догоняющего развития, особенно там, где барьеры на пути модернизации ведут к появлению обходных, параллельных или возвратных процессов, а значит, возникают совершенно новые социальные образования (шунты, заболачивание, тупики человеческого развития и т. п.), там возможности для теоретической работы социолога предельно благоприятны и широки. Поэтому вопрос об деэтизации социальной науки — это самый важный вопрос для будущего российской социологии. Не хотелось бы, чтобы ценностный нигилизм стерилизовал мотивационный потенциал российских социологов. В конце концов (и в этом, как оказалось, был конец экзистенциализма), ничего особенного в «пограничных ситуациях» найти не удалось: установка на раскрытие негативной «сущности» человека произвела типологическое множество ситуаций человеческой ничтожности. Вопрос, однако, заключается в другом: «культурные ли мы люди», «одарены ли способностью и волей сознательно относиться к миру и наделять его смыслом»...

АВТОРЫ НОМЕРА

АШКИНАЗИ Леонид Александрович (МИЭМ)

ВЕКШТЕЙН Марина Борисовна, независимый исследователь

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Левада-Центр)

ЗВЕРЕВА Галина Ивановна (РГГУ)

КОСОВА Лариса Борисовна (Независимый институт социальной политики)

КРАСИЛЬНИКОВА Марина Дмитриевна (Левада-Центр)

ЛАПИНА-КРАТАСЮК Екатерина Георгиевна (РГГУ)

МИЦЕК Сергей Александрович (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург)

РИМСКИЙ Владимир Львович (Фонд ИНДЕМ)

РФУЗ Ричард (Центр изучения публичной политики, Университет Абердина)

САТАРОВ Георгий Александрович (Фонд ИНДЕМ)

Юбилей Владимира Александровича Ядова

25 апреля 2009 г. Владимиру Александровичу Ядову исполнилось 80 лет.

Коллектив Левада-Центра от всей души поздравляет юбиляра и желает ему здоровья, долгих лет жизни и сохранения того же любопытства к социальной реальности, которое всегда отличало его в наших глазах. Для нас Владимир Александрович – не просто человек, на книгах и учебниках которого училось и выросло не одно поколение российских социологов, но и инициатор многих исследовательских начинаний во времена, которые вовсе не благоприятствовали творческим порывам, тем более – в исследовании ценностей и установок советских и постсоветских людей, не говоря уж о совершенствовании стратегии подобных исследований.

Ироническое дистанцирование как от навязываемой фальши любых официальных идеологий, так и от распространенной способности российских социологов сливаться с окружающим пейзажем даже без начальственного приказа не часто соединяется с человеческой порядочностью. Мы всегда ценили и ценим во Владимире Александровиче это редкое сочетание.

Еще раз поздравляем коллегу, друга нашего Центра!!!

SUMMARY

Reaction to Transformation: Trends in Russian Public Opinion (by Richard Rose). The paper is based on a vast amount of data received from a series of surveys «New Russian Barometer» that had been carried out in 1992–2008 by Yury Levada Analytical Centre according to the author's program and questionnaire. R. Rose analyzes the changes in the Russians' opinions on the issues of government policy, economical life, social sphere, stresses the controversial character of these evaluations and trends of their changes, in particular, divergence in attitudes and judgments of different generations.

Economic crisis in mass attitudes (by Marina Krasilnikova). The article based on the surveys of the Levada Center concentrates on mass attitudes towards the unfolding economic crisis in Russia in the early 2009. The author gives an overview of mass perceptions of the situation on labour market, mass evaluations of changes in personal material status, dynamics in consumer behaviour, fears and apprehension apropos dollar exchange rate and comes to the conclusion that the crisis has deeply affected the lives of common Russians.

Russia: Entering the Crisis, the Crisis, and the Way out of the Crisis (by Sergey Mitzek). Using the data of government statistics the author observes the changes in the country's economical and financial system, in investments and enterprising climate of recent months. The author analyzes anti-crisis measures of the Russian government and points to the lack of precise plan, non-transparence of procedures, delays and postponements in realization of adopted decisions, weak connections with society and business community. Under these conditions the core issue is, on the one hand, confidence between society, power and business, and, on the other hand, a more active and well thought out personnel policy of business structures with orientation to strategic problems of development.

The dynamic citizens' and entrepreneurs' evaluations of judicial system (by Georgy Satarov). The results of 2 surveys conducted in 2008 are analyzed (the first is the national representative survey, the second is the survey of Russian businessmen). The data is compared to the results of the similar surveys of 2001 and 2005. The surveys were focused on the practice of interaction between citizens and entrepreneurs on the one hand and the courts on the other, as well as on the analysis of attitudes towards the courts and judges. General increase in positive evaluations in the period of 2001–2008 is indicated. In case of entrepreneurs the increase is gradual, in case of citizens – drastic. This shift results from the personal experience of respondents.

The Society of Non-accumulation (by Larissa Kossova). The processes of social mobility in Russia are the subject of this article. The author carries out the secondary analysis of the data taken from the research «Social transformations in Russia. The elite», that had been conducted in 1993 by the team of the present Levada Centre (1812 interviews with representatives of the highest level of management, science and culture). The author comes to the conclusion that the system of social advancement, acknowledgement, and rewarding that had been formed up in the USSR hampered the accumulation of social resources both within the life of one generation and at inter-generational level. This broke off the impulses of development that stem from needs, resources and interests of the participants of social action. The values of activity and norms of self-regulation were substituted and forced out by the mechanisms of bureaucratic redistribution and nomenclature control.

Politics and Media Reality: Shaping up Public Opinion about the Last Caucasus War (by Ekaterina Lapina-Kratasyuk). The article raises a question by what means and through what media public agenda is built up today in Russia, in particular, on the is-

sues connected with August 2008 conflict between South Ossetia, Georgia and Russia. The author's special attention is drawn to the role of Internet as a communication means relatively new and not available for the majority of the Russians in comparison to television, to the role of «net» in shaping public opinion on actual political issues among youth. From this perspective the author presents and analyzes the findings of the survey of 50 culturology students of the 3d- 5th years carried out by herself in September–October 2008.

What are «We» to be Called Now? Formulas of Collective Self-identification in Contemporary Russia (by Galina Zvereva). The author examines official documents dealing with the founding of «the Russian nation»: «The Russian Project» of the Party «Yedinaya Rossia», documents of All-Russia Union of Public Associations «The Russian Nation» and all information on this issue, as well as about the notions «citizenship», «civic initiative», «national leader, etc. in the Russian press and Internet in the 2000-s. The author uses the method of culturological discourse-analysis exploring this «new Russian project» as «narrative» and showing new rhetoric and technology of domination when the Russian state and «the party of power» assume the function of the chief «demiurges» of collective identity.

The Impact of Internet on Social Activity of, Shaping and Developing Identities (by Vladimir Rimskyi). The article discusses the notion «identity» in Z. Freud's conception and in later psychology and social sciences. Internet development brings about changes into the problems of identification and identity which the author connects with new forms of sociality in the epoch of post-modern. The author considers the issue of stability and changeability of identities in post-Soviet Russia using the data of the surveys carried out by Levada Centre and other sociological organizations.

Ethnic Preferences in Leasing Apartments in Moscow (by Leonid Ashkinazi and Marina Vekshstein). Using the advertisements about renting apartments at the major realtors' sites the authors analyze the relationship between ethnic composition of the capital's districts and ethnic preferences of citizens letting apartments or rooms. The level of turning down the representatives of non-Russian (non-Slavic) ethnicities – primarily the inhabitants of the Caucasus and Middle Asia – is in Moscow up to 60% of those who gave advertisements about leasing a dwelling. The maximum level of refusals was found out in the families who estimated their dwelling \$300 a month (medium price scope) and in Moscow districts characterized by the maximum concentration of newcomers, and correspondingly, cheaper apartments.

Are there Grounds for Theoretical Sociology in Russia? (by Lev Gudkov). The paper is based on the report at the XVI Symposium «The ways of Russia» (January 2009). According to the authors opinion, the remaining system of the Russian science organization through government agencies, the principles of forming up its personnel, the systems of acknowledgement and rewarding actually deprives humanities and social sciences in Russia of theoretical potential, of the very interest to general issues, to their theoretical working up which is impossible without interdisciplinary – historical, humanitarian – context. In recent years some younger Russian scientists' not infrequent turning to the ideas and fashionable figures of European post-modernism leaves aside the problems facing the Russian society and similar social formations. In this situation the author skeptically treats the calls for engaging in «pure science» claimed by representatives of younger generation of the Russian sociologists who accept neither nomenclature character of sciences serving the government interests, nor «empirical sociology» sterile in relation to any theories.

ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2009 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 220 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

С 2009 года редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10